

ISSN 2412-1762

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Москва

ВЕСТНИК

**Международного юридического института
Научно-информационный журнал**

ISSN 2412-1762

№ 3 (70) 2019

Основан в июле 2001 г.
Выходит 1 раз в 3 месяца

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ –
Международный юридический институт

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Жильцов Н.А., к.ю.н., к. пед. н., проф., председатель редколлегии,
Чердаков О.И., д.ю.н., проф. (главный редактор),
Буков В.А., к.ю.н., доцент,
Демин А.М., к.и.н., доцент,
Жильцова О.Н., к.пол.н.,
Милосердов В.Н., к.и.н.,
Бит-Шабо И.В., д.ю.н., доцент,
Епифанова Т.В., к.и.н., доцент,
Ходусов А.А., к.ю.н., доцент,
Шеховцева Е.Ю., к.э.н., доцент,
Лавицкая М.И., д.ист.н., профессор, доцент,
Пахолкин Д.А., к.пол.н., декан юридического факультета,
Зикеева К.С., выпускающий редактор .

Адрес редакции:
127427 Москва,
Кашенкин луг, д. 4
Тел./факс: (495) 9358256
E-mail: science@lawinst.ru
<http://www.lawacademy.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-16506 от 13 октября 2003 г.
© Международный юридический институт, 2019
Все права защищены
Подписано к печати 23.03.2020
11,687 уч. изд. л.
Журнал публикуется на сайте института
<http://lawacademy.ru/>

В Н О М Е Р Е

НАУКА И ПРАКТИКА

Гражданское и предпринимательское право / Гражданский процесс

Князева Елена Юльевна

*К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ*..... 5

Пустовалова Ирина Николаевна, Быков Дмитрий Юрьевич

*НАЛОГОВОЕ РЕЗИДЕНТСТВО ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*..... 12

Столяров Дмитрий Анатольевич, Никитина Елена Георгиевна

*ПОНЯТИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ СЕМЬИ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ*..... 22

Теория и история государства и права

Багдасарян Сусанна Джамилловна, Зуев Михаил Борисович

ЛАТЫНЬ КАК ЯЗЫК ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ..... 34

Колябин Алексей Юрьевич, Руссу Оксана Дмитриевна

*РАСПАД СССР КАК КАТАЛИЗАТОР ФОРМИРОВАНИЯ
НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ*..... 42

Кузнецова Наталья Николаевна

ДЕСТРУКТИВИЗМ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ..... 48

Лавицкая Марина Ивановна

*КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОГО И
ПОСТЛИБЕРАЛЬНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА. ЧАСТЬ 1*..... 56

Тарасов Никита Игоревич

*ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ОХРАНЯЕМЫХ
УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ ОБЪЕКТОВ (СВОД ЗАКОНОВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1832 Г.)*..... 78

Уголовное право

Пчелкина Елена Витальевна

*НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О НАСИЛЬСТВЕННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ПРОТИВ
ЛИЧНОСТИ*..... 84

Шеншин Виктор Михайлович <i>РЕШЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ</i>	92
---	----

Административное право

Афанасьева Мария Павловна <i>АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ РАВНОГО ДОСТУПА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ</i>	99
--	----

Педагогика

Гудкова Марина Валерьевна <i>ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»</i>	108
Кузнецова Ольга Александровна <i>ИЗ ПРАКТИЧЕСКОГО ОПЫТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ</i>	117

СЛОВО СТУДЕНТУ

Борков Владимир Валентинович <i>СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ</i>	124
Бочкарев Михаил Викторович <i>ПРИМЕНЕНИЕ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ</i>	134
Ворона Татьяна Геннадьевна <i>АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ)</i>	145
Григоренко Фаина Романовна <i>РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ АВТОНОМНОЙ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ</i>	153
Максимов Дмитрий Геннадьевич <i>ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ ВНЕ РАМОК БАНКРОТСТВА</i>	161

Туркина Дарья Дмитриевна <i>ДЕВИАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....</i>	168
Язева Ирина Владимировна <i>ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ПЕРИОД 1990-2000 ГОДОВ.....</i>	177

НАУКА И ПРАКТИКА

Гражданское и предпринимательское право / Гражданский процесс

Князева Елена Юльевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового права
юридического факультета
Института экономики, управления и права
Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ)
Knyazeva E. Yu.

Cand. of Sci. (Law), associate professor,
associate professor Department of Financial Law
Faculty of Law Institute of Economics, management and law
Russian State University for the Humanities (RSUH)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ

ON THE LEGAL STATUS OF BUDGETARY INSTITUTIONS: FINANCIAL ASPECT

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности правового положения бюджетных учреждений как субъектов бюджетного права, рассматриваются перспективы совершенствования бюджетного законодательства в данной сфере. Предложены авторские рекомендации по возможным устранением несоответствий в действующем бюджетном законодательстве Российской Федерации.

Annotation. The article analyzes some features of the legal status of budgetary institutions as subjects of budgetary law, discusses the prospects for improving budgetary legislation in this area. Authors recommendations on possible elimination of inconsistencies in the current budget legislation of the Russian Federation are proposed.

Ключевые слова: бюджетные учреждения, субсидии, финансовый контроль, бюджетный процесс, бюджетные средства.

Key words: budget institutions, subsidies, financial control, budget process, budget funds.

Среди ключевых направлений финансовой политики государства следует выделить создание определенной системы бюджетных учреждений, которые наиболее эффективно функционируют и рационально используют бюджетные денежные средства, направленные на их содержание, реализуя в то же время и свои функции и задачи. На современном этапе экономического развития существующее недофинансирование бюджетных учреждений приводит к тому, что с целью «выживания» им предоставляется право в некотором объеме заниматься и предпринимательской деятельностью, что является предпосылкой их трансформации в субъекты частного права

Стоит отметить, что на сегодняшний день существует необходимость урегулирования правового положения бюджетных учреждений, уточнения законодательной регламентации их прав и обязанностей, отвечающих современным требованиям. Правовой режим доходов от иных услуг, оказываемых бюджетными учреждениями, позволяет им частично распоряжаться этими доходами. Полученными доходами бюджетные учреждения распоряжаются на основании права оперативного управления с учетом ограничений, которые закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации¹.

В ст. 9.2. Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – Закон о некоммерческих организациях)² бюджетным организациям, как и другим некоммерческим организациям, разрешено осуществлять иные приносящие доход виды деятельности. При этом иные виды деятельности не являются для некоммерческих организаций основными, но должны служить реализации миссии, развитию стратегии, достижению целей, ради которых созданы эти организации, и соответствовать указанным в учредительных документах целям при условии, что такая деятельность указана в данных документах организации. Таким образом, им разрешено получать иной доход. Полученные денежные средства при зачислении на

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 145.

счета Федерального казначейства РФ приобретают статус бюджетных средств, а следовательно, при их излишке на конец финансового года подлежат зачислению в бюджет. Для наиболее рационального и эффективного функционирования бюджетных учреждений представляется целесообразным оставлять самостоятельно полученный доход в распоряжении бюджетного учреждения, а не перечислять в соответствующий бюджет.

Несмотря на то, что доходы от осуществления бюджетными учреждениями иной деятельности, приносящей доход, носят вторичный (не основной) характер, они могут стать достаточно серьезным экономическим стимулом повышения эффективности работы и качества услуг, которые оказываются бюджетными учреждениями. Однако вместе с тем необходимо отметить, что за такой деятельностью необходим контроль со стороны государства, поскольку должен соблюдаться баланс интересов.

Бюджетным учреждениям, согласно Закону о некоммерческих организациях, имущество предоставляется на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Право хозяйственного ведения предоставляет таким субъектам возможность распоряжаться только движимым имуществом, а недвижимым имуществом бюджетное учреждение распоряжается исключительно с согласия учредителя. Право оперативного управления ограничивает возможность бюджетных учреждений распоряжаться любым видом имущества, закрепленного за ними, без согласия собственника. Распоряжение доходом, полученным от использования имущества, находящегося в хозяйственном ведении, не ограничено, а в оперативном управлении ограничено целями деятельности и указанием в учредительных документах.

Финансы предприятий и организаций всех форм собственности, образующихся за счет собственных ресурсов, а также государственные и муниципальные бюджетные учреждения являются частью государственных финансов, образующих децентрализованные фонды денежных средств государства. Особое место в финансовой системе государства занимают бюджетные учреждения, функционирование которых обусловлено потребностью выполнения органами государственной власти и органами местного самоуправления возложенных на них функций и решения необходимых для жизнедеятельности государства задач.

Правовое регулирование в области финансирования деятельности бюджетных учреждений идет по пути поиска дополнительных финансовых, в том числе, внебюджетных источников для слаженного функционирования финансовой системы в целом. Это обстоятельство указывает на то, что бюджетным учреждениям предоставляется частичная самостоятельность и относительная свобода в способах аккумулирования и расходования собственных финансовых ресурсов. Анализ бюджетного законодательства позволяет констатировать, что в современных условиях в регулировании правового статуса бюджетных учреждений существуют определенные сложности, связанные, в первую очередь, с вопросами финансирования. Основными проблемами финансирования бюджетных учреждений можно считать нехватку собственных денежных средств и недофинансирование из бюджета.

В соответствии с нормами действующего Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ) бюджетные учреждения не являются участниками бюджетного процесса, что, в свою очередь, затрудняет определение их места в финансовой системе государства. Так, ст. 6 БК РФ «Понятия и термины, применяемые в настоящем Кодексе», содержащая основные понятия, определения и категории, используемые в бюджетном законодательстве, в том числе, указывающая получателей бюджетных средств, к которым относятся орган государственной власти, орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета¹, исключает из данного списка бюджетные учреждения.

В свою очередь, ст. 152 БК РФ определяет участников бюджетного процесса, к которым относят получателей бюджетных средств и, как уже отмечалось выше, к этому перечню не относятся государственные (муниципальные) учреждения, в частности, бюджетные учреждения. Однако в ст. 69.2 БК РФ указывается, что бюджетные учреждения являются получателями субсидий на финансовое обеспечение выполне-

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Российская газета, № 153-154, 12.08.1998.

ния государственного (муниципального) задания. Субсидии бюджетное законодательство относит к одному из методов бюджетного финансирования, определяя их в ст. 132 БК РФ «Субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации из федерального бюджета»: «...1. Под субсидиями бюджетам субъектов Российской Федерации из федерального бюджета понимаются межбюджетные трансферты, предоставляемые бюджетам субъектов Российской Федерации в целях финансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам ведения субъектов Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, и расходных обязательств по выполнению полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения».

Субсидии предоставляются на основе договора (и/или соглашения) в соответствии п. 1 ст. 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации. В то же время из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации могут предоставляться субсидии бюджетным и автономным учреждениям на иные цели. Эти учреждения не перестают быть объектами государственного финансового контроля ст. 266.1 БК РФ. Таким образом, представляется не совсем обоснованным исключение бюджетных учреждений из участников бюджетного процесса, так как они являются получателями субсидий на выполнение государственного задания, таким образом, становясь исполнителями бюджета, отчитывающимися об исполнении государственного задания.

Далее следует указать, что ст. ст. 68, 69, 78 БК РФ регламентируют, что, согласно действующему бюджетному законодательству, субсидии, полученные бюджетными учреждениями, не являются бюджетными средствами. Согласно позиции Министерства финансов Российской Федерации, изложенной в письме от 23 мая 2014 г. № 02-03-11/24579¹, при списании субсидий на выполнение государственного задания с единого счета бюджета и зачисление их на счет бюджетного учреждения они теряют статус средств выделившего их бюджета. А следовательно, на указанные средства перестают распространяться требования бюджетного законодательства, а именно: соблюдение

¹ Письмо Минфина России от 23.05.2014 № 02-03-11/24579 // «Автономные учреждения: акты и комментарии для бухгалтера», 2014, № 5 (Номер в ИБ 8524).

принципа эффективности использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ), принципа адресности и целевого характера бюджетных средств (ст. 38 БК РФ), положения ст. 306.4 «Нецелевое использование бюджетных средств» Бюджетного Кодекса Российской Федерации.

Исходя из вышесказанного, представляется, что выделенные на выполнение государственного задания субсидии, перечисленные соответствующему бюджетному учреждению, теряют статус бюджетных средств. Они предоставляются бюджетным учреждениям для исполнения бюджета, выполнения государственного задания, не наделяя их при этом статусом получателей бюджетных средств. Данная позиция не совсем обоснована, в связи с этим представляется целесообразным сохранять распространение на выделенные субсидии режима бюджетных средств и регулировать их бюджетным законодательством по аналогии с другими видами бюджетных трансфертов. Это позволит унифицировать правила распространения норм бюджетного законодательства на все выделяемые из бюджета ассигнования. Отсюда вытекает следующее: предоставляемые государственным (муниципальным) учреждениям субсидии де-факто относятся к бюджетным ассигнованиям, являются бюджетным трансфертом и являются видом бюджетного финансирования. Для наиболее четкого, на наш взгляд, регламентирования предлагаем внести в ст. 6 БК РФ в части «Получатели бюджетных средств» бюджетные учреждения.

Согласно бюджетному законодательству, бюджетные учреждения являются объектами финансового контроля (ст. 266.1 БК РФ). Финансовый контроль является важным институтом обеспечения целесообразности и законности осуществляемой финансовой деятельности. Наличие и организация государственного финансового контроля – это обязательное условие управления публичными финансами. Цель финансового контроля – выявление отклонений от законодательно установленных нормативов, а также поиск нарушений основных принципов бюджетного права и процесса, уплаты налогов, с целью компенсации ущерба, причиненного государству, субъектам Федерации, муниципальным образованиям.

Финансовый контроль как самостоятельный финансово-правовой институт имеет ряд особенностей проявления в различных областях государственной финансовой деятельности. Тем не менее, многие проблемные вопросы остаются нерешенными и требуют должного урегулирования.

Основным направлением модернизации государственной контрольно-надзорной деятельности должна явиться четкая организация контроля за слаженной работой муниципальной и государственной администрации, которая, прежде всего, выражается в уточнении предмета организации контроля и самого контроля: контроль представляет собой как соответствие требованиям нормативных правовых актов, так и эффективность, результативность деятельности публичных органов власти. Уже неоднократно в научной литературе указывалось, что БК РФ не совсем корректно определил объекты финансового контроля. Объектами финансового контроля, согласно ст. 266.1 БК РФ являются субъекты – органы власти, государственные и муниципальные учреждения и т.д. Объектом является сама деятельность этих учреждений и иных субъектов бюджетного права. Объект – это то, по поводу чего складываются правоотношения в определенной сфере, поэтому представляется, что объектом должна быть финансово-хозяйственная деятельность, в частности, бюджетных учреждений.

В целях наиболее эффективного осуществления финансового контроля за деятельностью бюджетных учреждений – объектом финансового контроля, целесообразно закрепить обязанность проведения внешнего аудита и внести бюджетные учреждения в качестве субъектов обязательного аудита в ст.5 Федерального закона № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»¹. Аудит показал себя как один из наиболее эффективных видов финансового контроля, в связи с чем представляется, что бюджетные учреждения, осуществляющие операции с бюджетными средствами в рамках выполнения государственного задания, должны являться субъектами обязательного аудита вместе с другими особыми хозяйствующими субъектами, в том числе, субъектами предпринимательской деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 145.

¹ Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 05.01.2009, № 1, ст. 15.

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Российская газета, № 153-154, 12.08.1998.

4. Письмо Минфина России от 23.05.2014 № 02-03-11/24579 // «Автономные учреждения: акты и комментарии для бухгалтера», 2014, № 5 (Номер в ИБ 8524).

5. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 05.01.2009, № 1, ст. 15.

Пустовалова Ирина Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Ивановского филиала
Международного юридического института
Pustovalova I.N.
candidate of law, associate Professor,
head of the Department of civil law and procedure
Ivanovo branch International law Institute

Быков Дмитрий Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Ивановского филиала
Международного юридического института
Bykov D.Yu.
PhD in law, associate Professor of civil law and process
Ivanovo branch International law Institute

НАЛОГОВОЕ РЕЗИДЕНТСТВО ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TAX RESIDENCE OF AN INDIVIDUAL UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «резидент» в российском законодательстве

применительно к налоговым отношениям, критерии отнесения отдельных категорий физических лиц к резидентам и налогоплательщикам, подчеркивается значение определения статуса резидента для целей налогообложения, устранения двойного налогообложения и уклонения от налогообложения.

Abstract. The article discusses the various approaches in Russian law to the definition of “resident” in relation to tax relations, the criteria for classifying certain categories of individuals as residents and taxpayers, emphasizes the importance of determining the status of a resident for tax purposes, to avoid double taxes and tax evasion.

Ключевые слова: физическое лицо, налоговый резидент, валютный резидент, двойное налогообложение.

Key words: individual, tax resident, currency resident, double taxation.

Обязанность платить установленные законом налоги и сборы является безусловным требованием государства. Это требование закреплено в статье 57 Конституции Российской Федерации¹ и носит публично-правовой характер. Налоги выступают важной экономической детерминантой существования и функционирования государства, основным источником доходов государственного бюджета, необходимым компонентом, обеспечивающим реализацию государственной социально-экономической политики.

Механизм налогообложения, направленный на обеспечение полноты взимания налогов и сборов с налогоплательщиков, должен носить законный характер, быть понятен налогоплательщику, исключать неправомерность деятельности налоговых органов и их должностных лиц. Законно установленным, как указывается в правовой позиции Конституционного суда, налог считается тогда, когда все его обязательные элементы, включая объект налогообложения и налоговую базу, определены в законе с тем, чтобы налогоплательщик точно знал, какие налоги, когда и в каком порядке он должен платить².

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

² Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 294-О-П «По запросу Арбитражного суда Нижегородской области о проверке конституци-

Не менее важной составляющей законности налога, на наш взгляд, является и правильность определения субъекта уплаты налогов, что подтверждается и положением, закрепленным в статье 3 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), гласящим, что «ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы не предусмотренные» НК РФ¹. От статуса налогоплательщика зависит налоговая ставка, возможность предоставления налоговых льгот, решение проблемы с двойным налогообложением и т.д. Несмотря на достаточно детальное описание критериев налогоплательщиков и объектов налогообложения, в практике возникают споры касательно правильного определения субъектов налоговых отношений, прежде всего исходя из принципа резидентства и объекта налогообложения.

Неоднозначные подходы к определению термина «резидент» имеют место и в специальной литературе. Как указывают Т.Э. Рождественская и Е.А. Гузнова, рассматриваемая дефиниция не имеет четкого определения в российском законодательстве, равно как и в международных документах².

В ст. 19 НК РФ обозначен субъектный состав плательщиков, к которым отнесены организации и физические лица, на которых Налоговым Кодексом возложена обязанность уплачивать налоги, сборы, страховые взносы. Определяя круг налогоплательщиков, законодатель градирует их на две группы: резидентов и нерезидентов. К первой категории отнесены лица, уплачивающие налоги государству со всех видов дохода независимо от того, где они получены – в пределах территории российского государства или за его пределами. Ко второй группе отнесены плательщики налогов, исчисляемых с доходов, полученных сугубо от источников в пределах российского государства. Так, например, статьей 207 НК РФ закреплено легальное определение налогоплательщика налога на доходы физических лиц. В частности, к

онности пункта 2 статьи 333.18, подпункта 20 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации и пункта 4 статьи 16 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним"»// Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 2008.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 31.10.2019) // Российская газета, № 148-149, 06.08.1998.

² Рождественская Т.Э., Гузнова Е.А. Российский и международные подходы к определению понятия налогового резидентства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 94 - 99.

такovým отнесены «физические лица, являющиеся налоговыми резидентами Российской Федерации, а также физические лица, получающие доходы от источников в Российской Федерации, не являющиеся налоговыми резидентами Российской Федерации»¹.

В качестве критерии распознавания налогового резидента (физического лица) законодатель устанавливает временной период нахождения субъекта в пределах Российской Федерации – не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Данный период исчисляется на дату получения резидентом дохода независимо от того, в одном налоговом периоде (календарном году) он имел место или начался в одном, а закончился в следующем налоговом периоде (календарном году). Здесь берутся в расчет только фактические месяцы², при этом пребывание за границей в целях обучения либо краткосрочного лечения не подлежат учету.

Однако относительно того, включать ли в этот период день въезда и выезда, в практике однозначного мнения не сложилось. Общее правило гласит, что течение сроков применительно к налоговым правоотношениям (п. 2 ст. 6.1. НК) исчисляется со следующего дня с момента наступления события, которым определяется его начало. Законодательной трактовки придерживается и судебная практика³. С точки зрения Минфина России, день приезда и выезда должны включаться в рассматриваемый период (183 дня), так как «физическое лицо фактически находилось на территории» российского государства (Письмо Минфина России от 13.08.2019 № 03-04-05/61114).

Установленный законодателем критерий не применим к российским военнослужащим, проходящим службу за рубежом, государственным и муниципальным служащим, находящимся в служебных командировках. Данная категория признается резидентами независимо от пребывания или отсутствия в установленный законом период на территории Российской Федерации.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.09.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.

² Письмо Минфина от 13.08.2019 № 03-04-05/61114 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление ФАС Центрального округа от 11.03.2010 по делу № А54-3126/2009С4 Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Следует обратить внимание, что для определения статуса налогоплательщика по признаку получения дохода в обозначенный законом период гражданство не имеет значения. Иностранное лицо при наличии соответствующих условий может быть признано резидентом, а гражданин РФ при отсутствии таковых – нет.

С позиции валютного законодательства, наоборот, гражданство имеет значение. Резидентом признаются физические лица, имеющие гражданство России (причем факт наличия или отсутствия у них постоянного места жительства или имущества на территории российского государства не имеет значение) либо постоянно проживающие и имеющие вид на жительство в Российской Федерации лица (п. 6 ст. 1 ФЗ № 173-ФЗ от 10.12.2003 г.)¹. Следует обратить внимание на то, что специальное регулирование валютного резидентства распространено в законодательстве государств – членов СНГ. Законодательство большинства иных государств, например, стран Европейского союза, США, Канады не содержит норм, направленных на определение статуса резидента для целей валютного контроля².

Статусом резидента законодатель не наделяет высококвалифицированных специалистов – иностранцев, приглашенных на работу в Россию и получающих заработную плату, апатридов и иностранных граждан, признанных беженцами (лиц, преследуемых по политическим убеждениям, вероисповеданию, национальности и т.д., не являющихся гражданами РФ, при этом не имеющих возможности или не желающих пользоваться защитой государства, к которому они принадлежат в силу гражданства в виду опасения стать жертвой преследования по перечисленным в законе мотивам)³; участников Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, членов экипажей судов, плавающих под государственным флагом РФ (ст.224 НК РФ). Но указанные категории лиц находятся в зоне действия ограниченной налоговой юрисдикции. Налоговое бремя они несут посред-

¹ О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Парламентская газета, № 233, 17.12.2003.

² Цепова Е.А. Физическое лицо – резидент в налоговом и валютном законодательстве Российской Федерации // Налоги. 2019. № 2. С. 31 - 32.

³ О беженцах: федеральный закон от 19.02.1993 N 4528-1 (ред. от 26.07.2019) // Российская газета № 126 от 03.06.1997.

ством уплаты налогов сугубо с доходов, полученных ими от источников в Российской Федерации. Для лиц, не отнесенных к налоговым резидентам, установлены повышенные налоговые ставки с большей части облагаемых налогом доходов – 30% против 13% применяемых к остальным категориям налогоплательщиков. Им также не предоставляются налоговые преференции (например, налоговые вычеты).

Еще один важный аспект, связанный с определением физического лица как резидента в налоговых отношениях, – критерии, определяемые в международных документах. Необходимость учитывать международные нормы при определении статуса налогового резидента обозначена как в законодательстве Российской Федерации, так и в правовых позициях судебных органов.

Так, в Модельной конвенции ОЭСР дефиниция «резидент Договаривающегося государства», применяемая только в целях самой Конвенции, раскрывается через лицо, которое по законам этого государства подлежит в этом государстве налогообложению по причине его домициля, резидентства, места управления или любого иного аналогичного критерия¹. Российской Федерацией заключено достаточно большое количество двусторонних соглашений, основанных на Модельной конвенции и направленных на избежание двойного налогообложения, в которых активно применяется определение резидента, приведенное в Модельной конвенции. Условия отнесения лица к резидентам, содержащиеся в соглашениях, в основном, идентичны.

Так, например, согласно Конвенции между Правительством РФ и Правительством Республики Казахстан от 18.10.1996, «резидентом» признается любое лицо, подлежащее налогообложению по законодательству государства на основании его местожительства, постоянного местопребывания, места управления, регистрации или создания или любого другого критерия аналогичного характера². При этом базовым признаком для отнесения физического лица к резидентам является

¹ Модельная конвенция ОЭСР в отношении налогов на доходы и капитал (1977 г.). [Электронный ресурс] Российский налоговый портал. URL: <http://taxpravo.ru/international/zakonodatelstvo>

² Об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал: Конвенция между Правительством РФ и Правительством Республики Казахстан от 18.10.1996 // Бюллетень международных договоров, № 6, 1998.

наличие у него дохода из источников, расположенных в этом государстве, или находящегося в нем капитала.

В случае, если физическое лицо является одновременно налоговым резидентом обоих государств, то главным критерием становится определение центра его наибольших жизненных интересов. При невозможности установления данного критерия государством налогового бремени становится государство, где лицо обычно проживает. Если и этот критерий трудно определяем, то за основу берется гражданство, а при наличии двойного гражданства – решение остается за договаривающимися сторонами и принимается в рамках предусмотренной взаимосогласительной процедуры (ст. 25 Конвенции). Соглашением между Правительством РФ и Правительством Австралии от 07.09.2000 при наличии спорных вопросов (например, наличие недвижимости в обоих государствах) определяющим фактором признается гражданство¹.

Налоговое законодательство наиболее подвержено изменениям. Не остался без внимания и вопрос совершенствования правовых норм, содержащих критерии определения налогового резидента. В основу предстоящих изменений заложена концепция центра жизненных интересов, характеризующая личные, социальные и экономические связи личности². В соответствии с утвержденными Минфином России «Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» предполагается сократить сроки фактического пребывания на территории РФ физических лиц до 90 дней для признания их резидентами. Это обусловлено возросшей в последние десятилетия мобильностью физических лиц, стремлением государства вовлечь в налоговую юрисдикцию РФ более широкий круг налогоплательщиков, минимизировать случаи уклонения от уплаты налогов.

¹ Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Австралии от 07.09.2000 // Бюллетень международных договоров, № 5, 2004.

² Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов, утв. Минфином России// Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: <https://www.minfin.ru>

В этих же целях уже были внесены изменения в налоговое законодательство Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ, вменившим в обязанность налоговым резидентам представлять налоговым органам по месту своего учета отчеты о движении средств по счетам (вкладам) в банках за пределами территории Российской Федерации¹.

Стремление к гармонизации и унификации законодательства – тенденция, особо характерная для современного периода. В налоговой политике российского государства уделяется значительное внимание сближению норм налогового законодательства, стандартизации подходов к налогообложению доходов физических лиц. Федеральным законом от 01.05.2019 № 79-ФЗ ратифицирована многосторонняя «Конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения»². Конвенция содержит ряд положений, которые ужесточают нормы межгосударственных соглашений. Положения Конвенции касаются предоставления налоговых льгот при двойном резидентстве, условий владения акциями, паями, налогов с продажи недвижимости, порядка взимания налогов с доходов и других вопросов.

Таким образом, в национальном законодательстве основные критерии отнесения физических лиц к налогоплательщикам связаны с такими принципами налогообложения, как принцип резидентства и принцип территориальности. Статус налогового резидента определен достаточно детально и охватывает различные категории физических лиц. При этом дефиниция «резидент» по своей конструкции отличается, исходя из областей применения – налогового и валютного регулирования, что является особенностью российского законодательства.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 218-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

² О ратификации многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения: Федеральный закон от 01.05.2019 № 79-ФЗ // Российская газета, № 98, 08.05.2019.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Австралии от 07.09.2000 // Бюллетень международных договоров, № 5, 2004.
3. Об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал: Конвенция между Правительством РФ и Правительством Республики Казахстан от 18.10.1996 // Бюллетень международных договоров, № 6, 1998.
4. О ратификации многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения: Федеральный закон от 01.05.2019 № 79-ФЗ // Российская газета, № 98, 08.05.2019.
5. Модельная конвенция ОЭСР в отношении налогов на доходы и капитал (1977 г.) [Электронный ресурс] Российский налоговый портал. URL: <http://taxpravo.ru/international/zakonodatelstvo>
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 218-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
7. О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Парламентская газета, № 233, 17.12.2003.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.09.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 31.10.2019) // Российская газета, № 148-149, 06.08.1998.

10. О беженцах: федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 26.07.2019) // Российская газета № 126 от 03.06.1997.
11. Письмо Минфина России от 13.08.2019 № 03-04-05/61114 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов, утв. Минфином России// Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: <https://www.minfin.ru>
13. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 294-О-П «По запросу Арбитражного суда Нижегородской области о проверке конституционности пункта 2 статьи 333.18, подпункта 20 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации и пункта 4 статьи 16 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним"»// Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 2008.
14. Постановление ФАС Центрального округа от 11.03.2010 по делу № А54-3126/2009С4 Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Рождественская Т.Э., Гузнова Е.А. Российский и международные подходы к определению понятия налогового резидентства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 94 - 99.
16. Цева Е.А. Физическое лицо – резидент в налоговом и валютном законодательстве Российской Федерации // Налоги. 2019. № 2. С. 29 - 33.

Столяров Дмитрий Анатольевич,
кандидат исторических наук,
доцент отделения общеинститутской кафедры
теории права и государственно-правовых дисциплин
Ивановского филиала
Международного юридического института

Stolyarov D. A.
candidate of history,
associate Professor of the Department of the General Institute
Department theory of law and state-legal disciplines
Ivanovo branch of the International law Institute

Никитина Елена Георгиевна,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Ивановского филиала
Международного юридического института

Nikitina E. G.
lecturer of the Department of civil law and procedure
Ivanovo branch International law Institute

**ПОНЯТИЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ СЕМЬИ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И МЕЖОТРАСЛЕВОЙ
АНАЛИЗ**

**CONCEPT AND SOCIAL AND LEGAL ESSENCE OF THE
FAMILY: INTERDISCIPLINARY AND
INTER-BRANCH ANALYSIS**

Аннотация. Статья посвящена анализу семьи как важнейшего социально-правового института. Авторами на основе гражданско-правового и уголовно-правового анализа с привлечением знаний общественных и гуманитарных наук осуществлена попытка комплексного подхода к определению понятия и сущности семьи. В работе уточнено содержание понятия семьи с учетом современных научных разработок, а также фундаментальных и прикладных подходов.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the family as the most important social and legal institution. The authors, on the basis of civil law and criminal law analysis, using the knowledge of other social sciences and humanities, attempted an integrated approach to the definition of the concept and essence of the family. The paper clarifies the content of the concept of family, taking into account modern scientific developments, as well as fundamental and applied approaches.

Ключевые слова: институт семьи, семейные правоотношения, интересы семьи, брачный союз, Семейный кодекс РФ, уголовно-правовое законодательство.

Key words: family institute, family legal relations, family interests, marriage union, Family Code of the Russian Federation, criminal law legislation.

В Российской Федерации на регулирование семейных отношений, охрану семьи и складывающихся вокруг нее отношений направлены действия нескольких правовых отраслей, вооружённых различными правовыми методами. В современной общественно-правовой практике семья рассматривается в качестве предмета правового регулирования в рамках конституционного, семейного, гражданского, жилищного и иных отраслей права. Деятельность данных отраслей направлена на обеспечение их стабильного функционирования.

Межотраслевая методология, действующая в сфере охраны интересов семьи, без сомнения, выступает подтверждением ее значимой роли в российском обществе. Однако для того, чтобы верно обозначить меры государственной поддержки семьи, следует исчерпывающим образом разобраться с универсальным понятием семьи в правовом аспекте. Признаем, что эта задача является трудно выполнимой, поскольку семья, во-первых, имеет множество производных аспектов, а во-вторых, все же в значительной мере выступает категорией социальной, а не правовой. По мнению А.В. Агеевой, именно этим продиктовано то обстоятельство, что единое общеправовое понятие этого института до сих пор не выработано¹.

В толковом словаре русского языка слово «семья» объясняется сугубо формально. Она понимается как «объединение лиц, связанных

¹ Агеева А.В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации. Дисс...к.ю.н. Омск, 2014. С. 15.

кровнородственными и (или) брачными отношениями»¹. Очевидно, что такая дефиниция никак не способствует поиску правовых инструментов защиты семьи. Представляется, что такую проблему осознавали еще дореволюционные отечественные юристы и философы. Так, например, Г.Ф. Шершеневич указывал, что «семья есть постоянное сожителство мужа, жены и детей, то есть представляет собой союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих»². Он же добавлял при этом, что «физический и нравственный склад семьи создается помимо права... Юридический момент необходим и целесообразен только в области имущественных отношений членов семьи»³.

Близкой к указанной позиции была и точка зрения русского правоведа и философа-публициста С.Л. Франка. Последний всегда был сторонником теории гражданского общества, поэтому и оценивал понятие семьи посредством методов цивилистики. По его мнению, «семья... есть основная неустранимая ячейка, из которой складывается общество», при этом в ней культивируется и транслируется для последующих поколений внутренняя духовность и национально-культурная субстанция единой истории⁴. В то же время, на взгляд мыслителя, семья должна быть рассмотрена не только «в качестве субъекта гражданского общества, но и как объект, который определяется отношениями гражданского права, отражает такие правоотношения»⁵.

Русский философ Н.А. Бердяев усматривал субстанциональность семьи в том, что она «всегда была, есть и будет позитивистским мирским институтом благоустройства, биологическим и социальным упорядочиванием жизни рода»⁶.

Спустя столетие, вектор научного анализа феномена семьи, следует признать, существенно изменился. К примеру, современный авторитетный специалист в области философии права В.С. Нерсесянц отста-

¹ Словарь русского языка / Сост. О.И. Ожегов. М., 1952. С. 656.

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права : в 3 т. М., 1915. Т. 2. С. 259.

³ Там же.

⁴ Франк С.Л. Духовная основа общества: Введение в социальную психологию. М., 1992. С. 59.

⁵ Там же. С. 104-105.

⁶ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Семья: книга для чтения / сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. М., 1990. Кн. 2. С. 257.

ивает позицию, что напрямую семью с гражданским обществом связывать нельзя. Он аргументирует это тем, что родственные отношения в семье иные в отличие от межиндивидуальных отношений членов гражданского общества, чуждых друг другу в принципе. Кроме того, по его мнению, семья создается в угоду частным и даже эгоистическим интересам, поскольку неизбежно вынуждена реализовывать физические и психологические потребности индивидов¹.

На наш взгляд, данные разногласия обусловлены тем, что семье присущи две группы признаков – социального и правового характера. При этом данные признаки не только не дополняют друг друга и не помогают выработке единой методологии, но и выступают ярыми антагонистами. Тем же обстоятельством следует объяснять и отсутствие до сих пор в науке универсального и безупречного определения семьи.

Действительно, делая выбор в пользу социального начала в содержании понятия «семья», следует учесть, что она, помимо этого, представляет собой сложную мозаику естественно-биологических, психологических, духовных, материальных компонентов. Правовое регулирование применительно к ним существенно затруднено, а подчас и невозможно вовсе². В этом, на наш взгляд, и состоит ответ на вопрос, почему же закон не дает определения семьи и не в состоянии оптимально урегулировать спорные правоотношения вокруг нее. Закон в данном случае стремится подменить общее правовое регулирование семейных отношений четким определением прав и обязанностей отдельных членов семьи.

В рамках данного исследования, безусловно, первостепенный интерес представляет юридическое содержание понятия семьи. Ведь в правовом смысле она неизбежно подразумевает юридическую связь ее членов между собой. В такой трактовке на первый план уже выходит не духовно-нравственный сегмент и не моральная ответственность. Здесь уже приходится говорить о правоотношениях членов семьи, которые имеют вполне формализованное и материальное выражение. Исходя из этого, семью в юридическом формате следует понимать как круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспи-

¹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 285.

² Советское семейное право: Уч. под ред. В.А. Рясенцева. М., 1982. С. 5.

тание, призванных способствовать укреплению и развитию семейных отношений на принципах морали¹.

Однако, к сожалению, с единым нормативным закреплением понятия «семья» в науке и практике по-прежнему большие проблемы. Каждая из отраслей права, так или иначе связанная с регулированием семейных правоотношений, рассматривает понятие «семья» через призму собственных предметных интересов и, тем самым, существенно сужает его смысловое содержание. Следовательно, межотраслевые разногласия можно ликвидировать только формально-юридическим методом: дать единую официальную дефиницию семьи. Однако и это не просто, как кажется на первый взгляд. Как показал в своей диссертации А.Р. Акиев, имеются и противники законодательного закрепления понятия семьи, которые, ссылаясь на многообразие критериев, ее характеризующих, отрицают такую необходимость².

Отсутствие определение понятия «семья» даже в отраслевом законодательстве (Семейный кодекс РФ) в 2001 г. породило обращение Костромской областной Думы в Конституционный Суд РФ с запросом о его толковании. Парадоксально, что при этом данное понятие встречается в СК РФ в ст. ст. 1, 2, 22, 27, 31, 54, 57 и др. Тогда Конституционный Суд отказал в принятии к рассмотрению данного запроса, посчитав разрешение обозначенного в нем вопроса неподведомственным³.

Для уголовно-правового законодательства отсутствие правового единообразия в рассматриваемой сфере общественных отношений характерно в той же степени. Оно, разумеется, выступает не только неотъемлемой, но и наиболее действенной частью политики государства по обеспечению охраны интересов семьи. Однако анализ названия и содержания гл. 20 Уголовного кодекса РФ показывает нам, что институт семьи не выступает ни особым субъектом права, ни объек-

¹ Основы ювенального права: Учеб. пособие: в 3-х т. Воронеж, 2000. Т. 1. С. 69.

² Акиев А.Р. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи. Дисс. ... к.ю.н. Омск, 2017. С. 13.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 г. № 135-О // СПС «КонсультантПлюс».

том защиты, а охрана семьи сводится к охране прав и интересов ее отдельных членов.

В теории социальной науки можно обнаружить различные классификации семьи. Присутствуют среди них и семьи с девиантными проявлениями, например, полигамные отношения между супругами, а также семьи, где ее брачной основой являются однополые супруги. Последнее становится в наше время все более распространенным в мировом пространстве явлением. Это факт следует приводить как еще один весомый аргумент в пользу необходимости выработки и закрепления единой юридической дефиниции семьи. Посредством такого шага удастся эффективно противодействовать пагубным процессам в сфере традиционного ценностного семейного общежития.

Следовательно, как представляется, при определении семьи в правовом контексте необходимо включить в объем её дефиниции юридически значимую и формально закреплённую связь между лицами, образующими семью. Не случайно в современной научной среде в данном направлении основной упор делается на юридически зарегистрированные брачные отношения. Так, например, у Л.А. Колпакова совершенно справедливо считает, что семья определяется как «социальная группа, члены которой объединены юридическими либо фактическими брачными отношениями родства или свойства, взаимными правами и обязанностями, вытекающими из семейных правоотношений, общностью быта и эмоционально-психологическими связями»¹.

Как известно, институт семьи связан с различными социальными институтами, а также находится в перманентном взаимодействии с элементами социальной структуры, функционирующими в общественном пространстве. Однако с институтом брака семья находится в наиболее тесной взаимосвязи. Это объясняется тем, что он выступает ее юридической основой. Глубокая и обобщенная трактовка семьи, таким образом, невозможна без уяснения содержания брака. К сожалению, следует констатировать, что законодательное закрепление брака тоже отсутствует. Потребность в решении этого вопроса продиктована, во-первых, тем, что определение брака способствует более точной формулировке семьи с юридической точки зрения. Во-вторых, установление единства терминологии позволит отграничить

¹ Колпакова Л.А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Ярославль, 2007.

брак в традиционном понимании, находящийся в правовых рамках, от фактических (сожительства) и иных отношений, имитирующих семью.

Определиться с дефиницией брака ставили задачей в своих научных трудах еще советские мыслители. Сегодня очень обстоятельно проработан этот вопрос в исследовании А.Р. Акиева. Автором были выделены следующие существенные признаки традиционных и легитимных брачных отношений:

- добровольность вступления в брак (п. 3 ст. 1 и п. 1 ст. 12 Семейного кодекса РФ);

- брак заключается только между мужчиной и женщиной, что определено смыслом п.3 ст. 1 СК РФ («брачный союз мужчины и женщины»);

- единобрачие (моногамность), поскольку ст. 14 СК РФ устанавливает запрет на заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно уже находится в ином зарегистрированном браке;

- взаимные права и обязанности супругов (возникают из юридического факта – заключения брака – в соответствии с разделом III СК РФ «Права и обязанности супругов»);

- соблюдение требований, установленных законом (глава 3 СК РФ «Условия и порядок заключения брака»);

- целью брака является создание семьи; отсутствие такого намерения в соответствии со ст. 27 СК РФ превращает брак в недействительный (или фиктивный)¹. В фиктивном браке, как известно, супруги стремятся не к созданию семьи, а к приобретению имущественных или неимущественных выгод, которые вытекают из юридического факта регистрации брака. В октябре 2013 г. Верховный Суд Российской Федерации дал толкование ст. 27 СК РФ. Судом были определены характеристики, которые отграничили от фиктивного брака те брачные отношения, которые находятся в правовом поле. Это совместное проживание супругов после заключения брака, ведение общего хозяйства, поддержание семейных отношений².

В тексте распоряжения Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» правотворцами

¹ Акиев А.Р. Указ. соч. С. 17-18.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2013 г. № 4-КГ13-23 // СПС «КонсультантПлюс».

к традиционным семейным ценностям были причислены: «ценность брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению»¹.

Комплекс деструктивных причин (в первую очередь, конечно, социально-экономического характера) поспособствовал сокращению в России за последние десятилетия не только численности семей, но и их состава. По результатам переписи населения в РСФСР в 1989 г. насчитывалось 40239 тыс. семей. В 2002 г. их количество увеличилось до 41647 тыс. (вероятно, за счет миграционных процессов, достигших своего пика к этому времени), а к 2010 г. вновь сократилось до 40654 тыс. Уменьшился и средний размер семьи: по итогам переписей населения в 1959 г. он составлял в среднем 3,66 чел., в 1970 г. – 3,52 чел., в 1979 г. – 3,26 чел., в 1989 г. – 3,21 чел. В постсоветский период средний размер российской семьи продолжал сокращаться: в 2002 г. – 3,2 чел., в 2010 г. – 3,1 чел., в 2015 г. – 3,0 чел.².

Сложности переломного периода 90-х г.г. прошлого века коснулись большинства российских семей, неблагоприятно отразились, в первую очередь, на молодых семьях, которые в силу своей неопытности и без того не способны отличаться стабильностью. Эти факторы носят экономический характер: низкий уровень благосостояния, жилищные проблемы, высокие проценты по ипотечному строительству и др. Оптимисты-аналитики, тем не менее, пытаются игнорировать губительную для института семьи роль этих факторов, объясняют сокращение размера семьи объективными процессами индустриализации и урбанизации общества. По их мнению, эти процессы сопровождаются распадом больших, сложных, многопоколенных семей и появлением семей нового типа – нуклеарных. Как полагает,

¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р // СПС «КонсультантПлюс».

² Семья меняет облик // Исследования Высшей школы экономики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opec.ru/1633j74.html>

например, Е.В. Попова, российский социум тоже не стал исключением. Здесь так же произошел переход от расширенной семьи, где под одной крышей проживали сразу несколько поколений, к семье, состоящей из родителей и, как правило, их несовершеннолетних детей¹. С позицией данного автора можно поспорить. Если, как она полагает, расширенная семья распалась, то данный институт увеличился бы количественно. Однако данные статистики свидетельствуют об обратной тенденции.

Кроме того, семья убывает количественно и вследствие разводов. Их соотношение с зарегистрированными браками порождает серьезную обеспокоенность за ситуацию. Так, например, в 2004 г. в России было зарегистрировано 978984 брака, а количество разводов тогда составило 640125. В 2014 г. было заключено 1216377 браков при 692694 разводах², в 2015 г. это соотношение составило 1161068 браков при 611646 разводах³. И это при том, что даже по самым благоприятным прогнозам Федеральной службы государственной статистики России численность населения страны к 2031 году может сократиться до 141918,3 тыс. человек с 146582,4 тыс. человек в 2016 г. (включая население Республики Крым и города федерального значения Севастополя)⁴.

Несомненно, ситуация, когда коэффициент разводов составляет 50 % и более, не может не настораживать. Тем более что в данном процессе тенденций к положительным изменениям не отмечается. Россия по-прежнему занимает 4-е место в мире по числу разводов. Глубину социально-психологических деструкций, порождаемых разводами, сложно переоценить. К тому же с юридической точки зрения разводы представляют собой благоприятную среду для порождения различных внеправовых явлений. С позиции практики уголовно-правовых отношений они чреваты возникновением ситуаций, подпадающих под дей-

¹ Попова Е.В. Российская семья в XXI веке: междисциплинарные проблемы и пути эволюции // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственные и региональные аспекты. Матер. всеросс. межвуз. науч. студ. конф. М., 2016. С. 119-120.

² Демографический ежегодник России – 2015 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16

³ Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: [http:// www.gsk.ru / wps / wcm / connect/ rosstat_main/ru/statics/population/demography/#](http://www.gsk.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ru/statics/population/demography/#)

⁴ Там же.

ствии нормы статьи 156 Уголовного кодекса РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) и, ещё в большей степени, статьи 157 (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей). Ну и, конечно, как правильно отмечают авторы, развод родителей в семье приводит к разрушению личной экосистемы ребенка¹. Это, в свою очередь, делает детей уязвимыми перед разного рода явлениями криминального характера.

Таким образом, в целях должного обеспечения уголовно-правовой охраны интересов семьи необходимо в кратчайшие сроки разобраться с понятием семьи и придать ему формальное закрепление. Тем самым, во-первых, будет исключено разночтение, возникающие в теории и практике при толковании институтов семьи и брака. Во-вторых, с точки зрения уголовно-правовой науки, в норме закона появится юридически грамотно закреплённое определение одного из двух видовых объектов, рассматриваемых главой 20 УК РФ. Иначе вероятна перспектива долгого преодоления совершенно лишних сложностей в определении объекта уголовно-правовой охраны в рассматриваемой сфере. Ведь, как точно выразил данную проблему Ж.Л. Бержель, «право, использующее недостаточно конкретные определения, не будет исполнимым в том смысле, что в процессе его применения будут возникать сомнения и споры, порождающие юридическую необеспеченность»².

На наш взгляд, нормативное определение семьи должно включать в себя, в первую очередь, фактически реализуемую и юридически закреплённую связь между лицами, составляющими семью. Эта связь правоведами определяется по-разному. Одни трактуют её в качестве союза лиц³, другие понимают в качестве коллектива⁴, третьи определяют как объединение лиц.

Представляется, что наиболее удачным выглядит понимание семьи через понятие «объединение». Ведь решение конкретной общественной задачи реализуется в коллективе (трудовом, учебном, спортивном,

¹ Столяров Д.А., Банникова Г.В. Гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетних детей в бракоразводном процессе: состояние и перспективы развития // Вестник Международного юридического института. 2016. № 3 (58). С. 5.

² Бержель Ж.Л. Общая теория права. М., 2000. С. 342.

³ Бошко В.И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952. С. 76.

⁴ Йоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 223.

военном и т.д.) в большей степени, чем это происходит в семье. Образование семьи непосредственно не преследует такой цели. Кроме того, в семье в отличие от иного коллектива нет такой выраженности общественных интересов, поскольку цели и задачи у каждого члена семьи могут быть свои. Термин же «союз», толкуемый в качестве «тесного единения, связи» так же, по нашему мнению, не может претендовать на исчерпывающий охват содержания семьи. В таком понимании в семье как социальном институте не сможет быть полностью отражена внешняя сторона её отношений и многочисленных социальных связей.

Таким образом, максимально лаконичным и содержательным выглядит определение *семьи* в качестве *объединения совместно проживающих лиц, связанных брачными и (или) родственными отношениями, ведущих общее хозяйство и являющихся носителями взаимных прав и обязанностей*.

Нормативное закрепление этого основополагающего понятия, несомненно, поспособствует выработке рационального (по своей эффективности) механизма юридической охраны семьи. И с теоретической, и с практической точек зрения легальная дефиниция сыграет значительную роль в сфере уголовно-правовой охраны семьи, поскольку в науку, наконец, будет внесена ясность относительно объекта охраны. Этим же обстоятельством будет мотивировано достижение устойчивости и стабильности российской семьи в обществе и государстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 г. № 135-О // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2013 г. № 4-КГ13-23 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Агеева А.В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации. Дисс. ... к.ю.н. Омск, 2014.
5. Акиев А.Р. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи. Дисс. ... к.ю.н. Омск, 2017.

6. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Семья: книга для чтения / сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. М., 1990. Кн. 2.
7. Бержель Ж.Л. Общая теория права. М., 2000.
8. Бошко В.И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952.
9. Векленко В.В., Акиев А.Р. Юридическая природа понятия «семья» // Общество и право. 2016. № 2 (56).
10. Демографический ежегодник России – 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16
11. Йоффе О.С. , Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
12. Колпакова Л.А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Ярославль, 2007.
13. Попова Е.В. Российская семья в XXI веке: междисциплинарные проблемы и пути эволюции // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственные и региональные аспекты. Матер. всеросс. межвуз. науч. студ. конф. М., 2016.
14. Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gsk.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ru/statics/population/demography/#
15. Семья меняет облик // Исследования Высшей школы экономики. URL: <http://www.opes.ru/1633j74.html>
16. Словарь русского языка / Сост. О.И. Ожегов. М., 1952.
17. Столяров Д.А., Банникова Г.В. Гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетних детей в бракоразводном процессе: состояние и перспективы развития // Вестник Международного юридического института. 2016. № 3 (58).
18. Франк С.Л. Духовная основа общества: Введение в социальную психологию. М., 1992.
19. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права : в 3 т. М., 1915. Т. 2.

Теория и история государства и права

Багдасарян Сусанна Джамиловна,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института

Baghdasaryan S.J.
doctor of historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of theory of law
and state legal disciplines
International law Institute

Зуев Михаил Борисович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков ФМО и ЗР ИАИ
Российского государственного
гуманитарного университета

Zuev M.B.
candidate of philology Sciences,
associate Professor
of the Department of foreign languages FMO and ZR IAI
Russian state University for the Humanities

ЛАТЫНЬ КАК ЯЗЫК ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

LATIN AS A LANGUAGE OF LEGAL TECHNIQUE

Аннотация. Правовые системы стран Европы и Америки базируются на лингвистических достижениях национальных языков, но при этом в юридической технике особое значение сохраняют латинские изречения и формулы, определяющие трансляцию исторической и правовой преемственности в области научной юридической терминологии. Латынь способствует обогащению юридического языка, разви-

вает лаконичность нормативно-правового материала и высокую правовую культуру общества.

Abstract. The legal systems of Europe and America are based on linguistic achievements of national languages, but at the same time Latin sayings and formulas that determine the translation of historical and legal continuity in the field of scientific legal terminology retain special importance in the legal technique. Latin contributes to the enrichment of the legal language, develops conciseness of legal material and high legal culture of society.

Ключевые слова: латынь; юриспруденция; юридическая терминология; формула.

Key words: latin; jurisprudence; legal terminology; formula.

Язык юридических документов – это язык государственной власти, имеющей публичный характер. Юридическая техника формулирует правила составления нормативных актов как ясных, точных и доступных в передаче правовых норм для субъектов права, определяющих их права и обязанности в определённой области публичных или частных общественных отношений. В условиях развития информационного пространства и усложнения юридического языка в следствие употребления законодателем терминологической лексики краткость становится ведущим правилом и требованием для правотворческой деятельности государственных институтов. Это позволяет избежать многословности, оперировать правовыми определениями, соответствовать стилю языка права, уходящего своими корнями в античное юридическое наследие.

В научной сфере давно сформулированы ценности латинского языка как носителя юридических формул¹. Отсюда, необходимо обратиться к юридическим терминам, формулам, которые определяют право-

¹ Ахтерова О. А., Иваненко Т. В. Латинский язык и основы юридической терминологии. М.: Юрист, 1998. 300 с.; Бабичев Н. П., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1988. 959 с.; Боровский Я. М. Латинский язык как международный язык // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991. С. 70–76; Подосинов А. В. Латинско-русский словарь. М. : АСТ, 1998. 752 с.; Розенталь И. С., Соколов В. С. Учебник латинского языка. Для юридических и иных гуманитарных вузов и факультетов. М. : Норма, 2005. 320 с.; Рудова А. И. Латинский язык и основы терминологии. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2003. 128 с.; Темнов Е. И. Латинские юридические изречения. М.: Экзамен, 2003. 384 с.

вое сознание носителя правовой культуры. Во-первых, это приобщение к юридическому опыту классических юристов, таких как Цицерон, Сенека, формулирующих основания юридических доктрин о правовом государстве. Во-вторых, латинский язык является основанием в изучении понятийно-терминологического ряда юридической науки для понимания международных правовых терминов и юридических формулировок и, тем более, чтения в подлиннике источников римского права, многие понятия которого легли в основу законодательных систем современных государств¹.

В образовательном процессе изучение основ развития юридической техники латинский язык, выраженный в формулах, касающихся правосудия и ближайших сфер², позволяет развивать профессиональный уровень владения терминологией. Таким образом, владение основами латинского языка позволяет профессиональному юристу совершенствовать правовую культуру, ораторское искусство в процессуальной деятельности³.

Рассматривая римскую правовую культуру, правоприменительную деятельность юристов необходимо выделить области правового наследия в современной юридической технике фикций.

Публичные правоотношения базируются на разграничение области реализации прав государства и прав в доктринальном положении: «*Publicum jus est quod ad rei Romānae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem pertinet*» («Публичное право – это то, что касается римского государства, частное – относится к пользе отдельных граждан»). Публичное право (*jus publicum*) было призвано охранять и за-

¹ Коларькова О. Г., Ипатова И. С., Савина А. А. Латинизмы в английской юридической терминологии // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22). С. 89–92.

² Мельничук А.А. Латинский язык для юристов. / Учебное пособие. М., 2010; Мельничук А.А. Меликян А.А. Латинский язык для юристов / Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция», 2017; Дацун Н.А., Зуев М.Б. Актуальность изучения латыни при получении юридического образования / Проблемы развития российской правовой системы. Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 18–22.

³ Фокина С.П., Зверева Е.Б. Лингвостилистические критерии составления законодательных документов в контексте совершенствования юридической техники // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50). С. 203–206.

щищать устои государства во всех сферах деятельности, ибо оно вытекало из сути и потребностей данного государства. Частное право (*jus privatum*) было разработано с учетом всех обстоятельств жизни гражданина. Римский гражданин находился под защитой своего государства от своего происхождения на свет и до самой своей кончины, одновременно являясь подчиненным государственной власти, обладая перед правлением республики рядом обязательств.

Разумеется, в Древнем Риме имела существование определенная система формулирования правовых состояний. Она основывалась на понятии, определенном философом Сенекой периода классической римской юриспруденции «*Legem brevem esse oportet*» («Закон должен быть краток»). Краткость не определяет многозначность, из-за чего она приобретает однозначность в понимании и толковании. Краткость и понимание определений римских юридических актов основываются на замечательной системности и понятии самого духа латинского наречия.

Сначала представляется, что все единство человеческого мышления воплощается в латинских текстах, обладающих свойственными им энергетикой и силой. Субъектом права в Древнем Риме являлся свободный человек, который обладал правом личной и гражданской свободы (*status libertatis*). Тем не менее, обладать полными правовыми и гражданскими привилегиями мог только римский гражданин (*civis Romānus*), когда все оставшееся население Древнего Рима, не сумевшее добиться гражданства (*status civitatis*), пользовалось ограниченной правосубъектностью. Правосубъектность по *jus privatum* определялась так: *tria sunt, quae habemus: libertatem, civitatem, familiam* (есть три вещи, которыми мы обладаем: свобода, государство, семья). С точки зрения *status libertatis* различались свободные и рабы; с точки зрения *status civitatis* – римские граждане и неграждане; с точки зрения *status familiae* – глава семейства (*pater familias*) и подвластные ему члены семьи. *Cives Romāni* составляли *populus Romānus* (римский народ), обладавший высшей законодательной властью, которую он проявлял на народных собраниях (*comitia populi Romāni*), где обсуждались и утверждались законы, избирались государственные чиновники, производился суд, объявлялась война. Полноправные граждане – *cives optimo jure* (граждане, наделенные высшим правом) или просто *cives Romāni* имели следующие права, которые назывались *jura populi Romāni* (права римских граждан):

1) *jus suffragii* (избирательное право, избирательный голос) – участие в народных собраниях;

2) *jus honorum* (почетная должность, государственный пост) – доступ ко всем государственным должностям;

3) *jus provocationis* (обжалование, апелляция) – право апелляции к народу;

4) *jus commercii* (право приобретения собственности) – право распоряжаться своим имуществом;

5) *jus connubii* (брак, бракосочетание) – право вступления в законный брак с передачей своих прав детям.

Jus suffragii, *jus honorum* и *jus provocationis* относились к разряду *jura publica* (публичные права), а *jus commercii* и *jus connubii* – к *jura privata* (частные права).

Рабы (*servi*) были самым бесправным разрядом римского общества. Хозяин (*dominus*) мог продать раба и даже убить, не отвечая за это в суде.

Основные латинские выражения, необходимые для понимания деятельности суда:

ab instantia – освобождение от суда (с оставлением в подозрении); *in camera* – в кабинете (следователя), не внося в заседание; *per contumaciam* – ввиду упорной неявки ответчика; *persona (non) grata* – лицо, (не) пользующееся доверием; *pro reo* – в наказание; *querela* (= *querella*) – жалоба; *scientia potentia est* (знание – сила); *scriba* (писец, секретарь); *sine cura* (без заботы); *audire querelam* (выслушать жалобу); *causa cadere* (проиграть дело); *causam dicere* (защищать на суде, вести судебное дело); *causam discere* (изучать дело); *causam vincere* (выиграть дело); *causa desistere* (отказаться от иска); *convenire* (предъявить иск; *in custodiam dare* (взять под стражу); *sententiam pronuntiare* (объявить решение); *dare, facere, praestare* (давать, делать, предоставлять – в этой форме выражено содержание обязательства); *respondere, cavere, agere* (давать ответы, заключение, составлять документы, выступать на суде – три вида деятельности юриста); *acta emendare* (внести исправление в протокол); *actuarius* (секретарь); *ad acta* (к делу (приобщить)); *causa justa* (законное обоснование); *causa privata* (частное дело); *causa publica* (общественное дело); *culpa lata* (тяжелая вина); *ignorantia non est argumentum* (незнание – это не доказательство); *judicium disturbare* (нарушить порядок судебного заседания); *libellus accusatorius* (обвинительное заключение); *mea culpa* (моя вина); *removere officio* (отстранять от должности); *reus* (ответчик, подсуди-

мый); *sententia absolutoria* (оправдательный приговор); *curricūlum vitae* (жизнеописание, биография); *de plano* (не внося в заседание); *divide et impera!* (разделяй и властвуй!); *documentum* (документ); *exemplum* (пример, копия); *festīna lente!* (спеши медленно!); *noli nocēre!* (не навреди!); *nota bene* (обрати внимание); *per aspera ad astra* (через трудности (тернии) к звездам); *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия); *stare decīsis* (придерживаться прецедентов); *tabularium* (архив); *testimonium recitāre* (оглашать показания); *ab ovo* (от яйца, т. е. от начала); *actio intenditur* (иск предъявляется); *circūlus vitiosus* (порочный круг); *dolus malus* (злой умысел); *ex officio* (по долгу службы, официально); *justae nuptiae* (законный брак); *nemo debet bis punīri pro uno delicto* (никто не должен дважды наказываться за одно преступление); *querimonia habētur* (поступила жалоба); *repudiāre officium* (отказаться от должности); *tertium non datur* (третьего не дано); *actio quiescit* (дело приостановлено); *actionem denegāre* (отказать в принятии искового заявления); *actor* (истец); *appellationem interponere* (подать апелляцию); *aurea mediocritas* (золотая середина); *corpus delicti* (состав преступления); *dura lex, sed lex* (закон суров, но это закон); *errāre hūmānum est* (человеку свойственно ошибаться); *jus vitae ac necis* (право жизни и смерти); *libellus appellationis* (апелляционная жалоба); *libellus conventionis* (исковое заявление); *manifestum non eget probatione* (очевидное не нуждается в доказательстве); *culpa levis* (незначительная вина); *de jure, de facto* (юридически, фактически); *lege artis* (по всем правилам искусства); *lex speciālis derogat generāli* (специальный закон отменяет действие (для данного дела) общего закона); *o tempora, o mores!* (о времена, о нравы!); *omnia mea tecum porto* (все свое ношу с собой – изречение, приписываемое греческому философу Бианту: только духовное достояние является истинным богатством); *par in parem non habet jurisdictionem* (равный против равного не имеет юрисдикции (принцип судебного иммунитета иностранного государства)); *primus inter pares* (первый среди равных); *sapienti sat* (мудрому достаточно); *ad feliciora tempora* (до лучших времен.); *de minimis non curat praetor* (претор (судья) не занимается незначительными делами); *in dubio melior est causa possidentis* (в случае сомнения преимущество на стороне фактического владельца); *lex posterior derogat priori* (позднейшим законом отменяется более ранний); *maxīmum jus est saepe maxīma injūria* (высший закон часто является величайшей несправедливостью (излишне суровое применение закона часто приводит к несправедливости)); *multum, non multa* (много, но небольшое (глубокое

содержание в кратких словах)); *nudum jus* (пустое (голое) право (т. е. право, по существу, ничего не дающее)); *prior tempore potior jure* (первый во времени – сильнейший по праву); *pro tribunālī* (в судебном заседании); *reformatio in rejus* (изменение к худшему); *viātor* (судебный рассыльный); *bonā fide* (добросовестно); *malā fide* (недобросовестно); *casus belli* (повод к войне); *primā facie* (с первого взгляда (впредь до опровержения)); *res judicāta pro veritāte habētur* ((окончательно) решенное дело принимается за истину); *status quo* (положение в данный момент); *modus vivendi* (образ жизни (порядок взаимоотношений)); *paх quaerenda est* (нужно добиваться мира); *lex retro non agit* (закон не имеет обратной силы); *de mortuis aut bene, aut nihil* (о мертвых или хорошо, или ничего (не говорить)); *nullum crimen, nulla poena sine lege* нет преступления, нет наказания, если они не предусмотрены законом); *feci, quod potui* (я сделал, что смог). *Panem et circenses!* (хлеба и зрелищ!) – основное требование праздной римской черни в эпоху империи, требующей бесплатной пищи и развлечений, которое стало ярким выражением и для современной политической культуры публичной власти¹.

Следовательно, юридическая терминология, основанная на знании и употреблении латинских формул, крылатых выражений, терминов, раскрывающих институты публичной власти и частного права, является неотъемлемой частью современной юридической техники в области правотворчества и правоприменения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахтерова О. А., Иваненко Т. В. Латинский язык и основы юридической терминологии. М.: Юрист, 1998. 300 с.
2. Бабичев Н. П., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1988. 959 с.
3. Боровский Я. М. Латинский язык как международный язык // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991. С. 70–76.
4. Подосинов А. В. Латинско-русский словарь. М. : АСТ, 1998. 752 с.

¹ Латинский язык: учебник / А. В. Гарник [и др.]. Минск: ЛБГУ, 2015. 175 с.

5. Розенталь И. С., Соколов В. С. Учебник латинского языка. Для юридических и иных гуманитарных вузов и факультетов. М. : Норма, 2005. 320 с.
6. Рудова А. И. Латинский язык и основы терминологии. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2003. 128 с.
7. Темнов Е. И. Латинские юридические изречения. М.: Экзамен, 2003. 384 с.
8. Коларькова О. Г., Ипатовая И. С., Савина А. А. Латинизмы в английской юридической терминологии // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22). С. 89–92.
9. Мельничук А.А. Латинский язык для юристов. / Учебное пособие. М., 2010.
10. Мельничук А.А. Меликян А.А. Латинский язык для юристов / Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция», 2017.
11. Дацун Н.А., Зуев М.Б. Актуальность изучения латыни при получении юридического образования / Проблемы развития российской правовой системы. Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 18–22.
12. Фокина С.П., Зверева Е.Б. Лингвостилистические критерии составления законодательных документов в контексте совершенствования юридической техники // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50). С. 203–206.
13. Латинский язык: учебник / А. В. Гарник [и др.]. Минск: ЛБГУ, 2015. 175 с.

Колябин Алексей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
гражданского права и процесса
Волжского филиала
Международного юридического института
Kolyabin A.Yu.

candidate of law, associate Professor,
head of the Department
of civil law and the process
of the Volga branch of the
International law Institute

Руссу Оксана Дмитриевна,
кандидат философских наук,
доцент отделения общеинститутской
кафедры общегуманитарных и естественнонаучных
дисциплин Волжского филиала
Международного юридического института.

Russu Oksana Dmitrievna
candidate of philosophy,
associate Professor of the Department
of General humanitarian and natural Sciences
disciplines of the Volga branch
International law Institute.

РАСПАД СССР КАК КАТАЛИЗАТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

THE COLLAPSE OF THE USSR AS A CATALYST FOR THE FORMATION OF NEW INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. В статье анализируются итоги распада СССР, повлиявшие на формирование новой системы международных отношений. Популяризируется также идея о необходимости перехода к многополярному миру в силу развития Китая, Бразилии и других стран, а так-

же невозможности существования в дальнейшем международных отношений в оси одной страны – в рамках однополярности.

Abstract. The article analyzes the results of the collapse of the USSR, which influenced the formation of a new system of international relations. Also popularized the idea of the need to move to a multipolar world, due to the development of China, Brazil and other countries, as well as the impossibility of the existence in the future of international relations in the axis of one country – in the framework of unipolarity.

Ключевые слова: международные отношения, международное право, принципы международного права, распад СССР.

Key words: international relations, international law, principles of international law, collapse of the USSR.

В конце XX века произошел распад огромной сверхдержавы, имевшей колоссальную территорию, собственность, а также проводившей достаточно активную международную политику, являвшейся членом международных организаций, во многом определявшей (особенно после второй мировой войны) вектор развития международных отношений. Анализ итогов распада СССР представляется актуальным сегодня постольку, поскольку распад Союза Советских Социалистических Республик (крах биполярной системы) в определенной степени послужил формированию современной системы международных отношений.

Распад Советского Союза предстает не как одномоментный акт, а как длящийся процесс со своими неизвестными и переменными. Подобная точка зрения встречается в трудах многих известных российских и западных ученых (Шахрая Т. М., Станских С.Н., Соломона П., Клоцвога Ф.Н. и др.). Причины распада Советского Союза стали предметом многочисленных дискуссий, а поиски ответов привели к формированию ряда противоположных и подчас взаимоисключающих концепций и точек зрения. Так, согласно субъективистским теориям, распад СССР произошел в результате заговора натовских спецслужб (внешнего субъективного фактора), а также в результате многочисленных ошибок кадровой политики и недальновидности советского руководства (внутренний субъективный фактор). Противоположные теории в качестве причин распада называют упадок коммунистической идеологии, антироссийский

«национализм», российский сепаратизм, холодную войну, давление Запада, экономические фактора и т.д.¹.

Очевидно, совокупность всех перечисленных причин послужила поводом к распаду сверхдержавы. Процесс распада Советского Союза был исторически предопределен. Одновременно была упущена возможность сохранения уже обновленной страны, страны, прошедшей определенные стадии реформирования, как это произошло, скажем, в Китае. Перед нами пример социалистического государства демократической диктатуры народа, руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян. При этом страна учла опыт и ошибки СССР в выстраивании государственной системы. В частности, практически не затрагивая структуру государственного аппарата, КНР достаточно активно стала проводить модернизацию экономики.

Развал Советского Союза повлек за собой различные последствия, оказавшие влияние на развитие международных отношений. С одной стороны, наблюдается дезинтеграция биполярной системы международных отношений, которая существовала на протяжении последних десятилетий прошлого столетия. Прекратила существование сама идеология двухполюсного миропорядка. Потеряло смысл само понятие «Запад». Страны Азиатско-Тихоокеанского региона стали азиатскими государствами и осознали свою способность выстраивать отношения с другими государствами, выходя за рамки политических, идеологических составляющих. С другой стороны, на геополитическом пространстве бывшего СССР начинает формироваться иная международная система. В частности, отношения между бывшими союзными республиками, получившими статус независимых государств, перешли из области внутренней политики в международную плоскость. Обозначенные процессы привели к преодолению ряда острых политико-правовых проблем, к иным подходам и оценкам их применительно к новому субъекту международных отношений – СНГ, к перемещению этих проблем во внутригосударственные отношения государств – членов Содружества.

¹ Колябин А.Ю., Глухова Т.В. Влияние геополитических итогов распада СССР на формирование современной системы международных отношений и возможные пути становления мирового порядка в XXI веке. Монография – Montreal, QC, Canada, 2013,-124p.

После создания СНГ оставался открытым вопрос относительно роли России и иных государств в новой системе международного права. Геополитика на постсоветском пространстве была и, в некоторой степени, остается актуальной проблемой – новые государства ищут и формулируют свои национальные интересы и начинают ими руководствоваться во внешней политике: отказ Украины от интеграции в союзное государство, два выхода Узбекистана из ОДКБ, до сих пор не прекращающиеся территориальные споры и конфликты между республиками бывшего СССР. Кроме того, долгое время не была определена роль России на территории бывшего СССР. Пространство, вектор развития которого не предопределен и трудно предсказуем, можно назвать местом геостратегической интриги в Евразии (постсоветские страны исторически находятся под перекрестным влиянием Европы, США, Ближнего Востока и России). С момента крушения СССР именно в этом регионе отразились все изменения в соотношении мировых сил, как то: победа Запада в холодной войне, гегемония США, подъем новых полюсов силы, активизация исламского мира и т.д.¹.

Многие интеграционные идеи, которые были первоначально провозглашены в рамках образования СНГ (например, сохранение единых вооруженных сил, единого платежного средства — российского рубля и т. п.), так и остались нереализованными под напором естественного стремления политических элитных государств к полной самостоятельности и независимости². Россия остается самой значимой страной на постсоветском пространстве не только по количественным показателям, но и по внешнеполитическим, экономическим и иным характеристикам. СНГ еще рано «списывать» со счетов как мощный блок восточно-европейских государств в международном мире, о чем и заявляют ее лидеры. Например, глава Туркмении, председательствовавший в СНГ в 2012 году, заявлял о принятии декларации целесообразности СНГ, в которой говорится, что СНГ востребовано, а в рамках содружества могут решаться и решаются многие вопросы регионального и межрегионального сотрудничества, в том числе, вопросы

¹ Адамшин А. На пути к мировому правительству: человечеству нужны новые правила поведения // Россия в глобальной политике. 2016. № 11. С. 16-19.

² Батюк В.И. Россия, США и «цветные революции» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 8.

экономической интеграции и безопасности. Не забывают и про бывших членов содружества. Так, в свете последних внутривосточных перестановок белорусский президент А. Лукашенко поддержал оптимизм Кремля, видящего перспективы восстановления отношений с Грузией, и призвал Тбилиси вернуться в клуб постсоветских государств, из состава которого Грузия вышла после российско-грузинской войны в августе 2008 года¹.

Достаточно острым является вопрос российско-украинских отношений. Несмотря на то, что страны определенным образом связаны друг с другом в историко-культурном плане, мнения относительно сотрудничества и будущего двух государств разнятся. Часть регионов Украины симпатизирует России и готова к компромиссам и сотрудничеству. Другие видят Украину в составе НАТО. Кроме того, остаются проблемы и противоречия в Черноморском регионе. Несколько иначе Россия взаимодействует с республикой Беларусь, с Арменией, Молдовой, Туркменией и другими бывшими республиками Советского Союза, заинтересованными в тесном сотрудничестве с нашей страной. В частности, Армения – в связи с традиционными союзническими отношениями; Молдова – в силу заинтересованности решения приднестровской проблемы; Туркмения – из-за проблемы экспорта газа. С некоторыми из республик бывшего СССР связь уже почти потеряна, поэтому Россия обратила свое пристальное внимание на АТЭР, где она наращивает темп интеграционных процессов, и именно здесь у нее открываются большие перспективы. Кроме того, СНГ, являясь непосредственной зоной внимания со стороны бывших (США, Европа) и появляющихся новых полюсов мира (Китай, Индия), указывает на важность направления развития геополитического вектора этого региона.

После распада СССР мир оказался однополярным, но локальные войны продолжились уже без поддержки одной из сверхдержав. Становится очевидным, что в последних асимметричных войнах XXI века (особенно в Ираке и Ливии) фундамент международных принципов пошатнулся, резолюциям ООН уже не подчиняются беспрекословно.

¹ Бузаров А.Ш. Некоторые историко-политические воззрения по вопросам, вызвавшим падение Российской империи и распад СССР в XX веке: постановка проблемы//Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. № 3. С. 109-113.

И международное право может быть нарушено в любой момент, если ведущие государства Запада сочтут для себя целесообразным пойти на подобный шаг. В международной политике стали правилом двойные стандарты, нарушение основных принципов международного права, изложенных в Уставе ООН и иных источниках международного права. В частности, можно говорить о нарушении такого принципа, как принцип неприменения силы или угрозы силой, выступающий сверхимперативной нормой современного международного права¹. Для обоснования необходимости нарушения принципов используются самые различные аргументы: от нарушений прав человека до защиты основ демократии. Вместе с тем нельзя не признать, что «использование силы не может быть подходящим методом для того, чтобы контролировать или обеспечивать соблюдение прав человека» и соблюдение демократических прав и свобод². Иными словами, подобные шаги недопустимы с точки зрения норм международного права. Более того, мы считаем, что в XXI веке мир все же придет к многополярности и будут учитываться мнения многих окрепших стран, а международные отношения будут складываться не в угоду одной страны или континента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Женевская конвенция «О защите жертв войны»//Права человека: Сборник международных договоров, том I (часть вторая): Универсальные договоры/ Женева, 1994 г.

2. Адамшин А. На пути к мировому правительству: человечеству нужны новые правила поведения // Россия в глобальной политике. 2016. № 11. С. 16-19.

3. Батюк В.И. Россия, США и «цветные революции»//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 8

4. Бочаров И.Ф. Роль морских сил в осуществлении геополитики США//США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 5. С. 31-47.

¹ Бочаров И.Ф. Роль морских сил в осуществлении геополитики США//США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 5. С. 31-47.

² Женевская конвенция «О защите жертв войны»//Права человека: Сборник международных договоров, том I (часть вторая): Универсальные договоры/ Женева, 1994 г.

5.Бузаров А.Ш. Некоторые историко-политические воззрения по вопросам, вызвавшим падения Российской империи и распада СССР в XX веке: постановка проблемы//Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. № 3. С. 109-113.

6.Колябин А.Ю. Глухова Т.В. Влияние геополитических итогов распада СССР на формирование современной системы международных отношений и возможные пути становления мирового порядка в XXI веке. Монография – Montreal, QC, Canada, 2013,-124p.

Кузнецова Наталья Николаевна,
аспирантка Международного юридического института.
Kuznetsova N.N.
graduate student of the International law Institute.

ДЕСТРУКТИВИЗМ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

DESTRUCTION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORY

Аннотация. В статье говорится об истории формирования представлений о деструктивизме в обществе, предложен анализ толкования деструктивизма как социального явления в различных отраслях гуманитарных наук – философии, психологии, социологии, политологии, истории; представлено авторское определение понятия «деструктивность».

Abstract. The article talks about the history of the formation of ideas about destructiveness in society, proposed an analysis of the interpretation of destructiveness as a social phenomenon in various branches of the humanities, philosophy, psychology, sociology, political science history, presented the author's definition of the concept of destructiveness.

Ключевые слова: деструктивизм, проблема человеческого деструктивизма, деструктивность права, деструктивные общественные отношения, деструктивная культура.

Key words: the concept of destructiveness, the problem of human destruction, the destructiveness of the law, destructive social relations, destructive culture.

В истории отечества деструктивизм как общественно-политическое явление комплексно не исследовался. В результате не определено содержание этого феномена, не систематизированы причины, способствующие появлению деструктивных идеологий, не выявлены негативные последствия воздействия деструктивного мировоззрения на социальную среду, не разработаны меры противодействия и защиты от распространения деструктивизма в обществе.

Исследование деструктивизма в исторической ретроспективе позволяет выявить грани данного явления, определить причины и закономерности распространения деструктивных концепций и идеологий на уровне государства. Появляющиеся в последние годы в отечественной гуманитарной науке работы посвящены различным аспектам деструктивизма. В большинстве публикаций авторы концентрируют внимание на деструктивной деятельности человека, связанной с разрушением социально-политической и правовой основ государства, однако содержание понятия «деструктивизм» с позиций исторической науки в работах не раскрыто.

Помимо историков толкование деструктивизма предложено психологами, социологами и политологами. Эти интерпретации по содержанию существенно отличаются друг от друга, так как выражают задачи отраслевых наук.

В психологии деструктивное поведение человека различается по направленности и характеру проявления. Деструктивизм обозначает отрицательное отношение человека, которое он направляет на некие внешние объекты (вовне), либо, как вариант, на самого себя (внутри), а также поведение, которое соответствует указанным взглядам.

Несмотря на то, что деструктивность является одним из базовых понятий философии постмодернизма, в классической философии нет четкого определения природы данного явления. Проблема человеческого деструктивизма раскрывается через морально-этические нормы и ограничивается констатацией наличия в человеке доброго и злого начал, которые сопутствуют друг другу на протяжении всей человеческой истории и конкретной человеческой жизни. При этом «добро всегда побеждает зло», как бы ни пыталось зло утвердить себя в качестве могучей, влиятельной и труднопобеждаемой силы. По существу, решение проблемы добра и зла, как правило, лежит в русле дуализма, когда и поскольку признается, что на всякое добро найдется свое зло и наоборот.

В социологической литературе встречается определение деструктивности как особого типа целенаправленного воздействия социального субъекта (личности, социальной группы, социума в целом) на личностные, общественные и природные структуры, в результате которого происходит их полное или частичное разрушение (саморазрушение).

В политологическом контексте деструктивизм истолковывается как действие, главной целью которого является нарушение, ослабление, разрушение или уничтожение чего-либо созидательного, а также формирование и усиление негативных явлений и процессов в человеке, семье, обществе и природе.

Деструктивизм связывается с агрессивными действиями личности. В основе агрессии лежит страх перед другими людьми. Страх заставляет видеть потенциального врага в каждом человеке. Борьба с противниками является главной составляющей существования деструктивной личности. Люди этой категории искренне считают себя борцами за добро и справедливость, ибо эти понятия у них прочно связаны с представлением о себе. Одержимые идеей угрозы со стороны окружающих, они испытывают особенно сильный страх при появлении рядом сильной и талантливой личности.

Существует сложившаяся в научном сообществе позиция, что деструктивность – это характеристика особого типа человеческой деятельности, которая проявлялась на всех этапах его развития. Деструктивная деятельность определяется как специфически человеческая форма активного отношения к миру, основное содержание которой составляет разрушение существующих объектов и систем.

В любом выражении феномен деструктивности затрагивает одну из важнейших сфер – сферу общественных отношений. По мнению А.С. Царёва, деструктивные общественные отношения – это такие негативные взаимодействия и связи между индивидами, различными социальными группами или общностями, которые разрушают или подрывают установленный в обществе и природе порядок. К основным формам деструктивных отношений относятся вандализм, единичное или массовое убийство, геноцид, канибализм, терроризм, насильственная революция, государственный переворот, война, экоцид.

Автор данного суждения, безусловно, прав. Вместе с тем можно констатировать, что, помимо перечисленных явлений, встречаются явления не менее опасные, а именно: разрушение личности, рабство, наркомания, алкоголизм и другие. Перечисленные деструктивные

компоненты раскрывают поведенческие особенности деятельности отдельной личности или определенных социальных групп. Деструктивными их можно назвать потому, что они направлены на разрушение традиционных ценностей, устоев, менталитета, правоотношений, манипуляцию человеком, создают в обществе хаос и вселяют неуверенность в перспективе.

Деструктивное состояние общества определяется его агрессивностью, которая является реакцией на деградацию власти, не справляющуюся с государственным управлением. Деструктивность социума проявляется в активном или пассивном поведении. Активное поведение выражается в открытых выступлениях против действующей власти, уличных беспорядках, столкновениях с инакомыслящими, призывах к радикальной смене установленного правопорядка, государственным переворотам, революциям и гражданским войнам. Пассивное поведение проявляется в создании и распространении деструктивных взглядов, идей, теорий, учений и идеологий. Общество, зараженное деструктивной идеей, не имеет перспективы, так как в нем насаждаются антагонистические идеологии, в конечном итоге уничтожающие его устои. Примеров пагубного воздействия деструктивной идеологии, способствующей дестабилизации общества, в мировой истории достаточно.

В отечественной научной литературе Л.А. Калинин сформулировал понятие деструктивной идеологии – это «система теорий, взглядов, норм, ценностей и методов, отражающая интересы определенной социальной группы, способствующая разрушению тех общественных отношений, которые объективно необходимы в данных условиях развития общества»¹.

Следовательно, данная идеология выражается в неприятии правовой организации установленного порядка и социальных отношений, поэтому к деструктивному мировоззрению можно отнести концепции, в которых определены соответствующие вышеперечисленным позициям задачи.

Особое негативное значение для социума имеет правовой деструктивизм. Данное сочетание, на первый взгляд, может показаться абсурдным, так как право по определению должно быть конструктив-

¹ Калинин Л.А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. Наук. Нижний Новгород, 2007.

ным и решать задачи урегулирования правоотношений в самых различных сферах человеческого бытия. Однако многие исследователи считают, что данная дефиниция вполне допустима. Так, А. В. Кузьмина полагает, что правовая деструктивность представляет собой диалектический синтез объективной бытийной фактологичности и субъективного оценивания. И в этом смысле любая деструктивность как отклонение от актуальных жизненных стандартов объективно фактологична и одновременно является феноменом «отнесения к ценности»¹.

По мнению В.М. Баранова, в современных условиях очевидна деструктивность права по защите национальных интересов России. Автор считает, что проявления неспособности правовых механизмов решать задачи по своевременному выявлению, формулированию и обеспечению реализации национальных интересов подчеркивает деструктивность права. В качестве базового аргумента, поддерживающего суждение, он выделил отсутствие в государстве сформулированного перечня национальных интересов, что позволяет ими спекулировать. По его мнению, задача гуманитарной науки и государственной власти – сформулировать перечень и определить иерархию национальных интересов, хотя бы, на ближайшие десять лет².

Исследователь считает, что «деструктивность права заключается в том, что оно позволяет жить по “двойным стандартам”. Право по своей природе – регулятор «сегодняшнего» дня, хотя многие пишут о программно-прогностической его роли. Деструктивность заключается в том, что современное российское право не способно создавать предпосылки формирования национальных интересов. Ведомственный или, что еще хуже, узкокорыстный интерес зачастую отражается в праве как общегосударственная ценность³.

Безусловно, в суждениях В.М. Баранова есть рациональная составляющая. Однако выводы слишком категоричны. Полагаем, что право формирует правоотношения, которые реализуют уполномоченные структуры и чиновники, и многое зависит от их профессиональных

¹ Кузьмина А.В. Природа и механизмы проявления деструктивных правоприменительных интересов//Вестник Московского университета МВД России. 2010. №7. С. 125.

² Баранов В.М. Деструктивное воздействие права на национальные интересы//Журнал российского права. 2005. № 12. С.84-87.

³ Баранов В. М. Там же.

навыков и умений. Право в данном контексте формализует их роль, позволяя или запрещая какую-либо деятельность. Отсутствие правовой нормы – скорее пробел в праве, а не признак деструктивности права.

На момент написания вышеназванной статьи в Российской Федерации действительно отсутствовали документы, определявшие её национальные интересы. Однако, спустя десять лет, вышел Указ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где в пункте 30 определены национальные интересы государства на долгосрочную перспективу. В частности были названы: укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны; сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; повышение конкурентоспособности национальной экономики; закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Нужно отдать должное В.М. Баранову, который своевременно обратил внимание на одну из актуальных проблем российской действительности. Тон статьи позволил автору максимально сконцентрировать внимание заинтересованных исследователей, однако вывод, по нашему мнению, слишком категоричный. Деструктивность права – это неудачный термин. Точнее было бы сформулировать понятие «деструктивность правовой идеологии», обеспечивающей реализацию специфических правовых идей и концепций. К таковым А.А. Головина относит противоречие в правовой системе, выражающееся в противопоставлении одних правовых идей и концепций другим¹.

Конфликты правовых идей и концепций отражают настроения, складывающиеся в обществе, и являются следствием стагнации или

¹ Головина А.А. Конфликты правовых идей и концепций: конструктивные и деструктивные аспекты// Lex Russica. 2018. №2 (135).

деградации общей и правовой культуры, порождающей правовой нигилизм и правовой идеализм. Деструктивность правового нигилизма проявляется в форме негативного отношения к праву, неверия в правовые институты, средства и способы регулирования общественных отношений. Аналогичное значение имеет и правовой идеализм, который по факту порождает деструктивное отношение к праву только из-за чрезмерного преувеличения его возможностей.

Деструктивная правовая идеология базируется на юридической культуре, которая диалектически связана с деформированной политической системой, антисоциальными взглядами, закрепленными в обществе при помощи юридических инструментов. Подтверждением сказанного может служить пример формирования правовой идеологии фашистской Германии, которая обеспечивала легитимность власти. В данном контексте была разработана юридически обоснованная теория превосходства одной расы над другой, и в этом случае право и юридические инструменты выполняли деструктивную функцию, направленную на геноцид и уничтожение народов.

Формированию деструктивной юридической культуры, с одной стороны, способствует снижение эффективности и качества функционирования правовых институтов, в частности, судебной системы, правоохранительных органов, структур, обеспечивающих защиту интересов граждан, с другой стороны – низкий уровень просветительской и разъяснительной работы. В результате в обществе складывается негативное отношение к праву и, как следствие, развивается дезорганизация и десоциализация общественных и правовых отношений. Культура, в основе которой лежат юридические антиподы или антиценности, отражает состояние и уровень развития правовой среды, формирующей деструктивный менталитет.

В одной из статей А.В. Кузьмина высказала предположение об уместности использования в научном обороте понятий «правовая и правоприменительная деструктивность». Автор сочла, что в юридической деструктивности выступает доминирующая роль интересов субъектов в воспроизводстве ее разных моделей – от полного игнорирования правовых принципов и норм до профессионального, творческого, глубоко осознанного злоупотребления правом. В авторском понимании деструктивность правоприменительных интересов представляет мотивационный ресурс субъекта, сориентированного рациональным сознанием на использование права, юридических процедур и механизмов в корыстных целях, противоречащих принципам актуаль-

ной публичной морали. Реализация деструктивных правоприменительных интересов может быть квалифицирована и как моральный проступок, и как злоупотребление правом. По сути, это две модели осуществления деструктивных правоприменительных интересов¹.

В качестве примера, подтверждающего справедливость вышеприведенного суждения, можно привести исторические примеры формирования коррупционных схем злоупотребления правом, активно используемых в Российской Федерации на протяжении последних десятилетий. В контексте борьбы с этим деструктивным явлением был подготовлен Федеральный закон «О противодействии коррупции». Однако коррупция от этого не исчезла.

Таким образом, можно констатировать, что в отечественной гуманитарной науке нет принятого научным сообществом толкования понятия «деструктивизм». В этой связи предлагается авторское понимание данной дефиниции. Деструктивизм – это совокупность взглядов, теорий, учений и идеологий, в основе которых положены идеи разрушения или отрицания общепринятых ценностей, идеалов, норм нравственности, культуры, установленного общественного порядка, суверенитета, негативно оценивающих роль государства в регулировании общественных отношений, способствующих развитию социального антагонизма, агрессии, ненависти и нетерпимости между людьми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов В.М. Деструктивное воздействие права на национальные интересы//Журнал российского права. 2005. № 12. С.84-87.
2. Головина А.А. Конфликты правовых идей и концепций: конструктивные и деструктивные аспекты// Lex Russica. 2018. №2 (135).
3. Калинин Л.А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. Наук. Нижний Новгород, 2007.
4. Кузьмина А.В. Природа и механизмы проявления деструктивных правоприменительных интересов//Вестник Московского университета МВД России. 2010. №7. С. 125.

¹ Кузьмина А.В. Природа и механизмы проявления деструктивных правоприменительных интересов//Вестник Московского университета МВД России. 2010. №7. С. 125.

Лавицкая Марина Ивановна,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории права
и сравнительного правоведения
Российского государственного
гуманитарного университета

Lavitskaya M. I.

Doctor of Historical Sciences, professor,
Professor Department of the Theory of Law
and Comparative Law
Russian State University for the Humanities

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОГО И ПОСТЛИБЕРАЛЬНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Часть 1

CONFLICT PREDISPOSITION OF LIBERAL AND POST-LIBERAL WORLD ORDER. Part 1

Аннотация. В статье рассматриваются особенности либерального и постлиберального мирового порядка, обуславливающие их конфликтность. Для этого автор анализирует специфику перехода к постбиполярной системе международных отношений и продвижения либерального порядка в её рамках с точки зрения центропериферийного типа взаимодействия между Западом и Востоком, а затем отвечает на вопрос, как нынешний «правоконсервативный поворот» в странах Запада влияет на это взаимодействие. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в постбиполярный период построение либерального миропорядка, осуществляемое путём проекции структуры и норм западного сообщества в глобальном масштабе, стало серьёзным источником конфликтности мировой системы вследствие противоречия между императивом к вовлечению Востока, с одной стороны, и желанием не допустить размывания собственных статусных преимуществ, с другой. «Правоконсервативный поворот» в западных обществах не был и не мог быть направлен на преодоление данного противоречия, поскольку в международно-политическом от-

ношении он представляет собой протест не столько против либерального миропорядка как такового, сколько против тех затрат, которых требует его поддержание, и ограниченности получаемых от него Западом выигрышей. Симбиоз различных уровней и векторов конфликтности порождает состояние структурной неустойчивости постлиберальной глобальной системы. Однако главным источником угрозы является не то, что государства, освободившись от институциональных и нормативных ограничений, вернуться к взаимному силовому балансированию и военно-политической конкуренции, а то, что и государства, и иные акторы окажутся не в состоянии полноценно осуществлять управленческие функции.

Abstract. The article examines features of liberal and post-liberal world order determining their conflict predisposition. To this end, the author analyzes specifics of transition to post-bipolar international system and of promoting liberal order within it through the lens of centre-periphery type of interaction between the West and the East, and then defines what impact the current “right turn” in Western states has upon this interaction. The present research led to the conclusion that construction liberal order by means of extrapolating structure and norms of Western community in global scale became a potent source of conflict predisposition of the international system in the post-bipolar period owing to controversy between an imperative towards engagement of the East, on the one hand, and an inclination not to cause an erosion of the own status benefits, on the other. “The right turn” in Western societies could not be directed and actually was not directed at overcoming this controversy since in international political aspect it represented not so much a protest against liberal order as such but rather a protest against the costs necessary for its maintenance and drop in gains it brings to the West. Symbiosis of different levels and vectors of conflicts produces a state of post-liberal global system’s structural instability. However, the main danger emanates not from the fact that without institutional and normative constrains the states would return to power balancing and military competition, but rather that neither states, nor other actors would be capable to properly execute governance functions.

Ключевые слова: либеральный миропорядок, постлиберальный миропорядок, США, конфликтогенность, Запад, Восток, постбиполярная система, вовлечение, правый поворот, силовое сдерживание.

Key words: liberal world order, post-liberal world order, the US, conflict predisposition, the West, the East, post-bipolar system, engagement, right turn, power containment.

Период после окончания холодной войны можно по праву характеризовать как эпоху незавершённых, частичных, избирательных трансформаций. Вместо резкого и одномоментного слома всех основ мирового порядка разом, как это происходило в предшествующих случаях системных переходов, мы уже почти три десятилетия наблюдаем разрозненные, хотя и взаимосвязанные по своим последствиям, примеры демонтажа одних структурных элементов глобальной системы, постепенной дисфункционализации и эрозии других, переосмысления и адаптации третьих и попыток выстроить и ввести в действие четвёртые. Этим объясняется и терминологическая неопределённость в отношении существующей системы международных отношений, которую принято квалифицировать как постбиполярную, то есть такую, которая образовалась после распада биполярности, но не обладает достаточными собственными отличительными чертами, позволяющими дать ей целостную характеристику. Этот термин является темпоральным, а не сущностным.

Общей точкой отсчёта при анализе постбиполярной системы являлась констатация того, что она возникла благодаря коренному изменению политико-силового баланса в мире при сохранении базового нормативного и институционального «каркаса» Ялтинско-Потсдамской системы, а также массива механизмов, регулирующих военно-стратегический аспект глобальной системы, которые были выработаны в ходе и на этапе окончания «холодной войны». В рамках этого каркаса ведущие акторы стремились сконструировать новый мировой порядок на основе политико-силового баланса, сложившегося в системе на новом этапе развития, и с учётом объективного распределения силового потенциала. Именно вопрос о параметрах распределения силового потенциала и определении полярности существующей глобальной системы до недавних пор находился в центре основных академических дискуссий в отечественной и мировой международно-политической науке.

Однако в последние годы вектор системных трансформаций несколько изменился: ревизии и частичному демонтажу начали подвергаться, во-первых, элементы системной структуры, запущенные или уже выстроенные в собственно постбиполярный период, а во-вторых, казавшиеся доселе нерушимыми элементы Ялтинско-Потсдамского порядка и базовые механизмы военно-стратегической стабильности. Это уже не ситуация, когда на существующем нормативном фунда-

менте игроки пытаются возвести новую политико-силовую и институциональную конструкцию, это ситуация, когда некоторые из них бросились демонтировать то, что так и не сумели до конца возвести, попутно отбрасывая некоторые компоненты самого фундамента. Благодаря этому в подвешенном состоянии оказался не только вопрос, что строить дальше, но и вопрос, на какой основе это делать.

Такое развитие событий сразу выявило сугубо умозрительную и аналитически малосодержательную природу дискуссии о полярности глобальной системы и вывело на первый план тематику природы существующего мирового порядка и перспектив его дальнейшей эволюции. В западной науке этот поворот проявляется особенно наглядно. До недавних пор там по умолчанию считалось, что международная система так или иначе движется в сторону большей открытости, взаимозависимости и кооперативности, что в ней идёт построение либерального миропорядка, основанного на универсальных ценностях и многосторонних институтах и что этому процессу препятствует только противодействие отдельных деструктивных сил и авторитарных государств. И хотя перспектива вероятного наступления «постзападного»¹ или «постамериканского»² мира по мере исчерпания уникального «момента однополярности» в виде единоличного силового превосходства США будоражила умы западных политологов уже довольно давно, целесообразность и приоритетность либерального миропорядка (или либеральной гегемонии) как наиболее подходящей модели организации глобальной системы практически никем не оспаривалась. Вопрос заключался лишь в способах и инструментах его построения.

Когда с выдвижением, а затем и избранием Дональда Трампа выяснилось, что либеральная идея уже не является предметом нерушимого консенсуса внутри самих западных обществ, а распространение либерального порядка в глобальном масштабе уже не выступает безуслов-

¹Serfaty S. Moving into a Post-Western World // The Washington Quarterly. 2011. Vol. 34, No. 2. P. 7–23.

² Kupchan Ch. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a stable multipolarity // International Security. 1998. Vol. 23. No. 2. P. 40–79; Layne Ch. This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana // International Studies Quarterly. 2012. Vol. 56, No. 1. P. 203–213; Zakaria F. The Post-American World: Release 2.0. New York: W. W. Norton, 2011. 336 p.

ным приоритетом для части американских и европейских политических элит, западная политическая наука впала в глубокую рефлексию относительно причин кризиса либерального интернационализма как идеологии и практики мировой политики и возможных его последствий. Собственно, только кризис, обозначившийся с приходом администрации Трампа, заставил проблематизировать то, что до этого выступало фигурой умолчания, общим местом, если не сказать догмой, для западной академической мысли.

Дискуссия о будущем либерального миропорядка довольно быстро выявила глубинные расхождения существующих представлений о том, чем этот порядок является и чем он должен являться в идеале.

Для представителей различных течений в русле политического реализма сама по себе идея преодоления анархичности международной системы с помощью норм и институтов выступает чем-то вроде утопии, поэтому, по их мнению, либеральный миропорядок не сложился в постбиполярную эпоху, так как он не мог сложиться в принципе, и попытки его построения были изначально обречены на провал¹. Некоторые авторитетные реалисты, впрочем, допускают возможность кратковременного установления либеральной гегемонии при определённых, крайне маловероятных условиях, однако указывают, что её поддержание в долгосрочной перспективе нереалистично, в том числе, из-за затрат, которые несёт государство-гегемон². Этим объясняется отсутствие у адептов реалистской парадигмы особых сантиментов по поводу кризиса либерального миропорядка: для них этот кризис был изначально неизбежен, а кое в чём даже желателен, поэтому изменения во внешнеполитической линии США с приходом Трампа они оце-

¹Allison G. The Myth of the Liberal Order: From Historical Accident to Conventional Wisdom // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97, No. 4. P. 124–133; Porter P. A World Imagined: Nostalgia and Liberal Order [Electronic resource] // Cato Institute Policy Analysis. 2018. No. 843. URL: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa-843.pdf>; Glaser Ch. A Flawed Framework. Why the Liberal International Order Concept Is Misguided // International Security. 2019. Vol. 43, No. 4. P. 51–87.

²Mearsheimer J. J. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. 2019. Vol. 43, No. 4. P. 7–50.

нивают спокойно, а временами даже приветствуют их как то, что рано или поздно должно было наступить¹.

Ведущие сторонники либеральной теории, уже долгое время питавшие опасения насчёт исчерпания импульса, полученного на фоне идеологического триумфа либеральной модели по итогам «холодной» войны², склонны усматривать в постбиполярном периоде уникальный шанс для построения либерального миропорядка в глобальном масштабе, которым Соединённые Штаты и их союзники воспользовались не до конца или не совсем оптимальным образом. Тем не менее, они не считают нынешние перипетии фатальными для идеи либерального миропорядка как таковой, поскольку в современной международной системе нет ни сущностной идейной альтернативы либеральной модели, ни сил, готовых систематически целенаправленно подрывать сложившийся порядок³. Даже относительное ослабление силового потенциала США и Запада в международной системе не приводит автоматически к деградации и краху либерального порядка, поскольку не обесценивает принципы и механизмы, на которых он основан. Либеральный миропорядок может испытывать давление тех или иных структурных факторов, в том числе изменения баланса сил на мировой арене. Но преодоление такого давления требует не демонтажа, а укрепления механизмов институционального управления, составляющих фундамент либерального миропорядка⁴. Как выразился на это счёт ведущий представитель школы либерализма Джон Айкенберри, «либеральный интернационализм перерос американскую гегемонию», но круг игроков, заинтересованных в поддержании мироустройства, основанного на общих правилах и институтах, за это время только

¹ Швеллер Р. Три здравицы в адрес внешней политики Трампа // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Tri-zdravitcy-v-adres-vneshnei-politiki-Trampa-19747>

² Sørensen G. A liberal world order in crisis : choosing between imposition and restraint. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 231 p.; Ikenberry J. Liberal Leviathan : the origins, crisis, and transformation of the American world order. Woodstock: Princeton University Press, 2011. 393 p.

³ Най-младший Дж. Уцелеет ли либеральный миропорядок? // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Utceleet-li-liberalnyi-miroporyadok-18651>

⁴ Deudney D., Ikenberry J. Liberal World. The Resilient Order. // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97, N. 4. P. 16–24.

расширился¹. Из этого следует вывод, что нынешние проблемы либерального устройства глобальной системы должны решаться путём его «переиздания», совершенствования и адаптации действующих многосторонних институтов и формирования новых, более адекватных сегодняшним системным вызовам и балансу сил в глобальной системе².

Несмотря на относительную логичность и обоснованность позиций участников данной дискуссии в западной науке в целом продолжает ощущаться некоторая степень дезориентации, связанная, в том числе, с хронологической неопределённостью: можно ли говорить о том, что период построения и функционирования либерального порядка окончательно пройден и завершён и что мир перешёл в некую постлиберальную фазу развития, или же мы наблюдаем один из промежуточных кризисов либеральной гегемонии (далеко не первый и, возможно, не последний в современной истории), который не ставит финальную точку в функционировании данной модели. К примеру, известный реалист Стивен Уолт не считает, что внешняя политика Трампа кардинально отличается от политики его предшественников в Белом доме: все они, от Клинтона до Обамы, приходили к власти под лозунгами сокращения внешних обязательств и военного присутствия США в мире, однако на практике проводили затратный и обременительный курс на поддержание либеральной гегемонии. Несмотря на то, что президентский стиль Трампа резко отличается от стиля его предшественников, по утверждению Уолта, «в итоге мы имеем худшее из возможного: Вашингтон продолжает реализовывать бессмысленную, ничем не обоснованную большую стратегию, но при этом данным процессом руководит некомпетентный парвеню в Белом доме»³.

В некоторой мере подобная дезориентация нашла свою проекцию и в российской политической науке, где с 2014 года развернулся пусть не такой масштабный, но всё же довольно значимый спор о возможности и необходимости сохранения основ либерального миропорядка,

¹ Ikenberry J. The Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. 2015. Vol. 16, No. 3. P. 450–455.

² Stokes D. Trump, American hegemony and the future of the liberal international order // International Affairs. 2018. Vol. 94, No. 1. P. 133–150.

³ Уолт С. Конец гордыни // Россия в глобальной политике. 2019. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Konetc-gordyni-20086>

с точки зрения национальных интересов нашей страны¹. В общих чертах он отражает основные направления аналогичной дискуссии в западной академической мысли с той разницей, что либеральная гегемония Запада по понятным причинам никогда не являлась самоценностью для России, хотя преимущества либерального порядка с его приоритетом экономической взаимозависимости и институционального регулирования высоко ценились российской дипломатией, поэтому риски, сопутствующие демонтажу этого порядка и вероятно нарастанию вследствие этого турбулентности международной среды, вызывают у некоторых отечественных деятелей бóльшие опасения, нежели неудобства и вызовы того откровенно второстепенного, если не сказать подчинённого, положения, которое отводится России в рамках (или, точнее, за рамками) действовавшего до недавних пор либерального порядка. Отсюда проистекает упорное стремление удерживать его основы в неизменном состоянии, поскольку их сохранение даёт гипотетическую надежду на восстановление оптимальных кооперативных связей России с Западом. Квинтэссенцией этого подхода являются публикации А. КОРТУНОВА² и представителей возглавляемого им Российского совета по международным делам. Более нюансированный подход с попытками представить, как будет выглядеть мировой порядок после закономерного и разворачивающегося на наших глазах кризиса либеральной модели, представлен в серии докладов Валдайского клуба³.

¹ Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 234–244; Арбатов А. Крушение миропорядка. Куда повернёт Россия // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporyadka-16918>

² КОРТУНОВ А.В. Неизбежность странного мира // РСМД. 2016. 15 июля. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/>; Кулик С. О принципах либерального миропорядка // РСМД. 2017. 31 мая. [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-printsipakh-liberalnogo-miroporyadka-/?sphrase_id=30125092

³ Новые правила или игра без правил? / под ред. Ф. Лукьянова, И. Крестева // Доклад Валдайского клуба. 2015. 32 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/10088/>; Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире, и что с ней делать / Барабанов О.,

С другой стороны, учитывая преобладание в российской политической науке мышления в духе классического реализма, сама возможность установления либерального миропорядка вызывает у многих отечественных исследователей глубокий скепсис. Некоторые из них уже с середины 2000-х годов констатируют провал «постмодернистского эксперимента» в международных отношениях и их постепенную ренационализацию, то есть возврат к примату национальных государств и классическому балансированию в противовес международным институтам и наднациональным образованиям¹. В этом дискурсе проявляется, в том числе, нескрываемое желание российских учёных и политиков «перевернуть страницу» постбиполярного периода, объявить его пройденным, завершённым, исчерпавшим себя. Однако проблема в том, что до недавних пор в распоряжении сторонников подобного подхода не было внятного символического маркера, с помощью которого они могли бы выделить и отграничить постбиполярный период от того, что пришёл ему на смену. Это не позволяло делать сколь-нибудь релевантные обобщения относительно сущности складывающегося нового типа мироустройства, помимо констатации его сложности и выделения отдельных его специфических свойств. Теперь западная наука сама выдвигает термин, который вполне можно взять на вооружение и, надлежащим образом осмыслив, использовать для обозначения текущего исторического периода.

На наш взгляд, сегодня можно констатировать, что мир вступил в фазу постлиберального развития, однако это связано не с наступлением новой исторической эпохи и даже не с избранием Трампа, а, скорее, с изменением вектора системных трансформаций. Из одного переходного состояния – постбиполярности – глобальная система перешла в новое переходное состояние – постлиберальность, в том

Бордачёв Т., Лукьянов Ф. и др. // Доклад Валдайского клуба. 2017. 22 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/>; Жизнь в осыпающемся мире / Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик О. и др. // Доклад Валдайского клуба. 2018. 28 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22596/>

¹ Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов / Тезисы рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике. Руководитель авторской группы – С.А. Караганов. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2016. 24 с. [Электронный ресурс] URL: http://svop.ru/wpcontent/uploads/2016/05/%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_23%D0%BC%D0%B0%D1%8F_sm.pdf

смысле, что попытка утвердить либеральный миропорядок путём распространения норм и правил, выработанных в рамках западного общества¹, действительно исчерпала себя. Некоторые выработанные в её ходе механизмы подвергаются демонтажу, вопрос о создании новых пока снят с повестки дня, и даже в официальной риторике и программных документах США либеральный миропорядок уже не преподносится как безусловная самоценность и неоспоримый идеал, к которым нужно стремиться во что бы то ни стало. Однако до полного слома всей конструкции либерального мироустройства ещё далеко, и вероятность его качественного обновления, своего рода перерождения, нельзя полностью исключать. Тем более, что, как верно отмечают О.В. Приходько и П.Е. Смирнов, «возврат к положению, когда национальное государство вновь станет исключительным субъектом мирового порядка, уже вряд ли возможен в условиях, когда интеграционные институты, пусть они и не гарантированы от периодических кризисов (как это происходит в настоящее время в ЕС), взяли на себя слишком много регулирующих функций, чтобы их можно было свести на нет»². Но даже в случае «ренессанса» либеральных представлений о мироустройстве это уже будет нечто кардинально отличное от того, что мы наблюдали в предыдущие два десятилетия. Поэтому мы имеем полное право характеризовать нынешнюю ситуацию как постлиберальный миропорядок, который находится ещё в стадии оформления, но уже имеет ряд специфических черт, отделяющих его от относительной «либеральной идиллии» постбиполярного периода.

* * *

Одним из ключевых свойств, определяющих структурные качества постлиберального миропорядка, выступает его конфликтогенность, то есть способность порождать и поддерживать конфликты различной интенсивности между различными субъектами. Конфликтогенность может быть обусловлена начальными, «стартовыми» характеристиками международной системы, а может задаваться характером взаимодействия между акторами. Так, к примеру. Ялтинско-Потсдамская си-

¹ Ikenberry J. The restructuring of the international system after the Cold War // The Cambridge history of the Cold War / M.P. Leffler, O.A. Westad (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 535-556.

² Приходько О.В., Смирнов П.Е. Меняющаяся конфигурация мирового порядка: основные тенденции и роль США // Россия и Америка в XXI веке. 2017. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://rusus.ru/?act=read&id=584>

стема на начальном этапе своего формирования не была организована вокруг конфликта двух сверхдержав и блоков, но по мере его разворачивания и превращения в центральную организующую ось для большинства государств мира продуцируемая им биполярность стала структурным качеством системы, а общая её конфликтogenicность повысилась. Иными словами, конфликтogenicность может быть обусловлена как структурными, так и субъектными факторами, и потому она не является константой, а может варьироваться на протяжении всего срока существования системы.

В течение всего постбиполярного периода сторонники либерального миропорядка уверяли, что его построение – единственный реальный шанс радикально снизить конфликтogenicность международной среды, в противном случае мир вернётся в состояние тотальной анархии и «войны всех против всех» по Гоббсу. Но на деле либеральный порядок в том виде, в каком его продвигали США и их союзники, сам стал источником трений и противоречий, а его конфликтogenicность никак не уступала конфликтogenicности биполярной системы с её многочисленными очагами конфликтности в ряде регионов мира. Это даёт основания сторонникам более консервативного, реалистского подхода утверждать, что именно классическое силовое сдерживание и балансирование позволяют эффективно стабилизировать международную среду, тогда как насаждение либеральной модели ведёт лишь к излишнему нарастанию конфликтности и ложится непосильным бременем на лидирующие державы¹.

По нашему мнению, картина процессов, происходящих в современной системе международных отношений, несколько сложнее и неоднороднее, чтобы её можно было оценивать в категориях противопоставления двух идеальных теоретических моделей – либерального порядка и силового балансирования. Конфликтogenicность постбиполярной системы обусловлена не только и не столько общими свойствами либерального порядка, как его представляют себе ведущие теоретики, сколько практическими особенностями того, как этот порядок воплощался в жизнь на протяжении полутора десятилетий после окончания холодной войны.

¹Уолт С. Конец гордыни // Россия в глобальной политике. 2019. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Konetc-gordyni-20086>

Во-первых, сами обстоятельства её окончания уже заложили многие предпосылки для дальнейших противоречий, проявившихся не позднее первой половины 90-х годов. В отечественной литературе немало говорится о том, что Запад приписывает себе победу в холодной войне, что подобные триумфалистские настроения препятствовали и продолжают препятствовать выработке продуктивных отношений с незападными игроками, в том числе, с Россией, и что Запад всячески сопротивляется любым поползновениям (или действиям, в которых усматриваются подобные поползновения) к пересмотру итогов холодной войны со стороны России¹. Однако на самом деле проблема намного шире: отсутствие формального закрепления итогов холодной войны означало не только отсутствие признания условного непоражения России, но и отсутствие признания не менее условной победы Запада. Неоспоримое силовое превосходство и чаемый идеологический триумф США и их союзников не нашли прямого автоматического отображения в статусном измерении международной системы или её институциональной конфигурации². Задачу утверждения своих статусных преимуществ в постбиполярный период Западу пришлось решать «явочным порядком» – путём выработки новых договорённостей с незападными игроками и закрепления в них формальных положений, которые можно было бы трактовать как признание западного превосходства.

Во-вторых, демонтаж биполярности как геополитической конструкции не привёл к автоматическому устранению разделения между Западом и условным Востоком, в роли которого на этот раз выступал не противостоящий военно-политический блок, а круг стран, не включённых в западный либеральный миропорядок. Как справедливо подчеркнул Э. Соловьёв, «система международных отношений по-прежнему являла собой картину центр-периферийных отношений, в которых роль генератора и распространителя новых ценностей и норм

¹ Лукьянов Ф. Подведение черты // Профиль. 2018. 15 октября. [Электронный ресурс] URL: <https://profile.ru/politics/podvedenie-cherty-127134-56513/>

² Шаповалова О.И. Структурні параметри постбіполярної системи міжнародних відносин // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Збірник наукових праць. Випуск 119 (Частина I). К.: 2014. С. 34–51; Жизнь в осыпающемся мире / Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик О. и др. // Доклад Валдайского клуба. 2018. 28 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22596/>

принадлежала исключительно странам Запада»¹. Однако в новых условиях Восток уже не был прямым противником, но при этом оставался иным внешним субъектом. Более того, как это сложилось исторически, он продолжал выступать «значимым Другим», необходимым для поддержания идентичности Запада и всего свободного мира на контрасте с восточными деспотиями и азиатскими диктатурами. По этой причине Запад был и остаётся экзистенциально заинтересован в поддержании некоторой культурной и политической дистанции с «политическим Востоком», кто бы конкретно ни подразумевался под этим понятием в данный момент. Поэтому даже полное принятие Востоком западной идеологической матрицы не могло и не может привести к окончательному стиранию этой воображаемой, но вполне осязаемой политической грани². В этом свете становится объяснимым, почему Запад в постбиполярный период прибегнул к такому углублению своей нормативной базы и возведению в ранг нормы таких явлений, которые были культурно и эстетически неприемлемы для многих обществ стран Востока (к примеру, в сфере защиты прав сексуальных меньшинств).

В-третьих, то обстоятельство, что речь шла не о выработке либерального порядка путём согласования его конфигурации с ключевыми игроками «с нуля», а о распространении в глобальном масштабе правил, норм и институтов, выработанных в рамках западного блока в биполярный период, о придании им универсального характера, одновременно упрощало, но и несколько усложняло ситуацию для Запада. Совсем неочевидным было то, в какой форме, в каком объёме и какими темпами должно происходить такое распространение. Но самое главное, распространение западного либерального порядка в какой бы то ни было форме требовало от его потенциальных реципиентов принятия и признания того политико-силового баланса, на основе которого этот порядок был сформирован, а именно – доминантного положе-

¹ Соловьёв Э. Возвращение истории – конец эры либерализма? // Международная жизнь. 2015. № 12. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1416>.

² Относительно возникновения и исторической эволюции данного размежевания см. Окунев И.Ю. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики // РСМД. 2019. 21 марта. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoje-zerkalo-mirovoy-politiki/>

ния Соединённых Штатов и их направляющей роли в военно-политическом аспекте взаимодействия с союзниками.

Вследствие этого утверждение либеральной модели внутреннего устройства государств, их включение (в той или иной форме) в систему экономических обменов и западный институциональный комплекс, и принятие сложившейся в западном блоке в годы холодной войны силового баланса как легитимной геополитической конфигурации для всей глобальной системы было увязано в единый «пакет», продвигаемый Западом под видом либерального миропорядка и глобализации. Нежелание стран условного Востока воспринимать какой-либо компонент этого «пакета» автоматически превращало их в глазах Запада в недостаточно либеральных или недостаточно ответственных субъектов международной политики, которые не только не могут быть интегрированы в новый мировой порядок, но и интересами которых можно было пренебречь в ходе его построения. Государства же, посмеявшие публично оспаривать блага и ценность либерального порядка, подвергались открытому остракизму, а то и вовсе объявлялись изгоями.

Таким образом, конструирование либерального миропорядка в постбиполярный период представляло для коллективного Запада не только собственную, но и инструментальную ценность как средство «закрепления, расширения и усиления своей доминанции в мировой системе»¹. Это серьёзно компрометировало саму либеральную идею и Запад как её главного протагониста и претендента на роль «благонамеренного гегемона», действующего ради достижения всеобщего блага и торжества универсальных либеральных ценностей, а не преследующего свои узкие эгоистичные интересы. Кроме того, это заложило предпосылки для повышения конфликтности глобальной системы, поскольку включало в поле статусной конкуренции идеологический и экономический её уровни. Если Запад обосновывал свои статусные претензии превосходством и универсальностью собственной либеральной модели государственного устройства и её экономической эффективностью, то странам, не готовым принять данную модель и сопряжённую с ней глобальную гегемонию Запада, не оставалось ничего другого, как конструировать и продвигать собственные идеоло-

¹ Клепацкий Л. Деглобализация мировой системы // Международная жизнь. 2015. № 8. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1348>

гические, ценностные и экономические модели, позволяющие сохранить внутренний суверенитет и международную субъектность.

При этом у Запада возникла ещё одна немаловажная проблема, а именно – отсутствие эффективной модели включения в либеральный миропорядок даже тех стран Востока, которые были готовы безоговорочно принять весь предлагаемый «либерализационный пакет»: трансформацию внутреннего устройства под надзором западных институтов, интеграцию в западные институты и признание глобальной гегемонии Запада с готовностью следовать в его фарватере в своей внешней политике.

Это было связано с двумя факторами. Первый касается дефицита оптимальной институциональной базы, способной обеспечить нужную степень инклюзивности, с одной стороны, и поддержание желаемых статусных параметров стран Запада, с другой. Стремление сохранить западные институты, не допустить их разбалансирования, размывания и снижения функциональности, удержать предоставляемые ими статусные преимущества и одновременно сделать их центральным звеном системы так называемого «глобального управления» привело к тому, что полноценное включение в либеральный миропорядок на правах полноценных его субъектов коснулось только стран Центрально-Восточной Европы, ставших членами НАТО и ЕС в 1997-2007 годах. Насколько обоснованным и эффективным явилось в конечном итоге их включение – отдельный вопрос. Но другим – европейским и внеевропейским – игрокам были предложены более или менее выгодные экономически, но неизбежно асимметричные в политическом плане ограниченные форматы сотрудничества. Фактически реальная интеграция незападных стран в западный либеральный порядок сводилась к их выборочному включению в экономические и информационные обмены, главным образом, благодаря делокализации западных производств и предоставлению им членства в блоке рамочных финансово-экономических институтов – ВТО, МВФ и группы Мирового банка и частично в рамках Большой семёрки. Причём благодаря системе квот, определяющих вес каждой страны при принятии решений в этих институтах, статусная асимметрия с сохранением доминирующего положения США и их союзников полностью воспроизводилась даже после принятия новых членов из стран Востока.

Второй фактор связан с некоторой долей разобщённости самого Запада, наглядно проявившейся в конце 90-х – начале 2000-х годов, когда тактические расхождения между Вашингтоном и европейскими

союзниками переросли в публичные споры по базовым вопросам поддержания либерального порядка в мире и в евроатлантическом пространстве. С самого начала США и Европейский союз налаживали отдельные каналы взаимодействия с незападными игроками, исходя из довольно отличных политических и практических предпосылок. Более того, в некоторых случаях между ними наблюдалась прямая конкуренция и противоречия относительно принципов налаживания взаимодействия со странами Востока и их объединениями. Для многих из них партнёрство с Евросоюзом на первых порах представлялось более привлекательной альтернативой ввиду имиджевого преимущества «постмодернистского» интеграционного объединения без явно выраженных гегемонистских устремлений и склонности к произвольному применению силы¹.

Так или иначе, единой целостной стратегии вовлечения условного Востока у коллективного Запада не было, в том числе, из-за дефицита политической воли к его вовлечению как таковому². В таких условиях, как это ни парадоксально, для граждан многих западных стран физическая миграция в западные страны оставалась чуть ли не единственным способом обеспечить интеграцию в либеральный порядок, так сказать, на индивидуальном уровне.

Однако отсутствие подобной стратегии до определённого момента не являлось серьёзной помехой ни для продвижения Западом либерального миропорядка, при всех его проблемах и дефектах, ни для поддержания сложившегося политико-силового баланса в глобальной системе. Намеренная или произвольная антагонизация Западом Востока не приводила к автоматическому переходу последнего к систематическому оппонированию и стремлению подорвать либеральный миропорядок. Частично это объяснялось тем, что включение в экономические обмены в ходе глобализации предоставляло многим странам Востока выгоды и преимущества, компенсирующие дефицит полити-

¹ Шаповалова О.І. Структурні параметри постбіполярної системи міжнародних відносин // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Збірник наукових праць. Випуск 119 (Частина І). К.: 2014. С. 34–51.

² Бордачёв Т. Сила, мораль, справедливость // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 56–66; Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире, и что с ней делать / Барабанов О., Бордачёв Т., Лукьянов Ф. и др. // Доклад Валдайского клуба. 2017. 22 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/>

ческого влияния или смягчающие его последствия. Частично это было связано с колоссальной асимметрией военно-силового баланса в пользу США и Запада, преодоление которой представлялось слишком затратным и комплексным процессом, требующим скоординированных усилий ведущих стран Востока, между которыми, тем не менее, сохранялись немалые противоречия. Частично являлось результатом «эффекта блокировки», присущего международным институтам с их негибкостью, обусловленной эффектом «колеи», рутинизацией, интернализацией и многими другими механизмами, обеспечивающими сопротивление изменениям и работающими на поддержание статус-кво¹. Одним словом, подлинного, последовательного и целенаправленного ревизионизма в постбиполярной системе не возникло².

К тому же, недостаточное вовлечение в западный либеральный миропорядок или его отсутствие далеко не всегда расценивалось политическими элитами стран Востока как гандикап, поскольку такое положение позволяло избежать расходов, связанных с таким вовлечением, и налагаемых им обязательств. Да и как способ повышения своей политической субъектности и влияния подобное вовлечение представляло неоднозначную ценность ввиду условий подобного вовлечения и асимметричной конфигурации самого западного сообщества. С точки зрения обеспечения собственной политической автономности, наиболее оптимальным представлялся путь построения собственных региональных институтов на базе отдельной региональной идентичности и ценностной платформы, создающих возможности для интенсификации экономических обменов в сопредельном пространстве (и снижения, таким образом, зависимости от включения в западные экономические цепочки) и самостоятельной выработки правил взаимодействия в регионе. Этим путём пошли многие страны «политического Востока», даже связанные формальными союзническими обязательствами с США. Формирование подобных региональных комплексов само по себе не подрывало либеральный миропорядок.

¹ Соловьёв Э. Возвращение истории – конец эры либерализма? // Международная жизнь. 2015. № 12. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1416>.

² Фененко А.В. Что нужно для многополярности? // РСМД. 2018. 6 июля. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/>

док как таковой, но несколько ограничивало его непосредственный «ареал».

* * *

Незападные страны не бросали прямой вызов либеральному миропорядку, скорее они его «обходили» с помощью параллельных, альтернативных структур, функционирующих формально на основе тех же либеральных ценностей, но с местной спецификой. До определённого момента эта тактика не вызывала политических противоречий с Западом, однако снижала степень подконтрольности ему и ограничивала его рычаги влияния на Восток. Дилемма между необходимостью вовлечения Востока и поддержанием эксклюзивного статуса Запада порождала латентную конфликтность постбиполярной системы, но не выливалась в прямое силовое столкновение.

В полной мере данная дилемма проявила себя с разворачиванием мирового финансового кризиса 2008-2009 годов, в условиях которого США пришлось в экстренном порядке инициировать создание нового международного форума – Большой двадцатки, – в котором наиболее весомые страны Востока участвовали бы наравне с представителями Запада. Но и двадцатка не позволила в полной мере добиться желаемых целей: она несколько восполняла дефицит инклюзивности, присущий действующим институтам либерального миропорядка, но не приводила к существенному повышению субъектных качеств стран Востока в нём. Отсюда и весьма скромные результаты работы этого форума за десять лет. Фактически, двадцатка стала ещё одним механизмом частичного политического вовлечения Востока Западом без радикального сокращения политической дистанции между ними.

Кроме того, на фоне кризиса новый импульс получили усилия по налаживанию экономической и политической координации между странами Востока. Создание БРИКС, запуск проекта евразийской интеграции, активизация интеграционных усилий в АТР – все эти процессы, идеологически не противоречащие либеральному миропорядку как таковому, приводили к постепенному, но заметному нарастанию конкуренции с западными институтами и выстроенными вокруг них по центропериферийному принципу механизмами взаимодействия со странами Востока. Под вопросом оказалась если не идеологическая, то, как минимум, институциональная монополия Запада и его доминантная роль в рамках либерального миропорядка.

В таких условиях Вашингтон впервые в постбиполярный период предпринял попытку обновить конфигурацию западного ядра либе-

рального миропорядка, преобразовав его в двухзвеньевую структуру, состоящую из двух замкнутых на США экономических блоков – Транстихоокеанского и Трансатлантического партнёрства. Тем самым в отношении европейских союзников предлагалось углубить существующий уровень консолидации, дополнив военно-политическое её измерение экономическим, а в отношении азиатских – создать первый в регионе полноценный многосторонний интеграционный институт с участием США. Задача обеих структур заключалась в выработке нового режима торговли и инвестиций в глобальном масштабе, влиять на который могли бы только участники новосозданных объединений. По сути, это был проект реформирования основ либерального миропорядка в сторону включения в него желательных партнёров и исключения нежелательных, даже если последние уже участвовали в продвигаемых Западом механизмах глобального управления¹.

Такая избирательная инклюзивность некоторым образом противоречила заявленным целям либерального миропорядка в виде глобализации и распространения либеральных ценностей в глобальном масштабе, но, с точки зрения Запада, это была серьёзная подвижка в статусно-ранговом аспекте: фактически Запад был готов пойти на некоторое размывание собственных, уже действующих институтов, «поделиться» своим статусом с некоторыми союзниками из числа западных стран для того, чтобы сохранить своё глобальное лидерство и либеральную гегемонию. Размежевание между Западом и Востоком поддерживалось и кое в чём усиливалось, но линия этого размежевания несколько смещалась на Восток. При этом центральное положение США в предлагаемой конфигурации означало сохранение доминирующей роли Вашингтона внутри этой конструкции.

Сам по себе этот проект содержал предпосылки к усилению конфликтности в глобальной системе на геоэкономической почве. Причём это касалось как его внутреннего оформления, консервирующего и без того ощутимую асимметрию между США и их союзниками, так и внешней направленности с нескрываемым стремлением исключить ряд влиятельных стран Востока из процесса формирования нового планетарного торгового режима. Вдобавок, на этом этапе возникает также ещё и третья линия потенциальной конфликтности, а именно – сопротивление подобному расширению и углублению либерального

¹ Catalyst? TTP's impact on the Rest / M. S. Akman, S. J. Evenett, P. Low (eds.). London: Centre for Economic Policy Research Press, 2015. 123 p

миропорядка в обществах самих западных стран. Последствия мирового финансового кризиса и наплыв мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока поставили под большое сомнение преимущества либеральной модели государственного устройства, а с ними и преимущества либерального миропорядка в целом. Слишком навязчивое продвижение проекта ТТИП / ТТП породило ответную протестную реакцию части национальных политических элит, бизнес-кругов и некоторых культурных, в том числе, религиозных сообществ в Европе и в США. Из этой протестной реакции и начало формироваться движение, приведшее через несколько лет к неожиданному для большинства представителей правящего класса правоконсервативному повороту.

Продолжение в № 4 2019 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арбатов А. Крушение миропорядка. Куда повернёт Россия // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporyadka-16918>
2. Бордачёв Т. Сила, мораль, справедливость // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 56–66.
3. Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире, и что с ней делать / Барабанов О., Бордачёв Т., Лукьянов Ф. и др. // Доклад Валдайского клуба. 2017. 22 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/>
4. Жизнь в осыпающемся мире / Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик О. и др. // Доклад Валдайского клуба. 2018. 28 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22596/>
5. Клепацкий Л. Деглобализация мировой системы // Международная жизнь. 2015. № 8. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1348>
6. Кортунов А.В. Неизбежность странного мира // РСМД. 2016. 15 июля. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/>
7. Кулик С. О принципах либерального миропорядка // РСМД. 2017. 31 мая. [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-printsipakh-liberalnogo-miroporyadka-/?sphrase_id=30125092

8. Лукьянов Ф. Подведение черты // Профиль. 2018. 15 октября. [Электронный ресурс] URL: <https://profile.ru/politics/podvedenie-cherty-127134-56513/>
9. Най-младший Дж. Уцелеет ли либеральный миропорядок? // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Utceleet-li-liberalnyi-miroporjadok-18651>
10. Новые правила или игра без правил? / под ред. Ф. Лукьянова, И. Крастева // Доклад Валдайского клуба. 2015. 32 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/10088/>
11. Окунев И.Ю. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики // РСМД. 2019. 21 марта. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/>
12. Приходько О.В., Смирнов П.Е. Меняющаяся конфигурация мирового порядка: основные тенденции и роль США // Россия и Америка в XXI веке. 2017. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://rusus.ru/?act=read&id=584>
13. Соловьёв Э. Возвращение истории – конец эры либерализма? // Международная жизнь. 2015. № 12. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1416>
14. Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов / Тезисы рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике. Руководитель авторской группы – С.А. Караганов. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2016. 24 с. [Электронный ресурс] URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/05/%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_23%D0%BC%D0%B0%D1%8F_sm.pdf
15. Уолт С. Конец гордыни // Россия в глобальной политике. 2019. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Konetc-gordyni-20086>
16. Фененко А.В. Что нужно для многополярности? // РСМД. 2018. 6 июля. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/>
17. Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 234–244.
18. Шаповалова О.І. Структурні параметри постбіполярної системи міжнародних відносин // Актуальні проблеми міжнародних відно-

син: Збірник наукових праць. Випуск 119 (Частина I). К.: 2014. С. 34–51.

19. Швеллер Р. Три здравицы в адрес внешней политики Трампа // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/number/Tri-zdravitcy-v-adres-vneshnei-politiki-Trampa-19747>

20. Allison G. The Myth of the Liberal Order: From Historical Accident to Conventional Wisdom // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97, No. 4. P. 124–133.

21. Catalyst? TTIP's impact on the Rest / M. S. Akman, S. J. Evenett, P. Low (eds.). London: Centre for Economic Policy Research Press, 2015. 123 p.

22. Deudney D., Ikenberry J. Liberal World. The Resilient Order. // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97, N. 4. P. 16–24.

23. Glaser Ch. A Flawed Framework. Why the Liberal International Order Concept Is Misguided // International Security. 2019. Vol. 43, No. 4. P. 51–87.

24. Ikenberry J. Liberal leviathan : the origins, crisis, and transformation of the American world order. Woodstock: Princeton University Press, 2011. 393 p.

25. Ikenberry J. The Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. 2015. Vol. 16, No. 3. P. 450–455.

26. Ikenberry J. The restructuring of the international system after the Cold War // The Cambridge history of the Cold War / M.P. Leffler, O.A. Westad (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 535–556.

27. Kupchan Ch. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a stable multipolarity // International Security. 1998. Vol. 23. No. 2. P. 40–79.

28. Layne Ch. This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana // International Studies Quarterly. 2012. Vol. 56, No. 1. P. 203–213.

29. Mearsheimer J. J. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. 2019. Vol. 43, No. 4. P. 7–50.

30. Porter P. A World Imagined: Nostalgia and Liberal Order [Electronic resource] // Cato Institute Policy Analysis. 2018. No. 843. URL: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa-843.pdf> (accession date 20.06.2019)

31. Serfaty S. Moving into a Post-Western World // The Washington Quarterly. 2011. Vol. 34, No. 2. P. 7–23.

32. Sørensen G. A liberal world order in crisis : choosing between imposition and restraint. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 231 p.

33. Stokes D. Trump, American hegemony and the future of the liberal international order // International Affairs. 2018. Vol. 94, No. 1. P. 133–150.

34. Zakaria F. The Post-American World: Release 2.0. New York: W. W. Norton, 2011. 336 p.

Тарасов Никита Игоревич,
аспирант Международного юридического института
Tarasov N.I.
graduate student of the International law Institute

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ОХРАНЯЕМЫХ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ ОБЪЕКТОВ (СВОД ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1832 г.)

STATE POWER IN THE SYSTEM OF OBJECTS PROTECTED BY CRIMINAL LAW (CODE of LAWS of THE Russian EMPIRE 1832)

Аннотация. Статья посвящена исследованию системы преступлений, предусмотренных Сводом законов Российской империи 1832 г., выявлению места государственной власти в иерархии охраняемых уголовным законом объектов. Установлено, что государственная власть выступала одним из приоритетных объектов уголовно-правовой охраны.

Abstract. The article is devoted to the study of the system of crimes under the laws of the Russian Empire in 1832, to identify places of state authority in the hierarchy of protected objects. It is established that the state power acted as one of priority objects of criminal-legal protection.

Ключевые слова: законодательство, Свод законов, преступление, наказание, государственная власть, порядок управления, объект преступления.

Key words: legislation, Code of laws, crime, punishment, state power, order of administration, object of crime.

Государственная власть – система отношений господства и подчинения, взаимосвязанных с управлением государством, координацией волевых действий субъектов, опирающаяся на принудительные силы государства. Одним из средств осуществления государственной власти выступает механизм государства (глава государства, органы управления, бюрократический аппарат). Государственная власть находится под защитой уголовного закона.

Позитивный опыт уголовно-правовой охраны государственной власти представлен в законодательных актах Российской империи XIX в. Уголовное право этого периода развивалось под воздействием определенных экономических, политических и общественных факторов. В стране сохранялись феодально-крепостнические отношения, существовала сильная самодержавная власть, общество поляризовалось по сословным и имущественным признакам. Россия по многим критериям отставала от буржуазных стран (Франции, Англии). После движения декабристов получают распространение революционные кружки, идеи смены власти. В таких условиях обострилась необходимость реформы права.

Эволюция права России в XIX столетии неразрывно связана с процессами систематизации и кодификации. В процессе систематизации права в начале 30-х г. г. XIX в. был создан Свод законов, в состав которого вошел Свод законов уголовных (том XV)¹.

Свод законов представлял систематизированную инкорпорацию действующих в Российской империи законов. Основными источниками систематизации уголовного права выступали Соборное уложение 1649 г.², Артикул воинский 1715 г.¹, Наказ императрицы Екатерины II 1767 г.².

¹ Арсеньева Г. В. Ответственность за государственную измену в Российской империи: теоретические разработки, правовое оформление // Гуманитарные исследования. 2012. № 3 (43). С. 197.

² Соборное уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. I. Ст. № 1.

Уголовное законодательство систематизировано в XV томе Свода законов. Впервые в истории отечественного права уголовное право рассматривалось как самостоятельная отрасль права. Юридическая техника норм Свода законов уголовных отличалась рядом особенностей: доступное, четкое и эффективное изложение, наличие вспомогательных материалов и указателей, реализация принципа, предполагающего размещение норм, раскрывающих признаки преступления перед нормами, определяющими ответственность (наказание)³.

Система преступлений структурирована в соответствии с важностью охраняемых объектов. Свод законов уголовных значительно расширил подход к понятию объекта преступления. В целях создания целостной картины целесообразно привести систему преступлений в полном объеме:

- «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» (раздел второй);
- «О преступлениях государственных» (раздел третий);
- «О преступлениях и проступках против порядка управления» (раздел четвертый);
- «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» (раздел пятый);
- «О преступлениях и проступках против повинностей государственных и земских» (раздел шестой);
- «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» (раздел седьмой);
- «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» (раздел восьмой);
- «О преступлениях и проступках против законов о состоянии» (раздел девятый);
- «О преступлениях против жизни, здоровья и чести частных лиц» (раздел десятый);

¹ Артикул воинский 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 10. Ст. 7226.

² Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Второй данный комиссии по составлению проекта нового Уложения. СПб., 1893.

³ Кривулько П.М., Якорева Н.А. Развитие уголовного права в Своде законов Российской империи (1832 года) // Эволюция российского права. Материалы XVII Международной научной конференции ученых и студентов. Уральский государственный университет. 2019. С. 70.

- «О преступлениях против прав семейственных» (раздел одиннадцатый);
- «О преступлениях и проступках против имущества частных лиц» (раздел двенадцатый).

Система преступлений традиционна для российского законодательства, однако впервые она получила завершенность, охватила важнейшие сферы общественных отношений.

Ответственность за преступные деяния, объектом которых выступала государственная власть, рассредоточена в разных разделах. Большинство норм, устанавливающих ответственность за преступления против государственной власти, сосредоточилось в разделах, регламентирующих наказания за преступления против государства, порядка управления, государственной службы.

Государство, порядок управления и государственная служба в иерархии охраняемых объектов расположены сразу после веры и религии, что свидетельствует о значении, придаваемом законодателем уголовно-правовой охране государственной власти. Подобный подход законодателя к охране государственной власти прослеживается и в законодательстве зарубежных стран начала-середины XIX века. Например, Особенная часть Уголовного кодекса Франции 1810 г. начинается с положений о преступлениях против безопасности государства (глава I раздела первого), преступлениях против императорской конституции (глава II раздела первого). Буржуазное французское право поставило государственную власть, интересы государства выше других объектов. Российский законодатель вплоть до начала XX сохранил веру и религию в качестве приоритетного объекта охраны, что обуславливается сохранением абсолютной монархии и феодальных общественных ценностей (дефиниция «ценность» предполагает приоритетные аспекты социальной реальности, формирующей целостную картину состояния общества)¹.

Свод законов уголовных представил развитую систему норм, направленных на охрану государственной власти. К наиболее соответствующим цели охраны государственной власти видам преступлений можно отнести:

¹ Жильцов Н.А., Чердаков О.И. Конституционно-правовые аспекты обеспечения устойчивости российского общества // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 47.

- преступления, объектом которых выступали император и члены его семьи;
- преступления, отнесенные к государственной измене и бунту против власти верховной;
- преступления, связанные с неповиновением властям, сопротивлением правительству;
- преступления, связанные с оскорблением государственных чиновников, неуважением к присутственным местам;
- преступления, направленные на самовольное присвоение власти, подделку указов, предписаний и других документов, исходящих от правительства;
- преступления, направленные на похищение документов из присутственных мест, уничтожение печатей, уничтожение поставленных правительством законов;
- преступления, связанные со взломом тюрем, побегом заключенных из под стражи;
- преступления, направленные на организацию и функционирование преступных сообществ;
- преступления, связанные с выборами Государственной думы и Государственного Совета и их работой;
- преступления, связанные с невыполнением указов, предписаний и законных по службе требований;
- преступления, направленные на превышение власти;
- преступления, направленные на служебный подлог;
- преступления против суда и т.д.

Наказания, предусмотренные за преступления, объектом которых выступает государственная власть, отличаются суровостью. За совершение перечисленных видов преступления законодатель предписывал такие наказания, как лишение всех прав состояния и смертная казнь (например, ст. ст. 241, 249), лишение всех прав состояния и ссылка на каторжные работы различных сроков или без срока (например, ст. ст. 250, 263), лишение всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдача в исправительные арестантские отделения (например, ст. ст. 260, 266), заключение в тюрьму на различные сроки (например, ст. ст. 271, 280) и т.д. Широкое применение смертной казни за совершение преступлений, объектом которых выступала государственная власть, не стало особенностью российского

права, смертная казнь за подобные преступления предусматривалась во всех европейских уголовных кодификациях¹.

Таким образом, Свод законов Российской империи отнес государственную власть к числу приоритетных объектов уголовно-правовой охраны. Внимание законодателя к установлению ответственности за преступления против государственной власти обуславливалось необходимостью защиты абсолютизма, укрепления международных позиций России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соборное уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. I. Ст. № 1.
2. Артикул воинский 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 10. Ст. 7226.
3. Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Второй данной комиссии по составлению проекта нового Уложения. СПб., 1893.
4. Свод законов Российской империи. Том пятнадцатый. Законы уголовные 1832 г. СПб., 1857.
5. Уголовный кодекс Франции 1810 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран Т. 2. Современное государство и право. М., 2003.
6. Арсеньева Г.В. Ответственность за государственную измену в Российской империи: теоретические разработки, правовое оформление // Гуманитарные исследования. 2012. № 3 (43). С. 196-201.
7. Жильцов Н.А., Чердаков О.И. Конституционно-правовые аспекты обеспечения устойчивости российского общества // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 47-51.
8. Кривулько П.М., Якорева Н.А. Развитие уголовного права в Своде законов Российской империи (1832 года) // Эволюция российского права. Материалы XVII Международной научной конференции ученых и студентов. Уральский государственный университет. 2019. С. 70-72.
9. Харитоновна А.Н. Смертная казнь в российском законодательстве периода становления и развития абсолютизма // Гуманитарные исследования. 2013. № 2 (46). С. 145-149.

¹ Харитоновна А.Н. Смертная казнь в российском законодательстве периода становления и развития абсолютизма // Гуманитарные исследования. 2013. № 2 (46). С. 149.

Пчелкина Елена Витальевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Астраханского филиала
Международного юридического института
Pchelkina E. V.
PhD in law,
associate Professor of criminal law disciplines
Astrakhan branch International law Institute

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

ABOUT SOME ASPECTS OF FORCED CRIMES AGAINST PERSONALITY

Аннотация. В статье проводится концептуальный анализ насильственной преступности против личности в современной России, раскрывается сущность понятий, анализируются условия формирования преступного поведения лиц, совершающих такие преступления.

Abstract. The article analyzes the conceptual aspects of violent crime against the person in modern Russia, reveals the essence of concepts, analyzes the formation of criminal behavior of persons committing such crimes.

Ключевые слова: насильственная преступность, личность, преступление.

Key words: violent crime, personality, crime.

Безопасность в широком смысле – одна из необходимых составляющих человеческой жизнедеятельности¹. Именно поэтому термин «насильственная преступность» широко применяется в науке крими-

¹ Черняков С. А. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению мошенничеств с использованием банковских гарантий // Российский следователь. 2017 № 7. С. 38-43.

нологии как российскими, так и зарубежными учеными ввиду того, что данный вид преступности является самым опасным, ведь насильственные преступления посягают на самое ценное, что есть у каждого человека – на жизнь и здоровье, превосходя по степени опасности и тяжести последствий другие виды преступлений¹.

В самом широком смысле к насильственным преступлениям относятся все преступления, при совершении которых применяется физическое или психическое насилие. Физическое воздействие предполагает воздействие на другое лицо с помощью физической силы вопреки его воле, ограничивающее или исключаящее его свободу волеизъявления. Объектами физического воздействия выступают жизнь, здоровье потерпевшего². Физическое воздействие на жертв преступления применяется более часто, поэтому доктрина физического воздействия на жертву достаточно изучена в уголовном праве и смежных науках. С категорией психического насилия дело обстоит хуже: работ, посвященных теме психического насилия на сегодняшний день явно недостаточно.

Возникновение данных двух подходов связано с тем, что в действующем УК РФ отсутствует определение термина «насилие», что позволяет ученым трактовать его по своему усмотрению. Более правильным, на наш взгляд, является широкий подход к насильственным преступлениям и насильственной преступности. При этом под психическим насилием необходимо понимать не только угрозы, но и другие действия, такие как шантаж, клевета, принуждение, ограничение свободы и т.п., которые могут вызвать психические травмы³. При этом в момент совершения большинства уголовных преступлений обычно присутствует сочетание в той или иной пропорции физического и психического насилия.

¹ Аносов А. В., Старков В. И., Титушкина Е. Ю., Трунцевский Ю. В., Черняков С. А. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (термины, определения): Учеб. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2016. 92 с.

² Пестерева Ю. С., Чекмезова Ю. И. К вопросу о понятии «насиленная преступность» // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 63-65.

³ Права человека при отправлении правосудия: резолюция 44/162. 82-е пленарное заседание. 15 декабря 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://daccess-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/554/03/IMG/NR055403.pdf>.

Мотив и цель играют значительную роль при выделении насильственных преступлений. Указанные два элемента входят в субъективную сторону преступления и служат для объяснения причин преступления. Мотив и цель – понятия тесно связанные, но не тождественные¹. Под мотивом преступления принято понимать побуждение, которое подвигло лицо к выбору того или иного варианта поведения, к совершению преступления. Побуждениями же к совершению преступления могут быть как потребности, так и интересы и склонности². Мотив определяет поведение человека не сам по себе, а лишь в связи с целью. Мотив отвечает на вопрос, почему человек совершает то или иное действие, а цель определяет, к чему человек стремится при совершении преступления. Соответственно, исходя из тех целей, которые ставит перед собой преступник, роль насилия в преступлениях может быть разной.

Классическим примером того, когда насилие является не целью, а сопутствующим элементом совершения преступления, являются грабеж и разбой. В данном случае целью преступления будет завладение имуществом, а насилие будет применяться лицом лишь в качестве способа достижения результата. Именно цель преступления в данном случае позволяет ученым разделять преступления на насильственные и корыстно-насильственные.

Ядро насильственных преступлений составляют те преступления, в которых объектом посягательства будет личность. Наиболее устойчивую и значительную часть среди них составляют убийства, умышленные причинения вреда здоровью. В корыстно-насильственных преступлениях объектом посягательства будет являться имущество. Но, исходя из того, что личности при совершении таких преступлений наносится вред, они также часто включаются учеными в группу насильственных преступлений.

По сути, широкий подход к понятию «насильственные преступления» является более правильным. Однако он существенно затрудняет анализ насильственной преступности. Так, при анализе преступности

¹ Черняков С. А. Предупреждение мошенничества в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 24 с.

² Артемьев Н.С. Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. 2018.Т. 26. № 1. С. 22-28.

Главный информационно-аналитический центр МВД России не выделяет отдельно насильственные преступления. Это является закономерным, поскольку большинство преступлений, имеющих различные объекты посягательства, могут быть сопряжены с насилием. Например, в преступлениях против собственности – это грабеж и разбой. В преступлениях против общественной безопасности ими могут стать террористический акт, захват заложника, организация вооруженного преступного формирования и т.д. При этом насилие над личностью, будь оно психическим или физическим, относится к наиболее страшным преступным воздействиям, поскольку посягает на главное право каждого – на жизнь и здоровье¹.

К насильственным преступлениям против жизни и здоровья относится большинство составов главы 16 УК РФ². Их можно разделить на те, в результате совершения которых происходит лишение человека жизни – убийства, доведение до самоубийства; и на те, при совершении которых вред причиняется здоровью человека (побои, истязания, причинение вреда здоровью и т.д.). Наиболее тяжкими преступлениями являются убийства. По официальной статистике, представленной на сайте МВД России, в 2015 году в России было зарегистрировано 11 496 убийств и покушений на убийство; в 2016 году - 10 444; в 2017 году - 9738, в 2018 году - 8574. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что в России в последние годы наблюдается небольшая, но устойчивая тенденция к уменьшению числа убийств. Если сравнивать со статистическими данными, начиная с начала века (с 2000 года), то в 2000 году было зарегистрировано 31829 убийств, в 2001- 33583, в 2002 – 32285, в 2003 – 31630³.

Если обратиться к истории России, то следует отметить, что уровень убийств в ней всегда был довольно высоким. Так, в 1913 году в России было совершено 34,4 тысячи убийств, сразу после 1917 года данный показатель значительно вырос. А в 70-80-е г. г. XX века снизился и составлял порядка 10 000 убийств в год.

¹ Лесниченко И. П. Уголовная ответственность за насильственные преступления, совершаемые женщинами // Наука и современность. 2010. № 3. С. 262-265.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. 3 25. Ст. 2954.

³ Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс] – URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/12167987/>

То есть число убийств растет в кризисные годы, переломные для страны и снижается в благополучные периоды. При оценке статистической информации о совершенных убийствах следует учитывать, что часть из таких преступлений не выявляется, относится к латентной части преступности. Каждая пропажа людей является потенциальным убийством. При этом в России ежедневно пропадает порядка 100 человек, что составляет более 35 тысяч в год. Значительная часть из них является жертвами преступлений. При этом остро также стоит проблема опознания найденных трупов и установления по ним причин смерти. Ежегодно хоронят тысячи неопознанных трупов, а убийцы при этом уходят от ответственности. То есть латентная преступность в данной сфере весьма высока. Так, А.А. Корсантия считает, что латентность убийств в современной России может составлять до 30,0%¹.

Большинство убийств совершается на бытовой почве социально неблагополучными слоями населения (алкоголиками, наркоманами). Отдельную нишу занимают убийства в семье. Они могут быть вызваны личными неприязненными отношениями, конфликтами на почве пьянства, половой распущенностью, материальной нуждой и т.д. Однако криминологи отмечают возрастание числа «заказных», «респектабельных» убийств. В таких случаях устранение личности может иметь как личные мотивы, так и иные, не связанные напрямую с ней, например, желание завладеть чьим-то бизнесом. Довольно много убийств связано с так называемой профессиональной преступностью. Так, А.И. Долгова приводит следующий пример. При расследовании преступлений «ореховской» группировки было установлено, что ее руководитель отдал приказ об убийстве лидера «ассирийской» группировки, а затем «коптевской» группировки для укрепления своего криминального влияния.

Серийные убийцы являются наиболее опасными, поскольку, по мнению ученых, их наиболее трудно обнаружить, так как они довольно легко меняют маски и могут производить впечатление совершенно здоровых, милых, общительных людей².

¹ Корсантия А. А. Латентность убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1. С. 73-75.

² Меднов М. Р. Криминологическая характеристика серийных убийств, проблемы и перспективы развития // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12. С. 40-43.

Как происходит формирование личности серийного преступника, еще до конца не изучено. Если примерно половина из них воспитывалась в неблагополучных семьях с большим количеством домашнего насилия, что оказало сильное негативное воздействие на детскую психику и послужило толчком к формированию садистских наклонностей, то вторая половина воспитывалась в нормальных, благополучных семьях. Формирование их наклонностей имеет генетический характер.

В группе наиболее опасных преступлений против личности традиционным лидером является причинение тяжкого вреда здоровью. С 2015 года по данному виду преступлений следующая статистика: в 2015 году было зарегистрировано – 30 167 фактов причинения умышленного тяжкого вреда здоровью; в 2016 – 27442, в 2017 – 24552, в 2018 – 23224. Если обратиться к данным начала века, то в 2000 году было зарегистрировано 49 669 случаев умышленного тяжкого причинения вреда здоровью, в 2001 году – 55 739 случаев; в 2002 – 58 469; в 2003 – 57 087. Таким образом, по данному виду преступлений мы также можем наблюдать картину постепенного снижения их числа.

К насильственным преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности относятся насильственные действия сексуального характера – изнасилование, понуждение к действиям сексуального характера. Суммарно в общем массиве преступлений они ежегодно занимают примерно 2-3%. Если обратиться к статистике по годам, то в 2015 году было зарегистрировано 3936 такого рода преступлений; в 2016 – 3893, в 2017 – 3538, в 2018 – 3374. Если обратиться к данным начала века, то в 2000 году было зарегистрировано 7901 таких преступлений; в 2001 – 8196; в 2002 – 8117; в 2003 – 8085¹. По статистическим данным число насильственных преступлений против половой неприкосновенности снижается. Однако здесь следует отметить, что данный вид преступлений относится к одному из наиболее латентных, в то время как данные статистики отражают только выявленные и зарегистрированные преступления.

А.И. Долгова указывает на то, что внутренняя структура данных преступлений значительно меняется. Если в конце прошлого века среди таких преступлений преобладали изнасилования, то в настоящее

¹ Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс] – URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/12167987/>

время их удельный вес снизился почти в два раза. При этом почти в два раза возросло совершение насильственных действий сексуального характера. Наблюдается уменьшение применения прямого физического насилия при совершении таких преступлений и замена его на психологическое давление на жертву путем угроз и оскорблений, а также доведение жертвы до беспомощного состояния (например, путем подмешивания в питье психотропных веществ). Также традиционно высокой латентностью отличается насилие в семье. Высокой латентности подобного рода преступлений служит то, что пострадавшие от насильственных преступлений в семье стараются не выносить «сор из избы». Традиционно главным насильником в семье являются мужчины. Однако ученые отмечают возрастание насильственных преступлений в семье, совершенных женщинами¹.

Большинство преступлений, совершаемых женщинами, является ответом на агрессивные и унижающие действия мужей-тиранов. Значительные трудности на практике вызывает также выявление и доказывание психического насилия. Так, в УК РФ содержится ст. 110 «Доведение до самоубийства»: при привлечении лица к ответственности по данной статье необходимо доказать наличие психического насилия². В судебной практике привлечение к уголовной ответственности по данному составу является единичными случаями. Одним из примеров доведения до самоубийства путем психического насилия является получивший широкий резонанс случай, когда мать-одиночка выбросилась из окна с собственным ребенком. Причиной такого поступка стали действия коллекторов, которые постоянно угрожали ей, оскорбляли ее. В основу доказательств по делу легли СМС-сообщения преступников, надписи, сделанные ими в подъезде потерпевшей. Коллекторы осуждены на 5 и 7 лет колонии общего режима.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод, что точно проанализировать количество насильственных преступлений не представляется возможным, поскольку любое преступление, подпа-

¹ Пчелкина Е. В., Орешникова О. М. Семья в современном обществе: криминологический аспект // В сборнике: Юридическая наука: история, современность, перспективы Сборник материалов VII международной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. 2016. С. 218-222.

² Танасейчук Я. В. К вопросу квалификации доведения до самоубийства // Новый юридический вестник. 2017. № 2. С. 53-57.

дающее под любую статью УК РФ, если оно было совершено с применением мер психического или физического принуждения, можно рассматривать в качестве насильственного преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аносов А. В., Старков В. И., Титушкина Е. Ю., Трунцевский Ю. В., Черняков С. А. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (термины, определения): Учеб. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2016. 92 с.
2. Артемьев Н.С. Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. 2018.Т. 26. № 1. С. 22-28.
3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) // Советская юстиция. 1992. № 9-10.
4. Корсантия А. А. Латентность убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1. С. 73-75.
5. Лесниченко И. П. Уголовная ответственность за насильственные преступления, совершаемые женщинами // Наука и современность. 2010. № 3. С. 262-265.
6. Меднов М. Р. Криминологическая характеристика серийных убийств, проблемы и перспективы развития // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12. С. 40-43.
7. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. 01.04.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
8. Пестерева Ю. С., Чекмезова Ю. И. К вопросу о понятии «насильственная преступность» // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 63-65.
9. Права человека при отправлении правосудия: резолюция 44/162. 82-е пленарное заседание. 15 декабря 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://daccess-dds-nu.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/554/03/IMG/NR055403.pdf>.
10. Пчелкина Е. В., Орешникова О. М. Семья в современном обществе: криминологический аспект // В сборнике: Юридическая наука: история, современность, перспективы Сборник материалов VII

международной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. 2016. С. 218-222.

11. Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс] – URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/12167987/>

12. Танасейчук Я. В. К вопросу квалификации доведения до самоубийства // Новый юридический вестник. 2017. № 2. С. 53-57.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. 3 25. Ст. 2954.

14. Черняков С. А. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению мошенничеств с использованием банковских гарантий // Российский следователь. 2017 № 7. С. 38-43.

15. Черняков С. А. Предупреждение мошенничества в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. .24 с.

Шеншин Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук,

заместитель начальника кафедры

конституционного и административного права

факультета (командного)

Санкт-Петербургского военного института

войск национальной гвардии Российской Федерации

Shenshin V. M.

PhD in law, Deputy head of the Department

constitutional and administrative law faculty (command)

St. Petersburg military Institute

national guard troops Russian Federation

РЕШЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

**DECISIONS OF THE SUPREME COURT OF THE
RUSSIAN FEDERATION ON CAUSING HARM
ENVIRONMENT**

Аннотация. Деятельность законодателя по определению уголовно-правового вреда, причиняемого окружающей среде, к какому-либо определенному результату не приводит. Указанное обстоятельство обусловлено проблемами, имеющимися в правоприменительной практике. В представленной статье автором рассматриваются позиции Верховного Суда Российской Федерации в исследуемой сфере.

Annotation. Activity of the legislator on definition of the criminal-legal harm caused to environment, to any certain result does not lead. This circumstance is caused by problems in law enforcement practice. In the article the author considers the positions of the Supreme Court of the Russian Federation in the studied area.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, вред, охрана окружающей среды, ущерб, экологическое преступление.

Key words: Supreme Court of the Russian Federation, harm, environmental protection, damage, environmental crime.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации содержит положения, в соответствии с которыми к причинам плачевного состояния экологической безопасности в России относятся неэффективное и хищническое природопользование¹. Многосторонние общественные отношения как обличенные в правовую оболочку, так и не вошедшие в данную категорию оказывают воздействие на окружающую среду и ее компоненты. Драйвером такого влияния выступают правонарушения, затрагивающие виды природных ресурсов – землю, воду, лес, недра, атмосферный воздух, животный мир.

Автором уже высказывалась позиция о значении вреда как явления собирательного, обладающего сложным комплексным межотраслевым характером, включающего в себя экологическую и экономическую сторону, о структуре вреда, которую составляют: экологический вред, физический вред здоровью, материальный ущерб и моральный вред². Одним из органов, оказывающих воздействие на развитие уголовно-правовых и иных общественных отношений, складывающихся в сфере охраны окружающей среды и предупреждения экологических пре-

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212. Пункт 84.

² Шеншин В.М. Уголовно-правовое значение вреда, причиненного окружающей среде: противоречивость подходов, пути решения проблемы // Российский следователь. 2019. № 9.

ступлений, является Верховный Суд Российской Федерации, выступающий высшей судебной инстанцией в исследуемой сфере.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 указано, что под вредом, причиненным в результате совершения преступлений, предусмотренных статьями главы 26 УК РФ, понимается вред любой степени тяжести, причиненный нескольким лицам. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 предписывает судам общей юрисдикции указывать в своих решениях на обязанность лица, причинившего вред окружающей среде, возмещать вред в полном объеме, приостанавливать, ограничивать или прекращать деятельность, создающую угрозу причинения вреда в будущем. Так, Пленум Верховного Суда РФ указал: «Непривлечение лица к уголовной ответственности не исключает возможности возложения на него обязанности по возмещению вреда окружающей среде. Равным образом, привлечение лица к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности не является основанием для освобождения лица от обязанности устранить допущенное нарушение и возместить причиненный им вред»¹.

Согласимся с указанной интерпретацией, поскольку в основу представленного подхода положен принцип возмещения вреда как при привлечении к различным видам ответственности, так и вне рамок привлечения к уголовной ответственности. Вместе с тем возникает вопрос, каким образом правонарушитель должен устранить допущенное нарушение и как он должен возместить причиненный окружающей среде вред?

Например, глагол «устранить» имеет аналогичное словам «отстранить», «уволить» значение, именно через названные глаголы дается его толкование². Автор полагает, что устранить на практике экологическое преступление невозможно, поскольку, во-первых, отсутствует как таковой предмет преступления: он или утратил свои способности к воспроизводству тех функций, которыми он обладал (например, гибель животных, вылов водных биоресурсов, вырубка лесных насаждений). Во-вторых, в ряде случаев установление степени вреда крайне

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Рос.газ. 2017. № 280.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 730.

затруднительно и требует значительных материальных затрат (загрязнение атмосферного воздуха, почв, поверхностных и подземных вод). Как видим, сложность состоит в установлении именно вреда.

Конституционный Суд РФ в определении от 21 декабря 2011 г. № 1743-О-О указал на исключительное свойство окружающей среды по самостоятельному устранению негативных последствий, вызванных антропогенным воздействием, в связи с чем установить точный расчет причиненного ущерба не представляется возможным. Таким образом, становится актуальным законодательное установление относительно возмещения вреда, причиненного окружающей среде различными субъектами на основе утвержденных такс и методик. При отсутствии таковых в расчет должны приниматься фактические затраты, связанные с восстановлением окружающей среды, а также понесенные убытки и упущенная выгода.

В апелляционном определении от 3 июля 2018 г. № АПЛ18-231 Верховный Суд РФ указал, что в силу пункта 1 статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» лица, причинившие вред окружающей среде в результате противоправных действий, несут обязанность по возмещению его в полном объеме в соответствии с законодательством.

В статье 58 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ указывается на особенности возмещения вреда, причиненного охотничьим ресурсам: либо это добровольный порядок, либо судебный. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 разъяснено, что при рассмотрении споров судам следует учитывать принципы охраны окружающей среды, в том числе, и возмещение вреда окружающей среде. Автором высказывалось утверждение, в соответствии с которым уголовно-правовая политика направлена на то, что наказание в виде лишения свободы лицу, совершившему преступление по статье 260 УК РФ, например, создаст меньший эффект, чем привлечение лица к штрафу, от которого экономический эффект будет большим¹.

¹ Шеншин В.М. Криминализация и пенализация экологических преступлений, как методы реализации уголовно-экологической политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. № 3 (75). С. 98-102.

В связи со сказанным считаем необходимым ввести в уголовно-правовой оборот новый институт – «реституция» и более активно его использовать при рассмотрении дел об экологических преступлениях¹.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 также не дает ответ на понимание сущности вреда. Указанным постановлением судам предписывается устанавливать как факт причинения вреда, так и его последствия. Указанное обстоятельство будет способствовать необходимости пересмотра теоретических положений относительно вреда, причиненного окружающей среде.

Таким образом, отсутствие четкой причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями часто приводит к обоснованным отказам от принятия судебного решения о привлечении виновного к уголовной ответственности, что, несомненно, является отрицательным фактором по реализации механизма возмещения уголовно-правового вреда.

Некоторыми учеными высказывается мнение по поводу сложностей, возникающих в сфере определения пострадавших и масштабов произошедшего, а также экономического ущерба². Заслуживает внимания также позиция, в соответствии с которой положительной основой отграничения преступного от неприступного посягательства на окружающую среду может выступить денежный критерий – размер причиненного экологическим деянием вреда, поскольку, как полагает ученое сообщество, «материальность последствий, выражающихся как имущественный ущерб, целесообразно измерять в стоимостных единицах»³.

Неопределенность законодательного регулирования в интерпретации «крупного ущерба» сказывается и на судебной практике⁴, что ха-

¹ Шеншин В.М. Особенности установления штрафа за экологические преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. № 1 (77). С. 120-122.

² Дубовик О.Л., Иванова А.Л., Калиниченко В.Т., Редникова Т.В., Рерихт А.А. Проблематика борьбы с экологической преступностью в научных исследованиях и судебной практике // Экологическое право. 2008. № 1. С. 25-34.

³ Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Казаченко, З.А. Незнамова. М.: Изд-во «НОРМА-ИНФРА-М». 1998. С. 154-155.

⁴ Справка Сахалинского областного суда «О результатах обобщения судебной практики рассмотрения в 2009 году уголовных дел по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных статьями 253 и 256 УК РФ»// URL:http://oblsud.sah.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=117&cl=1

рактируется противоречивостью и неоднозначностью подходов. Так, в примечании к статье 256 УК РФ под крупным ущербом признается «ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам, превышающий сто тысяч рублей, особо крупным – двести пятьдесят тысяч рублей».

Примечание к статье 260 УК РФ содержит ссылку на значительный размер ущерба, причиненного лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий пять тысяч рублей, крупный размер – превышающий пятьдесят тысяч рублей, особо крупный размер – превышающий сто пятьдесят тысяч рублей. Примечание к статье 261 УК РФ под крупным ущербом предписывает признавать ущерб при условии, если стоимость уничтоженных или поврежденных лесных и иных насаждений, исчисленная по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышает пятьдесят тысяч рублей.

Таким образом, уголовно-экологическая политика России¹ находит свое отражение в практике Верховного Суда РФ, в решениях которого кроется здравый смысл по разрешению проблемы, направленной на охрану окружающей среды в целом, а также на обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования, в частности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дубовик О.Л., Иванова А.Л., Калининченко В.Т., Редникова Т.В., Рерихт А.А. Проблематика борьбы с экологической преступностью в научных исследованиях и судебной практике // Экологическое право. 2008. № 1.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.

¹ Шеншин В.М. К понятию уголовно-экологической политики России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. С. 157-164; Шеншин В.М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. № 2 (74). С. 117-122.

3. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Казаченко, З.А. Незнамова. М.: Изд-во «НОРМА-ИНФРА-М». 1998.
4. Шеншин В.М. Криминализация и пенализация экологических преступлений, как методы реализации уголовно-экологической политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. № 3 (75).
5. Шеншин В.М. Особенности установления штрафа за экологические преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. № 1 (77).
6. Шеншин В.М. Уголовно-правовое значение вреда, причиненного окружающей среде: противоречивость подходов, пути решения проблемы // Российский следователь. 2019. № 9.
7. Шеншин В.М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. № 2 (74).

Афанасьева Мария Павловна,
аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
Астраханского государственного университета

Afanasieva M. P.
postgraduate student of the Department
of state and legal disciplines
Astrakhan state University

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ РАВНОГО ДОСТУПА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

ADMINISTRATIVE FORMS OF PROTECTION OF EQUAL ACCESS TO STATE AND MUNICIPAL SERVICE

Аннотация. Предмет настоящего исследования связан с административной формой правозащитной деятельности, направленной на реализацию конституционного права граждан на равный доступ к публичной службе. Автор сравнивает эту форму с судебной правозащитной деятельностью, выявляет их сравнительные достоинства и недостатки. Требования, предъявляемые к служащим, должны соответствовать законодательным ограничениям равнодоступности службы, но не обязательно дублировать их. Определение требований – функция исполнительной власти, что не может исчерпывающим образом регулироваться законом. С другой стороны, каждое министерство, агентство или служба не должны наделяться полномочием самостоятельного установления требований к своим служащим. Иное, как показывает судебная практика, приводит к нарушению конституционного принципа равнодоступности однотипных видов службы.

Abstract. The subject of this study is related to the administrative form of advocacy aimed at realizing the constitutional right of citizens to equal access to public service. The author compares this form with judicial human rights activities, reveals their comparative advantages and disadvantages. Requirements for employees must comply with the legislative restrictions on the equal accessibility of the service, but it is not necessary to duplicate them. Definition of requirements is a function of the executive branch, which cannot be fully regulated by law. On the other hand, each

ministry, agency or service should not be empowered to independently establish requirements for its employees. Other, as judicial practice shows, leads to a violation of the constitutional principle of equal access to the same types of services.

Ключевые слова: публичная служба, доступность, требования, правозащитная деятельность, доступ к правосудию, администрация.

Key words: public service, accessibility, requirements, human rights activities, access to justice, administration.

Конституционное право на равнодоступность службы реализуется не только в законодательстве. Важное значение в этом процессе имеет исполнение законов, что относится к компетенции органов исполнительной власти общей и специальной компетенции¹. Исполнительно-распорядительные органы, с одной стороны, осуществляют развивающее правовое регулирование, конкретизируя положения законодательства о публичной службе, с другой – выступают в роли работодателя для публичных служащих, тем самым непосредственно гарантируя либо, напротив, ограничивая равнодоступность службы. Основными формами защиты нарушенного права на равный доступ к службе в административной деятельности выступают *жалобы* и *доклады*². Этим предопределяется специфическая роль выборных должностных лиц, высших исполнительных органов, министерств, агентств и служб в реализации конституционного требования о равном доступе к государственной и муниципальной службе. Причем, в зависимости от уровня публичной власти роли соответствующих субъектов конституционных правоотношений несколько меняются с распределением или перераспределением баланса полномочий в пользу той или иной стороны.

Право на равный доступ к государственной службе обеспечивается не только в деятельности главы государства. Важную роль в этом

¹ Стариков Ю.Н. Создание эффективной правовой защиты прав и свобод человека и гражданина как основная цель модернизации российского административного права // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2013. № 1 (24). С. 3-22.

² Это не исключает эффективного применения других форм – см., например, Горобцова С.Е. Административное приостановление деятельности как средство повышения эффективности реализации и защиты прав человека // Человек, его права и свободы – высшая ценность. Сборник научных трудов. Вып. 12. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. С. 47.

процессе на федеральном уровне играет Правительство РФ, а также органы исполнительной власти специальной компетенции. Примечательно, что Правительство РФ в современной России осуществляет важную нормоустанавливающую функцию. Его Постановления (в том числе, об организации публичной службы) весьма многочисленны. Они дополняют законодательный материал конкретизирующими нормами¹, что должно, на наш взгляд, всемерно приветствоваться. Будучи представительным органом, парламент не может и не должен стремиться к полному и исчерпывающему правовому регулированию общественных отношений. Подобная задача невыполнима. Кроме того, этот подход приводил бы к излишней концентрации нормоустанавливающей власти в рамках компетенции народного представительства. Законы должны охватывать наиболее важные общественные отношения. Детальное регулирование предметов ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения с субъектами РФ, по нашему мнению, подлежит осуществлению в деятельности коллегиального органа исполнительной власти².

Однако органы исполнительной власти осуществляют свою деятельность под регулятивным воздействием не только законов, но и Конституции РФ, нормы которой опосредуются через правоприменительную практику Конституционного Суда РФ. Высший орган конституционного контроля вправе не только официально толковать Конституцию РФ и признавать оспариваемые нормативные правовые акты противоречащими Основному закону страны. Нередко он использует следующий юридико-технический прием: оспариваемый акт признается конституционным, но в особом истолковании (чаще всего благоприятном для заявителя). Юридически это означает, что толкуемый закон или подзаконный нормативный правовой акт до принятия Конституционным Судом РФ соответствующего постановления интерпретировался ложно, ошибочно и неверно. Принятые акты правоприменения должны пересматриваться по вновь открывшимся

¹ Протасова Н.В. Судебный контроль за соответствием нормативных правовых актов Правительства РФ федеральному законодательству // Право: теория и практика. 2009. № 9-10. С. 57-59.

² Бредихин А.Л., Кириенко Г.С. К вопросу о соотношении нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 16-20.

обстоятельствам. Акту толкования фактически придается обратная сила.

В связи с этим примечателен следующий пример. В 2017 г. в Конституционном Суде РФ слушалось дело о проверке конституционности законодательства о службе в органах внутренних дел¹. Основанием к рассмотрению этого дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о конституционности ограничений права на доступ к службе в органах внутренних дел в отношении лиц, которые ранее проходили службу в органах противодействия обороту наркотиков. Правовая позиция заявителей базировалась на таких важных обстоятельствах, как равенство требований к службе в органах внутренних дел и в органах противодействия обороту наркотиков, из чего следовало, что в случае реорганизации служащие присоединяемого ведомства должны «автоматически» продолжать службу в ведомстве, к которому упраздненная структура была присоединена.

Правоприменительная практика, однако, предпочла иной путь. С течением времени требования, предъявляемые к служащим органов внутренних дел, оказались более жесткими по сравнению с требованиями, которые предъявлялись к служащим органов противодействия обороту наркотиков. Несмотря на тот факт, что противодействие наркообороту до создания специализированной службы было частью функций Министерства внутренних дел, а затем снова вернулось в то же ведомство, Конституционный Суд РФ не усмотрел нарушения Конституции РФ в такой правоприменительной практике, при которой бывшим служащим наркоконтроля отказывали в дальнейшем прохождении службы в органах внутренних дел. Вследствие этого решением

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2017 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 5, 10 и 11 статьи 33 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции», статей 17, 19 и 20 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также подпункта «б» пункта 4 Указа Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» в связи с запросом Верховного Суда Республики Дагестан и жалобой гражданина С.Ю. Базаленко» // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7529.

кадровых органов министерства внутренних дел не нужно было придавать обратную силу.

Решение Конституционного Суда РФ могло быть иным. Общий смысл гражданского и трудового законодательства опирается на позицию, согласно которой реорганизация юридических лиц не должна оказывать влияния на трудовые правоотношения. Организация, с которой гражданин состоит в трудовых правоотношениях, может менять названия, организационно-правовые формы, присоединяться к другим юридическим лицам или выделяться из них, но это не должно служить основанием для увольнения всего персонала и его повторного найма, по крайней мере, по общему правилу¹. В сущности, той же логики придерживался Конституционный Суд РФ, признавая лишь допустимость дифференцированных требований к служащим в органах внутренних дел и в органах противодействия обороту наркотиков (до их присоединения к министерству внутренних дел). При единстве требований реорганизация не должна была бы повлечь за собой увольнение со службы и новое поступление на службу. Очевидно, что именно дифференциация требований к служащим двух различных исполнительных органов специальной компетенции федерального уровня в данном случае послужила основанием для ограничения права граждан на равный доступ к государственной службе.

Чтобы этого не происходило, на наш взгляд, требуется вмешательство Правительства РФ как высшего исполнительного органа общей компетенции, наделенного регулятивной властью. Требования, предъявляемые к служащим, должны соответствовать законодательным ограничениям равнодоступности службы, но не обязательно дублировать их. Определение требований – функция исполнительной власти, что не может исчерпывающим образом регулироваться законом. С другой стороны, каждое министерство, агентство или служба не должны наделяться полномочием самостоятельного установления требований к своим служащим. Иное, как показывает вышеприведенная судебная практика, приводит к нарушению конституционного принципа равнодоступности однотипных видов службы. Если бы требования к служащим устанавливались Правительством РФ, то они бы-

¹ Утка В. Реорганизация коммерческих предприятий: вопросы трудовых отношений // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 52. Ершова Е.А. Трудовые правоотношения гражданских служащих при реорганизации или ликвидации государственного органа // Российское правосудие. 2006. № 1. С. 80-93.

ли бы едиными. В случае, когда каждый исполнительный орган специальной компетенции наделен соответствующим дискреционным полномочием, создаются условия для необоснованных ограничений права граждан на равный доступ к публичной службе.

Аналогичные проблемы в целом характерны для уровней субъектов РФ и муниципальных образований. Муниципальная служба, в отличие от государственной гражданской службы, является методологически более близкой трудовой деятельности вплоть до весьма незначительных отличий¹. Этому способствует, с одной стороны, конституционно гарантированная самостоятельность населения по решению вопросов местного значения в рамках муниципальных образований как самоуправляющихся единиц, с другой – локально-общинный характер публичного самоуправления. В системе муниципальной службы невозможно создать иерархическую централизованную структуру служащих всех муниципальных образований данного субъекта РФ, т.к. это войдет в противоречие с установлениями Конституции РФ и законов. При понимании местного самоуправления, которое сложилось в современном российском обществе под влиянием англосаксонской модели² (несмотря на принадлежность правовой системы России в целом к романо-германской правовой семье)³, понятие «муниципальная служба» вообще довольно условно. Оно предполагает, главным образом, обычную трудовую деятельность в администрациях муниципальных образований (в небольших поселениях это, в основном, бухгалтеры).

Равенство доступа к муниципальной службе, таким образом, сводится к гарантиям доступности трудовой деятельности по найму, что имеет уже совершенно другой конституционный смысл, хотя и не отрицается конституционным законодательством. При найме муниципальных служащих не должно быть местничества, дискриминации,

¹ Астафичев П.А. Местное самоуправление в современной России: проблемы соотношения самостоятельности и конституционно-правовых ограничений // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 5. С. 26-33.

² Зеевальд О. Значение местного самоуправления и его основные модели в европейских странах // Местное самоуправление: теория и практика. М.: Фонд Фридриха Науманна, 1997. С. 9-20.

³ Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Грамматика свободы: Конституционное право России и зарубежных стран (англосаксонская, континентальная и иные правовые системы). М.: ИГ «Юрист», 2001. С. 65.

коррупции и т.д. Но это – обычные трудовые и административные гарантии.

В силу федеративной природы российской государственности субъекты РФ пользуются известной самостоятельностью, в том числе, по вопросам структуры органов власти и регулирования порядка прохождения государственной гражданской службы в этих органах. Федеральный закон не обязывает иметь однопалатный или двухпалатный парламент, позволяет иметь любую структуру аппарата представительного органа вплоть до его отсутствия (с возложением этих функций на исполнительную власть). В субъектах РФ учреждаются или не учреждаются правительства, администрации, министерства, агентства, службы, управления, комитеты, департаменты и отделы. Эти субъекты обладают статусом органа или структурного подразделения органа. При таком разнообразии структур власти, однако, основания для ограничения права на равный доступ к публичной службе должны быть едиными и устанавливаться федеральным законом. Иное означало бы нарушение требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Служба в муниципальных органах власти является еще более локальной, чему способствует ограниченность бюджетных возможностей муниципалитетов и ограничительный характер вопросов местного значения. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» допускает наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с одновременным выделением соответствующих бюджетных средств. Такие полномочия на практике реализуются штатными муниципальными служащими с дополнительными задачами. Фактически эти чиновники осуществляют функции государственных гражданских служащих, предполагая контрольные полномочия вышестоящих инстанций. При таких обстоятельствах достаточно сложно обеспечить реализацию конституционной нормы о равнодопустности публичной службы (она находится в зависимости от двух взаимоисключающих факторов).

Существенной особенностью регионального уровня публичной власти является разнообразие способов формирования высшего должностного лица и высшего исполнительного органа субъекта РФ, а также дополнительные полномочия законодательного (представительного) органа в вопросе об определении структуры исполнительных органов специальной компетенции. Подчеркнем, что это совершенно не характерно для федерального уровня власти. Президент РФ

приобретает свои властные полномочия исключительно вследствие всеобщих выборов. Высшие должностные лица субъектов РФ могут не только избираться напрямую гражданами, но и формироваться вследствие кадровых решений законодательных (представительных) органов. Правительство РФ формируется Президентом РФ за исключением Председателя Правительства РФ. В субъектах РФ возможны любые модели, начиная от назначения всего состава Правительства РФ решением законодательного (представительного) органа до отсутствия Правительства РФ как института с возложением этих полномочий на высшее должностное лицо, действующее на принципах единоначалия.

Не менее важно, что на федеральном уровне структуру министерств, агентств и служб определяет Президент РФ, этот вопрос не решается парламентом и не подлежит законодательному регулированию. Правомерность этого подхода была подтверждена актом Конституционного Суда РФ при рассмотрении дела о системе и структуре федеральных органов исполнительной власти¹. В субъектах РФ, напротив, данные вопросы входят в компетенцию народного представительства. Расширение компетенции законодательной власти создает дополнительные гарантии равенств доступа к публичной службе, т.к. депутаты на службе не состоят и не могут являться заинтересованным лицом в собственном деле. Важное значение здесь также имеет коллегиальность принимаемого решения.

Субъекты РФ имеют менее разветвленную структуру государственных органов, не относящихся к «классической триаде» законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Если на федеральном уровне учреждены Прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, Центральная избирательная комиссия РФ, Уполномоченный по правам человека, иные уполномоченные (по защите прав предпринимателей, по правам ребенка), Центральный банк РФ, Счетная палата РФ и др., то в субъектах РФ наблюдается лишь часть аналогичных органов (уполномоченные, контрольно-счетные органы, избирательные комиссии). Каждый из этих органов, как правило, имеет совсем небольшой аппарат государственных гражданских служащих, причем равнодоступность этих должностей гарантировать довольно трудно

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 866.

вследствие личной заинтересованности соответствующих должностных лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Астафичев П.А. Местное самоуправление в современной России: проблемы соотношения самостоятельности и конституционно-правовых ограничений // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 5. С. 26-33.

2. Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Грамматика свободы: Конституционное право России и зарубежных стран (англосаксонская, континентальная и иные правовые системы). М.: ИГ «Юрист», 2001.

3. Бредихин А.Л., Кириенко Г.С. К вопросу о соотношении нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 16-20.

4. Горобцова С.Е. Административное приостановление деятельности как средство повышения эффективности реализации и защиты прав человека // Человек, его права и свободы - высшая ценность. Сборник научных трудов. Вып. 12. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007.

5. Зеевальд О. Значение местного самоуправления и его основные модели в европейских странах // Местное самоуправление: теория и практика. М.: Фонд Фридриха Науманна, 1997. С. 9-20.

6. Протасова Н.В. Судебный контроль за соответствием нормативных правовых актов Правительства РФ федеральному законодательству // Право: теория и практика. 2009. № 9-10. С. 57-59.

7. Стариллов Ю.Н. Создание эффективной правовой защиты прав и свобод человека и гражданина как основная цель модернизации российского административного права // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2013. № 1 (24). С. 3-22.

8. Утка В. Реорганизация коммерческих предприятий: вопросы трудовых отношений // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 52. Ершова Е.А. Трудовые правоотношения гражданских служащих при реорганизации или ликвидации государственного органа // Российское правосудие. 2006. № 1. С. 80-93.

Гудкова Марина Валерьевна,
кандидат психологических наук,
заместитель директора, заведующая учебным отделом,
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Смоленского филиала
Международного юридического института

Gudkova M. V.
candidate of Psychological Sciences,
Deputy Director- head of study,
Lecturer of the Department of Criminal
Smolensk branch
of International Law Institute

**ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»**

**INNOVATIVE FORMS OF EDUCATION
IN THE STUDY OF DISCIPLINE
«JURIDICAL PSYCHOLOGY»**

Аннотация. В данной статье обобщается опыт преподавателя при организации учебных занятий по дисциплине «юридическая психология» с использованием интерактивных и активных форм обучения.

Abstract. This article summarizes the teacher's experience in organizing education sessions in the «Juridical psychology» using interactive and active forms of education.

Ключевые слова: интерактивные и активные формы обучения, проектно-исследовательский метод обучения, судебно-психологическая экспертиза, критическое социальное мышление.

Key words: interactive and active forms of training, design and research method of education, forensic psychological expertise, critical social thinking.

Проведение учебных занятий с применением различных инновационных – активных и интерактивных – форм обучения с целью форми-

рования и развития общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций у студентов юридической направленности является одним из необходимых условий реализации образовательных программ, выполняющее требования федерального государственного образовательного стандарта. По дисциплине «юридическая психология» для студентов по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) уголовно-правовой направленности рабочей программой дисциплины Международного юридического института предусмотрены учебные занятия с использованием инновационных (активных и интерактивных) форм обучения.

Применение активных и интерактивных технологий обучения предусматривает имитирование ситуаций из жизни, инсценированные игры по ролям, решение проблем при совместном взаимодействии. Запрещен приоритет какого-либо участника учебного процесса или какой-либо идеи. Студент сам активно участвует в процессе обучения, следуя своим индивидуальным маршрутом, таким образом, из объекта воздействия он становится субъектом взаимодействия.

Преподаватель, который использует в ходе своей работы инновационные формы обучения, способствует развитию общепрофессиональных компетенций студентов: совершенствованию коммуникативно-организаторских способностей, развитию навыков самоанализа и рефлексии (обращение на самого себя и на продукты своей активности), развитию навыков владения современными техническими средствами и технологиями восприятия и обработки информации, формированию и развитию самостоятельного поиска информации. При такой организации учебного процесса у студентов повышается внутренняя мотивация к изучению дисциплины «юридическая психология», увеличивается объем самостоятельной совместной работы.

Юридическая психология – самостоятельная наука со своим объектом, предметом изучения, а также специфическим категориальным аппаратом, которые необходимо изучить студенту за довольно короткое время. Очень сложны в освоении такие категории, как психические процессы, свойства, состояния и понимание механизмов их образования, функционирования, деструктурирования. В связи с этим необходимо для студентов юридической направленности при изучении дисциплины «юридическая психология» подбирать такие формы и методы обучения, при которых психологические категории с легкостью встраивались бы в юридические знания обучающихся. Поэтому целесообразно использовать интерактивную форму с применением

проектно-исследовательского метода обучения, который способствует развитию умения находить решение проблемы при самостоятельном анализе заданной ситуации. Проектно-исследовательский метод объединяет исследовательские, поисковые, творческие методы и приемы обучения по ФГОС.

Поставленная дидактическая цель перед студентами в рамках интерактивной формы обучения посредством реализации проектно-исследовательского метода будет воплощена и достигнута в процессе детальной разработки проблемы. Исследованная проблема завершается вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом в виде некоего конечного продукта, а решения проблемы становится лично значимой для обучающихся.

По многим темам дисциплины «юридическая психология» можно использовать проектно-исследовательский метод, так как вся область изучения данной науки направлена на исследование психики вовлеченного в правовые отношения человека. Специфика развития нравственного, морального, правового сознания человека существенно влияет на его поведение в социуме. Принятие, следование правовым нормам, а также их отрицание, нигилизм влияют на изменение сознания человека в структуре нравственного компонента. Интересны для студентов-юристов такие психологические исследования, как формирование у личности механизмов суженного сознания, стагнация мыслительных процессов, возникновение импульсивных разрядок, эффективность и особенность психологических и психических методов воздействия.

Поделимся опытом применения нами проектно-исследовательского метода при изучении темы «Использование психолога в качестве специалиста, консультанта и эксперта». Цель изучения данной темы – изучить сущность и предназначение психолога в качестве консультанта, специалиста, эксперта. Интерактивная форма занятия по данной теме позволяет студентам не только раскрывать сущность новых знаний, но и демонстрировать уже имеющиеся психологические знания. Тема «Использование психолога в качестве специалиста, консультанта и эксперта» консолидирует в себе знания по методам юридической психологии, психологии личности и деятельности, социализации личности, криминальной психологии, психологии предварительного следствия.

В своей профессиональной деятельности следователю, судье, оперативному работнику для решения специфических вопросов право-

вых знаний и житейского опыта недостаточно. Очень многие вопросы относятся к области научной психологии, особенностям познания психологии личности, такие задачи может рассмотреть специалист, который владеет методикой психологических исследований. Именно в таких случаях необходимо привлечение психолога в качестве специалиста, консультанта или эксперта для проведения психологической экспертизы. В связи с этим на своих занятиях мы погружаем студентов в экспертную деятельность психолога.

Студентам предлагается следующий алгоритм исследования к подготовке и формированию проекта:

1) смоделировать ситуацию любого правонарушения, смоделировать индивидуально-психологические особенности, психические процессы, эмоциональные состояния участников ситуации;

2) в смоделированной ситуации провести полный психологический анализ преступного поведения;

3) разрешение ситуации осуществить с привлечением психолога в качестве эксперта;

4) поставить перед экспертом-психологом соответствующие вопросы;

5) оформить заключение эксперта-психолога в соответствии с требованиями. В заключении обязательно указать методы, которые применял эксперт, их цель и область исследования, валидность, надежность, стандартизацию метода тестов; отразить количественные и качественные показатели результатов тестирования; записать возможное заключение психолога по смоделированной ситуации, которое будет являться доказательством по делу на предварительном следствии;

6) защитить проектное исследование.

В такой алгоритмической последовательности освоения темы достигается предназначение проектно-исследовательской работы, которая состоит в том, что студентам предоставляются возможности самостоятельно приобретать и формировать лично свой индивидуальный запас знаний в процессе решения жизненных задач или проблем, требующий интеграции знаний из различных предметных областей.

На первом этапе выполнения данного проектного исследования студент должен самостоятельно придумать ситуацию правонарушения, уже с этого момента обучающийся опирается на свои интересы и более прочные позиции в области уголовного права, уголовного процесса. Чаще всего студенты моделируют ситуации по ДТП, изнасилчанию, преступлению в состоянии аффекта, кражи. На данном этапе

студенты моделируют также психологические портреты участников правонарушения. Здесь необходимо наполнить каждый персонаж индивидуально-психологическими свойствами: особенностями интеллекта, специальными способностями, темпераментом, характером, ценностно-мотивационной сферой, направленностью; раскрыть психические процессы: закономерности ощущений, свойства восприятия, особенности памяти, протекания мыслительных процессов, воображения, речи и т.д.; охарактеризовать эмоциональное состояние, актуальное на момент ситуации и предшествующее сложившейся ситуации: уровень стресса, тревоги, тревожности, страха, имеется ли фрустрация, осознание эмоционального состояния персонажем. Учитывая психологические компоненты личности и определяя их роль в своей ситуации, у студента формируется навык предвидения поведения человека в условиях моделирования.

Следующий этап проектного исследования – это полный психологический анализ преступного поведения. Этот этап касается предполагаемого виновного персонажа смоделированной ситуации.

Поведение – это внешнее проявление деятельности, действий человека, процесс взаимодействия с окружающей средой, опосредованный его внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью¹. Юридическая психология обладает специфическим исследовательским предметом – это особенности психических процессов, свойств, состояний субъекта, а также особенности взаимодействия между личностями, приводящие к противоправному, преступному поведению и имеющие правовое значение для установления истины.

Студенты проводят анализ преступного поведения с психологической позиции. Здесь самое важное – научиться увидеть не только само преступление, но и факторы, которые способствовали формированию противоправного деяния. Существенными являются внутренние факторы, то есть психические процессы, свойства и состояния, которые привели к решению совершить преступление, а также направляли и контролировали его исполнение.

В юридической теории и практической деятельности процесс формирования и проявления преступного поведения личности, которая умышленно совершила преступление, условно разделяют на два ос-

¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Изд-во «Питер», 2002. – 720 с.

новых этапа: мотивационный – это первый этап; реализация решения – это второй этап.

Очень сложным является проектирование мотивационного этапа. От сконструированной модели в дальнейшем будет зависеть выбор психологических методов и, собственно, качество составления экспертного психологического заключения. По сути, обучающимся необходимо выстроить полностью все сложное волевое действие субъекта: возникновение побуждения (определить тенденцию стремления – влечения, желания, хотения, интереса), осознание цели, обсуждение и борьба мотивов, принятие решения (оценка степени усилия, направленность на осуществление – переход к моторному действию), выбирается объект, на который субъект планирует направить свои преступные действия; исполнение (имело ли место целенаправленного плана действия). Необходимо также смоделировать процесс реализации принятого решения: оценить условия, где будет совершено преступление, и как эти факторы будут или нет способствовать реализации поставленных целей; подбираются средства, способы, орудия совершения противоправного деяния. При разработке ситуации группового преступления четко распределяются роли с их функциональными обязанностями. При моделировании студентами ситуации они должны установить разнообразие причин, способствующих формированию криминогенной обстановки: конфликтный характер отношений сторон с наличием провоцирующих элементов, например, в виде неправомерного поведения потерпевшего, быстротечность происходящих событий, неопределенность, непредсказуемость развития событий и поведения различных лиц, экстремальность, бесконтрольность, отсутствие должного порядка, дисциплины и т. д.

Поведение субъекта определяется такими важными факторами, как особенности, свойства его личности (направленность, мировоззрение, ценностные ориентации, социальные установки, уровень правосознания, индивидуально-психологические особенности, характер), а также воздействием социальной среды на формирование его личности и поведение как до возникновения криминогенной обстановки, так и непосредственно в ходе нее – именно это нельзя игнорировать при анализе механизмов преступного поведения.

Третий и четвертый этапы проектного исследования направлены на моделирование такого развития событий, при котором следователю на предварительном следствии необходимо привлечь психолога в каче-

стве эксперта, при этом, в зависимости от ситуации, правильно поставить перед экспертом вопросы.

Судебно-психологическая экспертиза направлена на исследование непатологических явлений психики, поэтому проводится в отношении психически здоровых людей (обвиняемых, потерпевших, истцов, ответчиков, свидетелей). В связи с этим следователь должен определять поводы и правильно формулировать вопросы для экспертного разрешения, а для этого ему необходимо знать предмет, возможности и компетенцию данного вида экспертизы, в обязательном порядке анализируются и устанавливаются факты, которые свидетельствуют о необходимости проведения именно судебно-психологической экспертизы.

Студенты на данном этапе должны установить причинно-следственные связи между смоделированной ситуацией и смоделированными индивидуально-психологическими особенностями персонажей. Например, обязательный повод для назначения экспертизы – определение способности человека правильно воспринимать существенные для дела обстоятельства и давать о них правильные показания.

Индивидуальные особенности функционирования сложной психической системы, уровень абсолютной и относительной чувствительности, особенности цветовосприятия, закономерности ощущений, свойства восприятия, особенности восприятия времени, движения и пространственных качеств предметов и явлений (пропорции частей предметов, их пространственная ориентация, размеры, форма, удаленность, особенности рельефа и т.д.), особенности звуковысотного различия и т.д. – все это устанавливается судебно-психологической экспертизой. Также студенты в своей проектно-исследовательской деятельности должны учитывать, что достоверность показаний зависит от качества функционирования процессов памяти, мышления, воображения человека, суггестивных свойств и склонности к фантазированию. Например, люди с повышенной внушаемостью склонны к ложному узнаванию, к различным внушаемым дополнениям к своим представлениям. Весь этот спектр индивидуально-психологических особенностей разрабатывается и отрабатывается обучающимися при моделировании и проектировании сюжетной линии ситуации.

Перед СПЭ должны быть поставлены вопросы, связанные с выявлением у лиц конкретных психических аномалий, существенных для уголовного дела.

Формулировки вопросов (примерные), которые ставятся перед экспертом¹:

1) учитывая индивидуальные и возрастные особенности обследуемого и конкретные условия, в которых происходило событие (указать какое), мог ли он правильно воспринимать важные для дела обстоятельства (указать какие)?

2) учитывая психическое состояние обследуемого в момент конкретного события, мог ли он правильно воспринимать важные для дела обстоятельства (указать какие)?

3) обладает ли испытуемый абсолютной чувствительностью зрительного, слухового (или иного) анализаторов, достаточной для восприятия раздражителя (указать какого)?

4) имеются ли у испытуемого признаки повышенной внушаемости?

5) имеются ли у испытуемого признаки повышенной склонности к фантазированию?

6) имеются ли у испытуемого признаки эйдетической памяти?

Перед СПЭ нельзя ставить вопросы, связанные с диагностикой ложности показаний (например, опознал человека в действительности предъявляемый объект или не опознал, соответствуют ли его показания действительным событиям).

На последнем этапе проектно-исследовательской работы студенты должны оформить заключение эксперта-психолога в соответствии с установленными требованиями. Здесь обучающимся необходимо решить следующие задачи: определить какие психические процессы, свойства, состояния будут исследоваться психологом; указать методы, которые применил эксперт; описать получившиеся качественные показатели и как полученные характеристики психики личности повлияли на сложившуюся противоправную ситуацию.

Предметом судебно-психологической экспертизы являются конкретные процессы, свойства, состояния и механизмы психической деятельности человека, имеющие значение для установления истины по делу. Чаще всего судебно-психологическая экспертиза осуществляется методами научного наблюдения, беседы, биографического метода, однако ведущим методом является метод тестов, с помощью которого

¹ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – Москва: Проспект, 2016. – 464 с. – С. 366-367.

осуществляется психодиагностика. Тесты должны быть надежными, валидными и стандартизированными.

Студенты подбирают необходимую «батарейку» тестов, описывают их, устанавливают закономерность. Оформленное экспертное заключение и есть законченное проектное исследование студентов по теме «Использование психолога в качестве специалиста, консультанта и эксперта».

Проблемы, которые носят правовой характер, создаются людьми, которые имеют свой психический мир, поэтому необходимо учитывать менталитет, нравственные аспекты, интеллектуальный уровень, способности людей, находящихся «по ту сторону» Закона¹. Студентам, обучающимся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), необходимо оценивать социальные явления, применяя конструкты своего развитого критического социального мышления. Именно проектно-исследовательская организация учебного процесса с применением интерактивных и активных форм обучения будет способствовать развитию критического социального мышления студентов, которое поможет сформировать такие компетенции, как способность к анализу альтернативности неоднозначных ситуаций, способность находить приемлемые пути решения проблем. Развитие критического социального мышления личности является одной из важнейших задач высшего образования, так как оно формирует человека как субъекта социального взаимодействия, позволяет субъекту адекватно соотносить себя с постоянно меняющейся действительностью (обнаруживать ошибки, недостатки и противоречия в объекте познания), ставить и решать социальные проблемы, которые возникают в процессе взаимоотношения людей друг с другом и с обществом².

¹ Гудкова М.В. Формирование критического социального мышления студентов юридической направленности // Вестник Международного юридического института. Научно-информационный журнал. М., 2016. № 1. С.94.

² Гудкова М.В. Характеристики критического социального мышления субъекта при решении социальных задач: дис... канд. психол. наук: 19.00.01 / М.В. Гудкова. Казань, 2011. 213 с. С. 13.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гудкова М.В. Формирование критического социального мышления студентов юридической направленности // Вестник Международного юридического института. Научно-информационный журнал. – М., 2016. № 1. С.94.
2. Гудкова М.В. Характеристики критического социального мышления субъекта при решении социальных задач: дис... канд. психол. наук: 19.00.01 / М.В. Гудкова. Казань, 2011. 213 с. С. 13.
3. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. Москва: Проспект, 2016. 464 с. С. 366-367.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Изд-во «Питер», 2002. 720 с.

Кузнецова Ольга Александровна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент отделения общеинститутской кафедры
общегуманитарных и естественно-научных дисциплин
Ивановского филиала
Международного юридического института
Kuznetsova O. A.

candidate of historical Sciences, associate Professor,
associate Professor of the Department
of the General Institute Department
General humanitarian and natural science disciplines
Ivanovo branch of the International law Institute

ИЗ ПРАКТИЧЕСКОГО ОПЫТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ FROM THE PRACTICAL EXPERIENCE AUTHORIZED BY THE RIGHTS OF THE CHILD IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Аннотация. В статье рассматриваются цели введения должности Уполномоченного по защите прав и законных интересов ребёнка в системе среднего профессионального образования. Автором проведен

анализ проблематики обращений, отражающих современную ситуацию в образовательной среде, а также форм работы по локальным обращениям и повышению правовой культуры ученического коллектива в целом. В заключении сделан вывод об актуальности и значимости деятельности Уполномоченного по защите прав и законных интересов ребёнка в формировании правового пространства, правосознания детей и молодёжи в период обучения в профессиональной системе образования начального и среднего уровня.

Abstract. The article discusses the goals of introducing the position of the Commissioner for the Protection of the Rights and Legal Interests of the Child in the secondary vocational education system. The author analyzes the problems of appeals reflecting the current situation in the educational environment, as well as the forms of work on local appeals and improving the legal culture of the student community as a whole. In conclusion, a conclusion was drawn on the relevance and importance of the Commissioner for the protection of the rights and legitimate interests of the child, in the formation of the legal space, the legal awareness of children and young people during their education in the vocational education system at the primary and secondary levels.

Ключевые слова: конституционные права ребёнка, обучающиеся, профессиональное образование, Уполномоченный по правам ребёнка, правосознание, правовая культура, социализация.

Key words: constitutional rights of the child, students, professional education, Commissioner for the rights of the child, legal awareness, legal culture, socialization.

Уполномоченный по правам ребёнка решает важные задачи по защите и реализации конституционных прав молодого поколения россиян. Это особая категория ребят по социальным и психофизиологическим параметрам (подростковый период, формирование социальных и жизненных установок). В профессионально технические училища, колледжи для получения рабочих профессий поступают дети в возрасте от 14 лет и старше (молодые люди старших возрастных групп, желающие получить рабочую профессию). Социальный портрет обучающихся в учебных заведениях данного типа: учащиеся средних образовательных школ девятого года обучения, выпускники этих школ, особую группу

составляют молодые люди из государственных социальных учреждений и дети с ограниченными физическими возможностями.

Уполномоченный по правам ребёнка в учебном заведении указанного типа совместно с социальным работником, кураторами групп координирует работу по соблюдению прав учащихся и воспитанию их правового самосознания, формированию правового пространства и социально защищённой среды для всех обучающихся.

Среди первостепенных задач — выявление и устранение различных форм насилия, нарушений прав ребёнка со стороны семьи, ровесников, преподавателей, сотрудников, представителей социальных и государственных учреждений. Положение об Уполномоченном по защите прав участников образовательного процесса в образовательном учреждении принимается в соответствии с Конвенцией ООН по правам ребёнка, Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации», Законом Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Положением об Уполномоченном по правам ребёнка Ивановкой области, Уставом образовательного учреждения.

Формы работы Уполномоченного по правам ребёнка основаны на действующей законодательной базе с учётом потребностей и индивидуальных особенностей обучающихся. Работа с коллективом учащихся начинается с составления индивидуальной карты учащегося, которая характеризует статус, условия и место проживания, степень социализации, направленность личности, возможные риски.

Для изучения качества жизни, жизненных ресурсов, ценностной направленности обучающихся Уполномоченный по правам ребёнка работает с информацией, полученной в результате проведения индивидуальных и групповых занятий, совместной работы с кураторами групп, изучения документов и статистики по данному вопросу. Сведения о количестве детей, проживающих в неполных, социально неблагополучных, многодетных, малообеспеченных семьях, детях-сиротах позволяют разработать и корректировать в целом правовую и социальную политику в данном коллективе обучающихся. Дополнительную информацию педагогу дают такие мероприятия, как «Права ребёнка глазами детей» (анкетный опрос,

встреча с учащимися 1 курса), информационные встречи с работниками юстиции и правоохранительных учреждений (все категории обучающихся), «Легко ли быть молодым?» (круглый стол для 2-3 курсов), «Равные права, но разные возможности» (круглый стол для 2 курса с участием специалистов), «Закон и семья» (информационная встреча для всех категорий), «Профессиональные династии» (встреча представителей разных поколений специалистов по профилю подготовки обучающихся данного учебного заведения), «Диплом получен, а что дальше?» (круглый стол для выпускников с участием специалистов службы занятости, социальной защиты, представителей военкоматов), правовая клиника (индивидуальные консультации юриста),

Деятельность Уполномоченного по правам ребёнка по организации, проведению и подведению итогов данных мероприятий способствует формированию диалога между его участниками, той обратной связи, которая должна строиться на доверии, знаниях, оперативности.

Вопросы, с которыми обращаются к Уполномоченному по правам ребёнка, мы условно подразделяем по содержанию на группы:

- конфликты: между детьми (нормы общения, национальные, религиозные, ценностные, гендерные разногласия); между преподавателем и учащимися; между родителями и учителями; в семье между родителями, опекунами и детьми;
- внутренний распорядок учебной деятельности: степень готовности принимать социальные нормы; нарушение внутренней дисциплины учебного заведения (пропуски, успеваемость, асоциальное поведение); условия проживания в общежитии; питание в столовой (равные права, разные возможности); порча имущества образовательного учреждения и имущества обучающегося;
- консультации по правовым вопросам: уклонение родителей от выполнения своих обязанностей (агрессивное или асоциальное поведение родителей); летний отдых и трудоустройство; действия насильственного характера по отношению к обучающимся;
- психологическая и педагогическая поддержка: отношения в семье, в учебной группе, ученическом коллективе в целом, между педагогами;
- обеспечение безопасности и здоровья детей;
- религиозные и гендерные проблемы.

Обращения по вопросу правовой защищённости поступают от обучающихся, их родителей, педагогов, других лиц в самых различных формах. Это может быть просьба о помощи, жалоба, письменное обращение, интернет-обращение и другие способы информирования. Сложившаяся процедура рассмотрения этих обращений к Уполномоченному по правам ребенка закреплена в положении образовательного учреждения. Однако рассмотрение и решение многих обращений требует от Уполномоченного по правам ребёнка не только правовой компетентности, но и активного взаимодействия с администрацией, педагогическим коллективом, учащимися и активом учебных групп, органами опеки и попечительства, отделами органов внутренних дел по делам несовершеннолетних, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав представителями Уполномоченного по правам ребёнка по Ивановской области.

Специфика педагога, который выполняет работу Уполномоченного по правам ребёнка, предъявляет к нему высокие морально-нравственные требования. Это наличие таких личностных качеств, как ответственность, честность, справедливость, милосердие, воля, общительность, оптимизм, правовая и деловая компетентность. Педагога, который выбран Уполномоченным по правам ребёнка, должны знать, уважать, доверять все те, кто потенциально или реально будет к нему обращаться.

Какие вопросы в практической работе Уполномоченного по правам ребёнка отражают особенности настоящего времени:

- проблемы детей с ограниченными физическими возможностями и их адаптация в образовательной среде;
- факты поведения отдельной части молодёжи, противоречащие принятым в обществе морально-нравственным нормам;
- героизация криминального мира на основе несформированного личного правосознания;
- религиозная нетерпимость в целом к представителям всех религиозных конфессий;
- педагогическая некомпетентность (субъективное, предвзятое отношение) в ситуации конфликта «педагог – учащийся»;
- проблемы жизнедеятельности и обучения детей-сирот при смене условий проживания, учебы, коллектива (трудности адаптации к самостоятельной жизни);
- проблемы здоровья и оказание медицинской помощи;

- вопросы качества жизни и материального обеспечения (проезд на транспорте, питание и т.д.);
- гендерная ориентация и формы её отклонения.

Уполномоченным по правам ребёнка по итогам учебного года составляется отчёт о проделанной работе, что позволяет оценить состояние коллектива обучающихся, внести свои предложения по созданию нормальных условий для учёбы, отдыха и развития учащихся, своевременно видеть и оперативно реагировать на возникающие проблемы, возможные риски, выстраивать диалог между заинтересованными сторонами. Сталкиваясь с отсутствием или слабо сформированным правосознанием, юношеским нигилизмом, нравственными изъянами и агрессией отдельных молодых людей, Уполномоченный по правам ребёнка проводит необходимую профилактическую работу, используя всё многообразие форм и методов воспитания, потенциал педагогического опыта коллектива для преодоления негативных тенденций в поведении отдельных учащихся или группы лиц. Разъясняя и (или) восстанавливая права ребенка, Уполномоченный стремится воспитывать уважение к закону, формировать в молодых людях морально-нравственные качества, ответственность за свободу выбора своих действий.

Таким образом, работа Уполномоченного по правам ребёнка в профессиональном образовательном учреждении, безусловно, значима и востребована в силу кризисных явлений в социальной, образовательной, семейной составляющих жизни общества. Сфера деятельности, многообразие содержания обращений, восполнение дефицита внимания к личности ребёнка и одновременно понимание психологического, морально-нравственного состояния всего коллектива обучающихся требуют системности работы, завершенности начинаний, обобщения и обсуждения полученных результатов, преемственности опыта в этой области. Однако частая сменяемость педагогов, перегруженность основной работой, недостаточная координация усилий всех структур образовательного учреждения, информационного обеспечения, общественный характер деятельности Уполномоченного по правам ребёнка в образовательной системе снижет эффективность и результативность этой работы в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г., вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «Гарант».

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

3. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «Об основных гарантиях прав ребёнка в РФ» // СПС «Гарант».

9. Закон Ивановской области от 05.07.2013. №66-ОЗ (ред. от 09.11.2017) «Об образовании в Ивановской области» // СПС «Гарант».

4. Закон Ивановской области от 10.04.2012. №21-ОЗ (ред. от 17.12.2012) «Об отдельных гарантиях прав ребёнка в Ивановской области» // СПС «Гарант».

5. Закон об Уполномоченном по правам ребёнка по Ивановской области от 24.06.2013. № 47-ОЗ (ред. от 28.12.2017) // СПС «Гарант».

СЛОВО СТУДЕНТУ

Борков Владимир Валентинович,
студент магистратуры
Международного юридического института
Borkov V. V.
graduate student International law Institute

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

SOCIAL AND CULTURAL-HISTORICAL FACTORS OF ORIGIN AND DEVELOPMENT OF FAMILY LAW IN THE ANCIENT RUSSIAN STATE

Аннотация. Статья посвящена социальным и культурно-историческим истокам правового регулирования семейно-брачных отношений в России. Автором осуществлен анализ комплекса факторов и предпосылок формирования основ семейного права на историческом пространстве древнерусского государства в X-XII в. в. Дана оценка степени влияния и роли в этом процессе традиций и верований языческой эпохи, рецепции византийского канонического права, собственного законодательства княжеской власти. Автором сделан вывод о гибридном характере системы нормативного регулирования, сложившейся в результате христианизации Руси и синтеза исходных национальных начал с заимствованными нормами церковно-византийского права. Это обстоятельство предопределило специфику дальнейшего развития семейного права в России.

Abstract. The article is devoted to the study of social and cultural-historical sources of the legal regulation of family and marriage relations in Russia. The author analyzes the complex of factors and prerequisites for the formation of the foundations of family law in the historical space of the ancient Russian state in the X-XII centuries. An assessment is given of the degree of influence and role in this process of traditions and beliefs of the

pagan era, the reception of Byzantine canon law, and the princes' own legislation. The author concludes that the regulatory system that has arisen as a result of the Christianization of Russia and the synthesis of the original national principles with the borrowed norms of Church-Byzantine law is hybrid. This circumstance predetermined the specifics of the further development of family law in Russia.

Ключевые слова: брак, семья, семейно-брачные отношения, семейное право, Древнерусское государство, языческая культура, каноническое право, рецепция.

Key words: marriage, family, marital and family relations, family law, the Old Russian state, pagan culture, canon law, reception.

Отечественное законодательство в сфере регулирования брачно-семейных отношений прошло в своем развитии длительный эволюционный путь. В связи с этим является совершенно закономерным то, что, начиная с XVIII века, их правовое регулирование становится предметом пристального внимания российских исследователей¹. Обращение к сюжетам исторического становления семейного права, безусловно, несет в себе не только повседневный интерес, но и глубокий практический смысл. Ведь результаты исследования генезиса социальных явлений и разработка ключевых понятий и категорий неизбежно оказывают влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность, вызывая, тем самым, большое количество вопросов теоретического и практического характера. Следовательно, это подтверждает востребованность систематизации знаний о становлении и развитии нормативной регламентации процесса функционирования институтов брака и семьи. Еще в начале XX века ученый-цивилист А.И. Загоровский резюмировал по этому поводу, что «ключ к русскому семейному праву находится в прожитых веках»².

Вместе с тем следует понимать, что эффективная законотворческая и правоприменительная деятельность невозможна без глубокой теоретической проработки вопроса. Только в этом случае осмысление перспектив развития семейного права будет иметь позитивный результат.

¹ Бурданова Н.А. Правовое регулирование отношений в сфере семьи и брака как предмет исследований ученых Российской империи в XVIII-XIX в.в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4 (52). С. 15-19.

² Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 3.

Значимость данного положения во многом определена тем обстоятельством, что, несмотря на, казалось бы, длительный процесс изучения вопроса российской юридической наукой, сформированная теоретическая основа в этой области по-прежнему отсутствует. Это можно объяснить и сменой идеологического формата, по сути, на целое столетие перевернувшей уже сформированную методологию, и фрагментарностью и разноплановостью нормативных материалов, регулировавших развитие семьи в разные исторические периоды, и рядом других факторов. Немаловажным фактором явилось так же и то, что российская наука гражданского права изначально развивалась в лоне западной цивилистики, неизбежно ощущая на себе её концептуальное влияние. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич по данному поводу, в этом «заключается вместе и сила, и слабость русской науки»¹.

Важным, с точки зрения методологии исследования проблемы, лежащей в столь обширном временном пространстве, выступает вопрос о корректности использования формулировки «семейное право», в особенности применительно к ранним этапам становления древнерусского государства. Она является наиболее дискуссионной и вызывающей массу различных, подчас полярных авторских суждений. Так, Э.М. Левшин полагает, что отрасль отечественного семейного права оформилась не ранее второй половины XIX века². Напротив, П.Л. Полянский убежден, что применительно к XIX веку можно говорить лишь о складывании отрасли семейного законодательства, а отрасль семейного права начала оформляться лишь в 30-е г. г. XX века³. Наряду с этим в научном мире присутствует позиция, отрицающая возможность признания специфики брачно-семейных норм и выделения особой отрасли семейного права⁴.

Разумеется, единственным способом устранить противоречия в рассматриваемой области и прийти к общепризнанной истине являет-

¹ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России: по изд. 1893 г. М.: Статут, 2003. С. 7.

² Левшин Э.М. Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России: дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

³ Полянский П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 2.

⁴ Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М., 2002; Гражданское право: Учебник: В 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2005. Т. 3.

ся обращение к истокам исследуемого предмета. Следует признать, что систему регуляторов брачно-семейных отношений на начальном этапе ее становления (X-XII в. в.) определять в качестве сложившейся отрасли семейного права не представляется возможным. Между тем, в тех немногих исследованиях по истории права Древней Руси, которые имеются на сегодняшний день в науке, авторы оперируют словосочетанием «семейное право»¹. На наш взгляд, это не только допустимо, но и научно оправданно. В таком подходе оптимально реализуется принцип историзма, позволяющий проследить формирование конкретного института в ретроспективе, связав в единую непрерывную линию его зрелую форму с его первичными проявлениями. Приходится констатировать, что в историческом процессе зачастую общественные отношения складываются гораздо раньше того понятия, которое их определяет.

Данный тезис полностью соответствует предмету настоящего исследования в начальной фазе своего становления. Не подлежит сомнению, что уже в Древней Руси X-XII в. в. не только оформились такие социально-ролевые категории, как «супруги», «родители», «дети» и др., но и появилась потребность в регулировании общественных отношений между ними единой системой норм, санкционированных государством. Насколько она смогла выступить таковой, абстрагировавшись от морально-этических, религиозных оценок и общественных установок, следует серьезно разобраться.

До принятия христианства в 988 г. семейные отношения в древнерусском государстве регулировались складывавшимися веками языческими обычаями и традициями. К сожалению, сведения, отражающие семейный уклад народов, населявших территорию России до конца X века, носят крайне фрагментарный характер. В основном это немногочисленные свидетельства византийских и арабских писателей. Однако и они позволяют нам судить о том, что брак, являясь одним из древнейших социальных институтов на Руси, в условиях язычества представлял собой нетипичное явление. Языческая вера с присущим ей культом предков прочно удерживала семью в сфере родовых начал, не давая ей стать общесоциальной ценностью. Этому же препятствовала и технология властвования в родовой патриархальной общине, вы-

¹ Дементьева Т.Ю. Семейное и наследственное право в Киевской Руси (IX-XII вв.): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2006.

страивающей семейную власть на основе нравственного и физического насилия.

Указанные обстоятельства неизбежно сказались на характере семейных отношений. Статус брака во многом определялся его моногамным или полигамным характером. Последний фактор как социальный рудимент порождал неопределённость в положении детей, поскольку они не разделялись на законнорожденных и незаконнорожденных. По данным К.А. Неволлина, во времена язычества существовало «право родителей отдавать детей в рабство»¹. Культурно-нравственная шаткость в понимании семьи не преминула сказаться и на качестве брачных отношений. Например, получили распространение свобода разводов и независимость супругов в браке. Даже после крещения Руси многие из таких представлений о сущности брака и семьи продолжали существовать и противоречить содержанию христианского брака.

С принятием христианства на Руси изменилась специфика понимания сущности брачно-семейных отношений и их правового регулирования в государстве. Как известно, Русская православная церковь подчинялась византийской церкви, и это предопределило обширное проникновение в русскую действительность в XI веке норм византийского церковного права. Канонические догматы церкви по понятным причинам, в первую очередь, коснулись регламентации вопросов, связанных с браком и семьёй. Их регулирование под строгой церковной юрисдикцией позволяло достигать духовного и идеологического влияния на всю паству. Стремясь взять под свой контроль все брачно-семейные дела, церковь установила исключительно церковную форму совершения брака и определила пределы его расторжения, запретила многоженство, закрепила правовое значение только за законным родством, вследствие чего внебрачные дети утратили права. Кроме того, были санкционированы жестокие наказания за внебрачные связи.

Основным источником правового регулирования семейных отношений на Руси, начиная с XI века, становится Номоканон, составленный патриархом Фотием в 883 г. и впоследствии дополненный постановлениями византийских императоров. Следовательно, он явился сборником не только канонических правил, но и светских брачно-семейных постановлений. Учитывая безграмотность большинства

¹ Неволлин К.А. История российских гражданских законов. Т. 1. СПб., 1851. С. 318.

населения страны того периода, следует предположить, что адресатом его положений были, в основном, священнослужители. Так считает и П.Л. Полянский, указывая, что Номоканон должен был служить пособием для духовенства в целях сохранения мирянами своей христианской чистоты¹. Действительно, нельзя не заметить достаточно подробное регулирование им условий вступления в брак и порядка его прекращения. Тем самым, церковь стремилась придать половым отношениям как плотскому греху характер христианской добродетели, противопоставив смирение и послушание животному инстинкту размножения.

Рассмотрение брака церковными источниками как средства сдерживания половых «аппетитов» мирян восходит своими корнями к ветхозаветным сочинениям. Так, например, апостол Павел писал, что лучше вступить в брак, нежели «разжигаться» (1 Кор. 7, 8-9). Поучение одного из русских святителей гласит: «А которые дети ваши духовные не женаты, и вы бы их женили, а холостые бы без жен не жили. А которые девицы поспели, и вы их давайте замуж, а так бы лихих дел не делали»².

Таким образом, принципы византийского канонического права легли в основу нормативно-правового регулирования брачно-семейных отношений в древнерусском государстве. Однако в оценке степени влияния церковных норм на становление системы данных правоотношений всё далеко не так однозначно. Например, П.Л. Полянский убежден, что рецепцию церковных норм византийского происхождения на русской почве следует считать не вполне удачной. Исследователь пояснил свою позицию двумя аргументами. По его мнению, во-первых, подлинных норм византийского права на Руси и не было по причине их искажения малограмотным русским духовенством, а во-вторых, эти нормы зачастую не применялись преднаме-

¹ Полянский П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 2. С. 7.

² Русская историческая библиотека. Т. VI: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908. Стлб. 918-919.

ренно, поскольку они вступали в коллизию с нормами обычного права, обычаями, а порой и общегосударственными законами¹.

Соглашаясь с мнением данного исследователя, хотелось бы выразить собственное суждение по этому поводу. На наш взгляд, автором были абсолютизированы субъективные обстоятельства, тогда как объективным причинам не уделено должного внимания. Между тем ограниченность влияния византийского права необходимо связывать с тем, что сам основной канонический памятник – Номоканон – не был «чист» и ясен для применяющего его духовенства. Даже на его родине, очевидно, возникла потребность в более кратком и ясном изложении, следствием чего стало появление Синописа. Кроме того, помещенные в одном сборнике светские положения Номоканона зачастую были представлены противоречивыми законодательными актами разных императорских династий. Церковными канонами было затруднительно пользоваться и потому, что они были размещены не в тематическом порядке, а под именами святых отцов или церковных соборов.

Как представляется, указанный факт следует расценивать как одну из причин, по которой Русская православная церковь не могла оказать на общество всеобъемлющего воздействия. Как следствие, неясные фрагменты и трудности в пользовании Номоканоном потребовали от светской власти соответствующей адаптации и дополнения. Его русский перевод, дополненный актами русских князей, а позднее и царей, получил название Кормчей книги². Её глава 50 «О тайне супружества» была полностью посвящена брачному праву. В частности, в её первой части содержалось общее понятие брака, а также руководство для приходских священников по порядку его свершения. Вторая часть включала в себя сведения о степенях кровного родства и свойствах, при наличии которых запрещено или дозволено вступление в брак. Перечень условий для оспаривания законности заключения брака содержался в третьей части указанной главы.

¹ Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2016.

² Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 267.

Однако сложности в применении на русской почве норм византийского канонического права неизбежно приводили к тому, что дополнение их нормами княжеских законов в целях разъяснения и адаптации к российским реалиям оборачивалось разительным противоречием по отношению к предписаниям церковных иерархов. Например, в соответствии со ст. 32 «Закона судного людем», входящего в состав Кормчей книги, такой тяжелый недуг, как проказа являлся поводом к разводу¹. В уставе же князя Ярослава Владимировича о церковных судах «лихой недуг» поводом к разводу не является². Новгородское «Правосудие митрополичье» на рубеже XV-XVI в. в. вновь санкционировало развод по этой причине³. По-разному оценивается растрата имущества жены в качестве повода к разводу. Новгородский епископ Нифонт в своих ответах Кирику, Савве и Илье признаёт её таковым⁴, однако русский перевод Номоканона отражает противоположную позицию⁵.

Такая неопределенность и явные расхождения в оценках ряда ключевых вопросов брачных отношений предопределили распространённость традиций и норм обычного права периода языческой Руси. Представляется, что эти нормы были понятнее и проще для исполнения, чем и определили живучесть народных обрядов. Некоторые из них даже получили формальное закрепление. Так, Пространная редакция Устава князя Ярослава установила юридическую ответственность за нарушение условий брачного сговора. Кроме того, заключение брака после Крещения Руси должно было происходить в форме церковного венчания, однако при этом сохранялись и традиционные языческие формы заключения брака: «умычка» (похищение), покупка невесты, приведение. И это при том, что официально нормы христианской этики не допускали языческих обрядов.

Таким образом, как показывает исследование, система нормативного регулирования брачно-семейных отношений в Древней Руси зарождалась и развивалась под влиянием церковного, светского и обычного права. Большую роль в формировании основ данного рода правоотношений сыграла восточнославянская государственность, ко-

¹ Кормчая: Напеч. с ориг. Патриарха Иосифа. Ч. 1-2. М., 1912-1913. С. 889.

² Древнерусские княжеские уставы XI-XV веков. М., 1976. С. 87.

³ Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 427.

⁴ Русская историческая библиотека. Т. VI. Стлб. 48.

⁵ Кормчая... С. 592-594.

торая в целях поднятия своего авторитета и централизации власти быстро (по историческим меркам) вступила в союз с Византийской православной церковью. Однако крещение Руси в X веке, как можно было бы это предположить, не смогло ни полностью устранить языческие брачно-семейные обычаи и обряды, ни обеспечить безраздельное доминирование реципированного из Константинополя канонического права. Значение последнего, на наш взгляд, вообще не следует преувеличивать. Проведённый анализ показал, насколько велико было участие народной культуры и традиционных духовных ценностей в формировании семейных устоев, в которых в процессе христианизации Руси были вынуждены преломляться установки новой государственной религии.

Вместе с тем необходимо признать, что ряд традиционных духовных контентов языческой эпохи не просто был воспринят православием, но и получил дальнейшее развитие со стороны церкви. Так, например, полнота власти мужа, утвердившаяся в языческом сознании древнерусского общества практикой веков, получила ещё большее обоснование после введения христианства. Христианская церковь с особенной силой отстаивала обязательность свободной воли брачующихся и, в этом смысле, также демонстрирует преемственность по отношению к древнерусскому обычному праву, для которого согласие в браке и в язычестве уже было нормой. Важно, что под воздействием новых социокультурных факторов начал меняться и облик семьи. Она из сугубо кровнородственной общности стала трансформироваться в союз, на который государство возложило не только хозяйственные, но и воспитательные задачи. Всё это позволяет судить о том, что формирование семейного «очага», формирующего духовные ценности и личную «экосистему» ребёнка, произошло существенно раньше того периода, с которым соотносят этот процесс Д.А. Столяров и Г.В. Банникова¹.

Важным, с методологической точки зрения для дальнейшего изучения вопроса, выводом является положение о том, что система правового регулирования брачно-семейных отношений, сложившаяся в

¹ Столяров Д.А., Банникова Г.В. Гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетних детей в бракоразводном процессе: состояние и перспективы развития // Вестник Международного юридического института. 2016. № 3 (58). С. 5.

начальный период развития русского государства, стала исходной основой, определившей специфику эволюции семьи и брака в последующие эпохи. При этом нет оснований говорить о том, что эта эволюция опиралась исключительно на духовно-национальные представления, или, напротив, являлась продуктом внешнего заимствования. Думается, что для научно обоснованного понимания сущности семейного права необходимо рассматривать его как сложное гибридное явление, несущее на себе отпечаток длительного исторического процесса и перманентных изменений феномена семьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М., 2002; Гражданское право: Учебник: В 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2005. Т. 3.
2. Бурданова Н.А. Правовое регулирование отношений в сфере семьи и брака как предмет исследований ученых Российской империи в XVIII-XIX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4 (52).
3. Дементьева Т.Ю. Семейное и наследственное право в Киевской Руси (IX-XII вв.): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2006.
4. Древнерусские княжеские уставы XI-XV веков. М., 1976.
5. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909.
6. Кормчая: Напеч. с ориг. Патриарха Иосифа. Ч. 1-2. М., 1912-1913.
7. Левшин Э.М. Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России: дис. ...канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2003.
8. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 1. СПб., 1851.
9. Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955.
10. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2016.
11. Полянский П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 2.

12. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

13. Русская историческая библиотека. Т. VI: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908.

14. Столяров Д.А., Банникова Г.В. Гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетних детей в бракоразводном процессе: состояние и перспективы развития // Вестник Международного юридического института. 2016. № 3 (58).

15. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России: по изд. 1893 г. М.: Статут, 2003.

Бочкарев Михаил Викторович,

студент 1 курса магистратуры

Международного юридического института

Bochkarev M. V.

first year master's student International Law Institute

**ПРИМЕНЕНИЕ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
THE USE OF SALE AND PURCHASE CONTRACT
IN THE DIGITALIZATION AGE**

Аннотация. В данной статье представлен анализ теоретического и нормативного содержания существенных условий договора купли-продажи в условиях цифровизации. Рассмотрено понятие смарт-контрактов, определена сфера их применения. Также определены перспективы развития цифрового права в сфере торговли.

Abstract. The article provides an analysis of theoretical and regulatory content of the essential terms of the sale and purchase contract in the digitalization age. The concept of smart-contracts and the scope of their applicability were reviewed in the article. The prospects for future development of digital law in the field of commerce were defined.

Ключевые слова: цифровизация, смарт-контракт, цифровое право, договор розничной купли-продажи, договор дистанционной купли-продажи, существенные условия, оплата товара, предмет договора, количество и цена.

Key words: digitalization, smart-contract, digital law, retail contract, remote purchase and sales agreement, essential terms, payment for goods, subject matter of a contract, quantity and price.

В настоящее время весь мир охвачен идеей цифровой трансформации. Сейчас практически любое государство цифровизует свою экономику, государственные услуги, в обиход уже давно вошёл термин «цифровизация производства». Не обошла цифровизация стороной и торговые отношения.

Сейчас уже довольно трудно представить себе какую-либо торговую компанию, которая бы осуществляла свою деятельность без интернет-сайта или хотя бы страницы в социальной сети. Это обусловлено тем, что на просторах Интернета и, в частности, в социальных сетях постоянно находится не один миллиард человек, поэтому продвигать там свои услуги очень эффективно. Уже сформировались целые отрасли экономики, где построение бизнеса основано на интернет-торговле. Ярким примером является известный во всём мире ритейлер AliExpress.

Таким образом, в настоящее время все большее количество людей использует дистанционный способ приобретения товаров, который исключает традиционное непосредственное ознакомление потребителя с товаром. Распространение данной формы розничной продажи товаров обусловлено во многом стремительным развитием глобальной сети Интернет, где любой желающий имеет возможность заказать товары на дом, в то время как сам продавец, предоставляющий их, может находиться даже в другой стране.

Поскольку цифровизация прочно входит в отношения купли-продажи, то государство вынуждено регулировать данные отношения. Пример тому Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹.

По мере перехода к цифровизации возникли основания для появления новых форм контрактов. В середине девяностых годов прошлого века были разработаны концепции самоисполнимых цифровых контрактов. Они были названы смарт-контрактами (smart contract – умный

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

контракт), представляющими собой набор обещаний, выраженных в цифровой форме, которые включают в себя набор протоколов, согласно которым стороны контракта выполняют свои обещания. Смарт-контракт – это процедура, происходящая в автоматическом режиме, в который невозможно вносить какие-либо изменения, но можно предусмотреть развитие множества вариантов событий. Обязательное условие существования смарт-контракта – наличие среды исполнения.

Сейчас смарт-контракты задействованы в разнообразных блокчейн-системах. Одна из самых известных – система Ethereum, проработанная под данную технологию. Оракул – программа, находящаяся не в блокчейн-системе, а генерирующая в неё входные данные, в качестве которых используются как физические, так и цифровые данные. В самом примитивном виде смарт-контракт можно представить в виде торгового автомата. За внесённую монету автомат выдаёт шоколадный батончик. Данные действия представляют собой сделку, подразумевающую покупку товара за фиксированную стоимость. От классического контракта данный контракт отличается тем, что автомат самостоятельно выполняет сделку.

На практике все взаимоотношения при товарно-денежном обороте реализуются в виде контрактов. Смарт-контракты привлекательны тем, что условия сделки остаются неизменными, независимо от того, доверяют участники сделки друг другу или нет. Наглядный пример этому – сервис по защите покупателей на AliExpress (escrow-служба). При заказе покупателем товара стоимость товара сразу же списывается со счета покупателя, однако на счёт продавца данные средства не поступают до подтверждения покупателем получения заказанного товара, или пока не пройдет определённое время.

Вместе с тем, смарт-контракты являются достаточно рискованными сделками. Так, встречаются ошибки при их разработке. Это связано с тем, что отсутствует формализация правил при написании смарт-контрактов, а также отсутствуют правила их верификации. Так, одной из проблем может выступать потеря доступа. Работа с блокчейн строится на том, что авторизация в системе происходит путём использования закрытого фрагмента криптографического ключа. При утере этой части ключа восстановить её уже невозможно.

Другой проблемой является отсутствие правового поля при работе со смарт-контрактами. Государственная Дума приняла в весеннюю сессию 2019 года федеральные законы, ориентированные на регулирование цифровой экономики, включающие и регламентирующие фор-

мат проведения гражданско-правовых сделок в электронном поле, регулирующие цифровые финансовые активы, регламентирующие генерацию финансового ресурса на основе цифровых технологий¹.

В Государственную Думу внесён также законопроект о криптовалютах, токенах и смарт-контракте². В указанном законопроекте в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ) определяется понятие «цифровое право», которое представляет собой набор электронных данных, определяющих права на такие объекты гражданских прав, как вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг и исключительные права. оборот цифровых прав ведётся лишь через записи в информационную систему. В настоящее время под цифровым правом понимается токен в блокчейне, обеспечивающий права собственнику пароля.

Понятие «цифровое право», закреплённое в ГК РФ, очерчивает его положение в комплексе объектов гражданских прав, институционализирует операции с этим объектом, включая и его куплю-продажу, защищает граждан и юридические лица, регламентируя процедурные моменты по сделкам с цифровыми правами.

По мере активного внедрения цифровых средств связи, таких как электронная почта, Интернет, видеоканалы, на торговом рынке возникло много способов по продаже и продвижению товаров, которые ранее не были известны. В частности, появились телемагазины, интернет-сайты. Все большее распространение получает «договор розничной купли-продажи дистанционным способом»⁴.

Дистанционная розничная продажа выступает подвидом обычной розничной купли-продажи. В этой связи обязательным условием является использование товаров для домашнего семейного использования,

¹ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 27 февраля 2019 г. № Пр-294) // СПС «КонсультантПлюс».

² Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ Белова О.А. Правовая природа договора дистанционной розничной купли-продажи: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 14.

которые находятся в свободном обороте и не используются при осуществлении предпринимательской деятельности.

В отличие от договора розничной купли-продажи предмет дистанционной розничной торговли значительно сужен. Так, запрещена продажа дистанционным способом алкогольной продукции, табачной продукции¹, а также товаров, свободный оборот которых запрещен или ограничен законодательством Российской Федерации. Например, для розничной торговли оружием необходимо получить специальное разрешение, дистанционная продажа такого товара прямо запрещена законом.

Отдельными исследователями в предмет торговли включаются и действия сторон, и вещи (деньги)². Представляется правильным рассматривать предмет договора розничной дистанционной купли-продажи, как он указан в законодательстве – товар. О.А. Белова выделяет следующие признаки предмета дистанционной торговли:

- 1) товар или товар и услуга, сопутствующая товару;
- 2) товар – продукция, свободно находящаяся в обороте;
- 3) товар не запрещен к дистанционной продаже;
- 4) товар приобретает для личного потребления, не связанного с осуществлением предпринимательской деятельности. Определяющим является количество предлагаемого к продаже товара³.

Вопрос законности дистанционной торговли некоторыми товарами, свободно продаваемыми в розничных магазинах, до сих пор законодательно не урегулирован. Так, оборот драгоценных металлов осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»⁴ (далее – За-

¹ Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 721.

² Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. М.: Статут, 1999. С. 232 – 233.

³ Белова О.А. Правовая характеристика существенных условий договора дистанционной купли-продажи, определяющих его место в системе договоров купли-продажи // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 110 – 115.

⁴ Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1463.

кон о драгоценных металлах). В соответствии с действующим законодательством дистанционная торговля ювелирными изделиями признается незаконной. Большинство исследователей причисляют ювелирные изделия к объектам гражданских прав, ограниченным в обороте, соответственно, дистанционная розничная торговля такими товарами нелегальна.

Однако существует противоположная позиция. Как отмечает К.М. Омаркадиева, для законной торговли ювелирными изделиями как традиционным способом, так и дистанционно необходимо выполнить обязательные требования, указанные в п. 1 ст. 4 Закона о драгоценных металлах, где сказано, что добыча драгоценных металлов или драгоценных камней может осуществляться исключительно организациями, имеющими специальные разрешения.

Можно проследить также, что в Указе Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179¹ (далее – Указ Президента РФ № 179) четко определен запрещенный к дистанционной продаже предмет – драгоценные камни и изделия из них. Однако понятия «драгоценные камни и изделия из них» и понятие «ювелирное изделие» не являются тождественными друг другу. Законодательство разграничивает критерии отнесения товаров к изделиям из драгоценных металлов или к ювелирным изделиям. Соответственно, можно сделать вывод, что именно на ювелирные изделия ограничения дистанционного оборота не распространяются.

Косвенным подтверждением правильности этого толкования может являться Уголовный кодекс Российской Федерации², в ст. 191 которого (о наказании за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней и жемчуга) предметом преступлений являются драгоценные металлы в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных и других бытовых изделий и лома таких изделий.

Как отмечают некоторые исследователи, дистанционная продажа будет считаться совершенно законной при соблюдении следующих условий:

¹ Указ Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» (ред. от 30.12.2000) // Российская газета. 1992. 16 марта.

² Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

1) организация-продавец разместила на своем интернет-сайте положение о том, что информация о предлагаемой к покупке продукции носит чисто ознакомительный характер;

2) продажа продукции возможна лишь после непосредственного ознакомления потребителя с товаром, т.е. возможности детально рассмотреть выбранное ювелирное изделие, при этом покупатель не должен обязательно находиться в ювелирном магазине¹.

Вопрос о признании законности такой торговли и устранении законодательных пробелов неоднократно поднимался. Так, в настоящее время подготовлен проект президентского указа «О внесении изменений в перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена»². В одном из первых его абзацев предлагается исключить из списка такие товары, как «ювелирные изделия из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, а также сертифицированные ограненные драгоценные камни».

Следующая область торговли, требующая рассмотрения – фармацевтика. В настоящее время реализация лекарственных препаратов осуществляется через аптечные сети, владельцы которых получают лицензии на занятие фармацевтической деятельностью. В соответствии с нормами законодательства Российской Федерации запрещена продажа лекарственных препаратов и медицинских изделий через Интернет. При этом в законе, регулирующем дистанционную торговлю, не содержится перечень запрещенных к дистанционной продаже товаров. Согласно Указу Президента РФ № 179, не допускается свободная реализация лекарств, за исключением лекарственных трав.

Так же, как и с ювелирными изделиями, аптеки не имеют права распространять товары удаленно, но могут предоставлять информацию о продаваемых товарах на своих интернет-сайтах. Так, покупатели могут узнать время работы аптеки, почитать инструкцию к лекарствам, узнать о наличии лекарств в том или ином розничном магазине и даже забронировать (оформить на предварительный заказ) попра-

¹ Омаркадиева К.М. Некоторые вопросы регулирования дистанционной продажи ювелирных изделий // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 55 – 57.

² Проект Указа Президента РФ «О внесении изменений в перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» (по состоянию на 10.08.2018) (подготовлен Минэкономразвития России) // СПС «КонсультантПлюс».

вившийся продукт. Тем не менее, приобрести товар можно только в самой аптеке¹.

Далее следует рассмотреть вопрос дистанционной торговли алкогольной продукцией. Дистанционная продажа алкогольной продукции запрещена Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»² и п. 5 Правил продажи товаров дистанционным способом³ (далее – Правила).

Нужно отметить, что Верховный Суд РФ указал, что, заключая дистанционный договор купли-продажи алкогольной продукции, невозможно убедиться в достижении покупателем 18 лет, проверить удостоверяющие личность документы, а между тем продажа алкоголя несовершеннолетним запрещена и в привычных розничных магазинах⁴. Также довольно сложно проконтролировать исполнение запрета о продаже алкогольной продукции ночью. На практике продавцы, стремясь обойти такой абсолютный запрет, придумывают различные схемы дистанционной продажи алкогольной продукции. Так, на некоторых сайтах можно встретить предложение купить некую вещь и получить в подарок бутылку алкоголя. В данном случае речь идет о притворной сделке с целью прикрыть реальную цель – продажу алкогольной продукции.

В целях легализации торговли алкогольной продукцией дистанционным способом, устранения трудностей в идентификации покупателя Министерство финансов РФ разработало и направило на согласование в федеральные органы исполнительной власти проект федерального

¹ Гришина О.П. Сайт аптечной организации // Аптека: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 6. С. 20 – 28.

² Федеральный закон от 22.11.1999 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

³ Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» (ред. от 04.10.2012) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4894.

⁴ Ячменев Г. Г. Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2014 № 47 // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 87 – 148.

закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” (в части осуществления розничной продажи алкогольной продукции дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»)»¹.

С появлением смартфонов возрос спрос на мобильные приложения (графические, игровые, аудиоприложения), однако вопрос правового регулирования такого предмета купли-продажи до сих пор остается дискуссионным. На данный момент, приобретая мобильное приложение, аудиозапись, фильм, потребитель заключает лицензионное соглашение, в котором закреплены правила использования такого предмета. Например, в лицензионном договоре о праве пользования мобильным приложением могут быть закреплены следующие правила использования: запрещаются перепродажа, копирование, распространение, передача, изменение и создание производных работ на основе приложения, а также извлечение исходного кода².

Соглашение по приобретению цифрового контента отличается от договора оказания услуг тем, что интересы потребителя удовлетворяются за счет его собственных действий, а не действий исполнителей. Спорным является вопрос о применении к правоотношениям по покупке цифрового контента законодательства о защите прав потребителя, применении норм о дистанционной купле-продаже. В настоящий момент правовые нормы, регулирующие защиту потребителя от наиболее вероятных рисков при покупке цифрового контента, отсутствуют. Потребитель лишен возможности предъявить требования, претензии по качеству согласно заявленному описанию такого цифрового контента. В результате законодательных пробелов в правовом регулировании договора по приобретению цифрового контента не представляется возможным определить правовой статус создателя мобильного

¹ Маслова А. Проблема определения предмета дистанционной купли-продажи товаров, или чем можно торговать дистанционно в розницу // Юстиция. 2019. № 1. С. 39 – 40.

² Кузнецова Н.Г. Особенности приобретения мобильных приложений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 2. С. 73 – 83.

приложения и организации, выступающей посредником, а также их обязанности и права в отношении покупателя.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что правовое регулирование отношений купли-продажи с применением современных цифровых технологий в настоящее время достаточно активно развивается, что является, безусловно, важным фактором для дальнейшего развития системы удаленной коммерческой деятельности и, как следствие, стимулом к развитию экономики государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

4. Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1463.

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

6. Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 721.

7. Указ Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» (ред. от 30.12.2000) // Российская газета. 1992. 16 марта.

8. Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным спосо-

бом» (ред. от 04.10.2012) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4894.

9. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 27.02.2019 № Пр-294) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Проект Указа Президента РФ «О внесении изменений в перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» (по состоянию на 10.08.2018) (подготовлен Минэкономразвития России) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Белова О.А. Правовая природа договора дистанционной розничной купли-продажи: дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. 553 с.

13. Белова О.А. Правовая характеристика существенных условий договора дистанционной купли-продажи, определяющих его место в системе договоров купли-продажи // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 110-115.

14. Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. М.: Статут, 1999. 284 с.

15. Гришина О. П. Сайт аптечной организации // Аптека: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 6. С. 20-28.

16. Кузнецова Н.Г. Особенности приобретения мобильных приложений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 2.

17. Маслова А. Проблема определения предмета дистанционной купли-продажи товаров, или чем можно торговать дистанционно в розницу // Юстиция. 2019. № 1. С. 36-45.

18. Омаркадиева К. М. Некоторые вопросы регулирования дистанционной продажи ювелирных изделий // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 55-57.

19. Ячменев Г. Г. Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2014 № 47 // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 87-148.

Ворона Татьяна Геннадьевна,
студентка 3-го курса магистратуры
Международного юридического института
Vorona T.G.

3rd year graduate student International legal institute

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ)

OBSERVANCE OF RIGHTS FOR CITIZENS AT BANKRUPTCY

Аннотация. В данной статье рассматриваются процедуры при банкротстве гражданина с отражением их особенностей.

Abstract. In this article procedures are examined at bankruptcy of citizen with the reflection of their features.

Ключевые слова: банкротство, кредитор, конкурсная масса, реструктуризация долгов, реализация имущества, залог.

Key words: bankruptcy, creditor, bankruptcy asset, restructuring of debts, realization of property, mortgage.

Отношения, связанные с банкротством граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, предусмотрены п.1 ст. 213.1. Закона о банкротстве и регулируются параграфами 1.1. и 4 гл. X настоящего Закона. Правила о банкротстве гражданина не применимы к должнику (физическому лицу), который одновременно является индивидуальным предпринимателем или главой крестьянско-фермерского хозяйства.

В Законе о банкротстве отсутствует понятие «неоплатность». В свою очередь, данный термин содержит в себе термин «недостаточность имущества», под которым понимается превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника. Основным из главных оснований признания гражданина банкротом является наличие неисполненных обязательств перед кредиторами и уполномоченным органом в размере не менее 500 тыс. руб. в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. Ана-

лиз сайта Арбитражного суда Приморского края позволил установить, что в 70 случаев из 100 основанием для обращения в судебный орган с заявлением о признании гражданина банкротом являются неисполненные денежные обязательства гражданином перед кредитными организациями.

Закон о банкротстве не содержит ограничений для признания иностранных граждан и лиц без гражданства банкротами российскими государственными арбитражными судами по правилам данного закона. При этом из постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2018 №09АП-67584/2017-АК по делу №А40-201656/17 следует, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами, кроме случаев, установленных законом.

Законом о банкротстве предусмотрены случаи, когда обращение гражданина в суд с заявлением о признании себя банкротом является не обязанностью, а правом, об этом говорится в п.2 ст. 213.4. Воспользоваться данным правом возможно в том случае, если должник предвидит свое банкротство и имеются такие обстоятельства, которые напрямую свидетельствуют о том, должник не в состоянии исполнить обязательства полностью или частично в установленные сроки. Так, например, потеря работы и отсутствие стабильного заработка могут свидетельствовать о наличии таких обстоятельств.

Производство по делу может быть возбуждено и после смерти должника. Во время процедуры обязательства перед кредиторами принимают на себя наследники гражданина, а пересмотр определения о завершении процедуры реализации имущества не допускается. Следует отметить, что банкротами наследники не становятся, а выступают как заинтересованные лица в деле. Относительно их правового положения действуют нормы гражданского права, регулирующие институт наследства.

Реструктуризация долгов – это первичный этап во всем процессе банкротства. Данная процедура обычно применяется с целью восстановления платежеспособности должника и погашения задолженности перед кредиторами с помощью плана реструктуризации долгов, если он будет предоставлен непосредственно самим должником на утверждение суду. Так как в судебной практике в настоящее время план реструктуризации не полностью понят и освоен субъектами, участвующими в деле о банкротстве, процедура реструктуризации вводится

первым этапом не так часто, как реализация имущества. Это также говорит о том, что кредиторы по большей части не видят оснований или не заинтересованы в предоставлении отсрочки¹.

Помимо этого, большинство заявлений о признании гражданина несостоятельным (банкротом), рассматриваемых арбитражными судами, содержат требование о введении в отношении гражданина процедуры реализации имущества. Следует считать, что это вызвано тем, что у гражданина отсутствует возможность исполнить обязательства перед кредиторами даже в течение трех лет (максимальный срок погашения задолженности при процедуре реструктуризации долга), стоимость имущества меньше, чем задолженность по обязательствам, т.е. восстановление платежеспособности должника уже невозможно.

План реструктуризации долгов гражданина представляет собой перечень и экономическое обоснование ряда мероприятий, направленных на получение в ходе его реализации денежных средств, достаточных для пропорционального удовлетворения требований кредиторов. Задачей должника в период реализации плана реструктуризации долгов является получение достаточных денежных средств для пропорционального погашения в денежной форме требований и процентов на сумму требований всех конкурсных кредиторов и уполномоченного органа в максимально возможном размере.

Следует отметить важный аспект: для того, чтобы собранием кредиторов был одобрен проект плана, нужно, чтобы процент суммы, подлежащей удовлетворению по плану, был выше, чем процент суммы в результате реализации имущества должника. В таком случае кредиторы будут более заинтересованы в утверждении плана, а должник не приобретет статус банкрота и к нему не будут применены последствия банкротства. Положения о реализации имущества гражданина регулируются ст. ст. 213.24-213.30 Закона о банкротстве.

В процедуре реализации имущества формируется конкурсная масса. В нее входит все имущество гражданина, за исключением предусмотренного ст. 446 ГПК РФ.

При наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется су-

¹ Кондратьева И.А. Первый опыт: закону о банкротстве физлиц исполнился год./ Информационно-правовой портал Право.ru [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/story/view/134218/>.

дом, рассматривающим дело о банкротстве, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище самого гражданина-должника и членов его семьи, в том числе, находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, обеспечения указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав¹. В соответствии с ч.1 ст. 446 Гражданского процессуального Кодекса РФ, взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на единственное жилье должника, а также денежных средств в размере прожиточного минимума, установленного в его регионе, на самого должника и лиц, находящихся на его иждивении.

Хотелось бы обратить внимание на исключение из конкурсной массы недвижимого имущества, обеспеченного залогом. Так, в рамках дела о банкротстве Попова Р.А. №А05-3506/2016 определением суда первой инстанции отказано в удовлетворении ходатайства должника об исключении квартиры, обеспеченной залогом, из конкурсной массы. Суды апелляционной и кассационной инстанций решение суда первой инстанции оставили без изменения.

В свою очередь, Определением Верховного суда Российской Федерации от 13.06.2019 дело №307-ЭС19-358 вышеуказанные решения отменены, позиция Верховного суда сводится к тому, что наличие у недвижимого имущества свойств единственного пригодного для постоянного проживания гражданина-банкрота помещения, не влечет его исключение из конкурсной массы, если оно является предметом действующей ипотеки. Между тем, если кредитор по требованию, обеспеченному залогом единственного жилья, не предъявил это требование должнику в рамках дела о банкротстве либо обратился за установлением статуса залогового кредитора с пропуском установленного законом срока, то у данного кредитора отсутствует право на удовлетворение своих требований за счет предмета залога².

Активное участие в процедуре банкротства граждан стали принимать кредиторы, чьи требования обеспечены залогом. За период сбора

¹ О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 №48 // [Электронный ресурс] URL: <https://consultant.ru/>

² Определение Верховного суда РФ №307-ЭС19-358 от 13.06.2019г. С. 3-4.

данных (с 16 октября 2018 года) уровень возврата средств кредиторов, чьи требования обеспечены залогом, по итогам процедур реализации имущества составил 1,15 млрд. руб. или 22% от суммы таких же включенных в реестры требований (последние – 5,224 млрд. руб.)¹.

Следует отметить преимущества залогового кредитора в отличие от обычного кредитора – это то, что он имеет возможность реализовать заложенное имущество с целью возврата своих денежных средств в первоочередном порядке, поскольку его право требования обеспечено залогом. В случае отсутствия предмета залога затрудняется процесс оценки, реализации данного имущества, в связи с чем, как правило, процедура банкротства затягивается на неопределенный срок.

В Законе о банкротстве под оспаривание сделок выделена целая глава III.1, в которой подробно определяются критерии, основания оспаривания сделок при банкротстве физических и юридических лиц. Мероприятия по оспариванию сделок проводятся, как правило, финансовым управляющим, конкурсными кредиторами или уполномоченным органом в период процедуры реализации имущества гражданина. Основной целью оспаривания сделок в рамках дела о банкротстве является возврат в конкурсную массу активов должника, которые могут быть реализованы с целью удовлетворения требований кредиторов.

Согласно статистическому бюллетеню ЕФРСБ по состоянию на 31.12.2018 года, количество принятых заявлений о признании сделок должника недействительными, поданных в суд в соответствии с главой III.1, в 2018 году составило 8 607, что по сравнению с 2017 годом на 1 506 заявлений больше, а в сравнении с 2016 годом рост заявлений составил 3 020, что свидетельствует о том, в настоящее время оспаривание сделок при банкротстве является актуальным вопросом. При этом о неэффективности и безрезультатности оспаривания сделок также говорит статистический бюллетень ЕФРСБ за 2018 года, согласно которому из 8 607 заявлений, поданных в суд об оспаривании сделок, было удовлетворено 3 234, т.е. менее 50%.²

¹Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/74ebca6e-4270-4217-8819-653e76d021a8>

²Статистический бюллетень ЕФРСБ на 30.06.2018 (2018) // Федресурс. [Электронный ресурс]URL: [https:// URL: https://fedresurs.ru / news / 5bd49902-7344-4f03-a63e-344994816c5df](https://URL: https://fedresurs.ru / news / 5bd49902-7344-4f03-a63e-344994816c5df).

Если все мероприятия, предусмотренные процедурой, выполнены, расчеты с кредиторами завершены (при наличии конкурсной массы) и нет обстоятельств, препятствующих признанию задолженности погашенной, финансовый управляющий обращается в суд с отчетом и ходатайством о завершении процедуры реализации имущества.

Довольно часто встречаются случаи банкротства семей. Так, например, должники по делам № А51-3179/2019 и № А51-3180/2019¹ являются законными супругами. Они одновременно подали заявления о признании несостоятельности, попали к разным судьям, однако в отношении обоих была введена процедура реструктуризации долгов гражданина.

Существует также практика, когда источники формирования конкурсной массы отсутствуют, равно как и имущество, подлежащее реализации, официального дохода у гражданина нет или он существует, но полностью исключен из конкурсной массы. В качестве примера можно привести дело № А51-975/2019. В определении указано, что конкурсная масса не сформирована, однако все мероприятия, предусмотренные процедурой, выполнены, и суд счел возможным завершение реализации имущества и признание требований кредиторов погашенными².

Есть определенные случаи, когда задолженность погашенной не признается. К ним относятся:

- 1) неправомерные действия должника при банкротстве, фиктивное банкротство;
- 2) незаконные, мошеннические действия должника (пункты 45, 46 Постановления от 13.10.2015 № 45)³.

В качестве примера можно привести дело № А51-2861/2016. Должник был признан виновным в совершении мошеннических действий (Ч. 3 ст. 159.2 УК РФ). Был нанесен ущерб Российской Федерации –

¹ Картотека Арбитражного суда Приморского края: официальный сайт Арбитражного суда Приморского края. [Электронный ресурс] URL: <http://kad.arbitr.ru/>

² Определение Арбитражного суда Приморского края по делу №А51-975/2019 от 09.09.2019г. С. 2.

³ О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015г. № 45 // Собрание Законодательства РФ. 2015. № 12.

Отделу пенсионного фонда РФ по г. Фокино Приморского края¹. В итоге Арбитражный суд Приморского края определил завершить процедуру реализации имущества, однако не освободить от исполнения обязательств, предусмотренных п. 4,5 ст. 213.28 Закона о банкротстве.

Последствия признания гражданина банкротом таковы:

1) в течение пяти лет при принятии обязательств по кредитным договорам займа гражданин обязан указывать факт своего банкротства;

2) при повторном признании гражданина банкротом в течение пяти лет по заявлению кредитора (сам гражданин в этот период заявление подать не может) правила п. 3 ст. 213.28 Закона о банкротстве не применяются, а на неудовлетворенные требования выдаются исполнительные листы;

3) должник не вправе занимать руководящую должность в юридическом лице в течение трех лет.

Это довольно существенные ограничения, особенно для владельцев мелкого бизнеса. Однако, если у гражданина испорчена кредитная история и без банкротства, такому редко дают кредиты. Правда, отличаются от возможностей банков возможности микрофинансовых организаций. Они и в процедуре банкротства могут выдать кредит.

В соответствии с вышеизложенным можно прийти к выводу, что реализация имущества – заключительный этап банкротства гражданина, в котором формируется конкурсная масса и совершаются расчеты с кредиторами. Реализация имущества особенно удобна для лиц, у которых отсутствует имущество и нет официального дохода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», СПС «КонсультантПлюс».

2. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2018 г. № 48 // Российская газета. 2019 г. № 1.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие проце-

¹ Определение Арбитражного суда Приморского края по делу № А51-2861/2016 от 31.01.2017г. С. 6.

дур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», СПС «КонсультантПлюс».

4. Кондратьева И.А. Первый опыт: закону о банкротстве физлиц исполнился год./ Информационно-правовой портал Право.ru [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/story/view/134218/>.

5. Статистический бюллетень ЕФРСБ на 30.06.2018 (2018) // Фед-ресурс. [Электронный ресурс] URL: <https://fedresurs.ru/news/5bd49902-7344-4f03-a63e-344994816c5df>.

6. Определение Верховного суда РФ №307-ЭС19-358 от 13.06.2019г. С. 3-4.

7. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/74ebca6e-4270-4217-8819-653e76d021a8>

8. Определение Арбитражного суда Приморского края по делу №А51-975/2019 от 09.09.2019г. С. 2./ Картотека Арбитражного суда Приморского края: официальный сайт Арбитражного суда Приморского края. [Электронный ресурс] URL: <http://kad.arbitr.ru/>

Григоренко Фаина Романовна,
студентка 2-го курса магистратуры
кафедры трудового права и предпринимательства
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Grigorenko F. R.

2nd year master student of the department
labor law and entrepreneurship
Federal State Autonomous Educational Institution
Higher Education Tyumen State University

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ
АВТОНОМНОЙ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**DISTRIBUTION OF PROFITS BETWEEN PARTICIPANTS OF
AN AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблематика существующего запрета распределения прибыли между участниками некоммерческих организаций. Обозначены смысловые разрывы между мыслью, идеей, пожеланиями законодателя и результатом деятельности некоммерческих организаций. Приведены косвенные способы полученного дохода участниками автономной некоммерческой организации.

Annotation. This article will discuss the problems of the existing prohibition of profit distribution between participants in non-profit organizations. The semantic gaps between the thought, idea, wishes of the legislator and the result of the activities of non-profit organizations are indicated. Indirect methods of income received by participants of an autonomous non-profit organization are given.

Ключевые слова: некоммерческая организация, предпринимательская деятельность, косвенное распределение прибыли, необоснованная налоговая выгода, финансовые отношения.

Key words: non-profit organization, entrepreneurial activity, indirect distribution of profit, unjustified tax benefit, financial relations.

В 2014 году в гражданское законодательство были внесены существенные изменения, которые определили юридически значимым деление организаций на корпоративные и унитарные. При этом сохранились универсальные критерии, подразделяющие юридические лица на коммерческие и некоммерческие¹. Одним из таких критериев классификации юридических лиц на коммерческие и некоммерческие является основная цель их деятельности. Коммерческий сектор создается с целью извлечения прибыли, в том числе, ее сохранения и максимального преумножения².

Гражданское законодательство не содержит специального определения «предпринимательская деятельность», оно используется в контексте пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ, согласно которому предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Для некоммерческого сектора, напротив, извлечение прибыли не является основной целью, в данном случае на первое место выходит достижение социально значимых уставных целей и задач.

Легальное определение некоммерческой организации содержится в пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – ФЗ №7-ФЗ), согласно которому некоммерческой организацией (далее – НКО) является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Организационно-правовые формы некоммерческих организаций перечислены в пункте 3 статьи 50 Гражданского кодекса

¹ Балашова Т. Н. Проблемы классификации юридических лиц на корпоративные и унитарные в действующем гражданском законодательстве Российской Федерации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. №1 (45). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-klassifikatsii-yuridicheskikh-lits-na-korporativnyye-i-unitarnye-v-deystvuyuschem-grazhdanskom-zakonodatelstve-rossiyskoy>

² Мельникова Н.А. Основания разграничения юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-razgranicheniya-yuridicheskikh-lits-na-kommercheskie-i-nekommercheskie-organizatsii>

Российской Федерации. Объединяет все формы некоммерческих организаций неприоритетное извлечение прибыли, точнее говоря, в рамках изменений 2014 г. в ГК РФ были внесены поправки, трансформировавшие упоминания, имевшиеся там ранее, о предпринимательской деятельности НКО в приносящую доход деятельность.

В соответствии с пунктом 4 ст. 50 ГК РФ некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. Наряду с вышеуказанными критериями разграничения коммерческих и некоммерческих организаций законодательно введен запрет на распределение прибыли между участниками некоммерческой организации. Тем самым, законодатель таким способом предпринял попытку отграничить деятельность некоммерческих организаций от коммерческой направленности и обозначил их социальную значимость.

Однако, вопреки перечисленным ограничениям, пункт 5 статьи 50 ГК РФ устанавливает, что некоммерческая организация, уставом которой предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности, за исключением казенного и частного учреждений, должна иметь достаточное для осуществления указанной деятельности имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью. Хотелось бы подчеркнуть, что именно для коммерческого сектора в качестве основополагающих признаков предпринимательской деятельности выделяют самостоятельную имущественную ответственность организаций: уставной капитал, субсидиарную ответственность и т.д. В данном случае, законодатель, предпринимая попытки отграничения деятельности коммерческих и некоммерческих организаций, одновременно при этом обеспечивает самостоятельную имущественную ответственность НКО, чем противоречиво приравнивает правовое положение абсолютно разных секторов.

Интересным кажется нам позиция А.А. Иванова: в Российской Федерации НКО довольно часто осуществляет коммерческую деятельность, причем в качестве основной, а иногда и вовсе – единственной¹.

¹ Иванов А.А. Бизнес-агрегаторы и право. Часть четвертая, юридическая. [Электронный

Таким образом, остается непонятной позиция законодателя, запрещающего распределение прибыли между участниками автономной некоммерческой организации. В частности, хотелось бы остановиться и рассмотреть положения законодательства, закрепляющие особенности правового регулирования деятельности автономной некоммерческой организации, в сравнении с другими организационно-правовыми формами НКО.

В качестве одной из отличительных особенностей АНО стоит выделить право на осуществление предпринимательской деятельности, соответствующую целям, для достижения которых создана указанная организация, закрепленное пунктом 2 статьи 10 ФЗ №7-ФЗ. Пункт 5 статьи 123.24 ГК РФ трансформировал в 2014 г. данную норму таким образом, что допускает осуществление предпринимательской деятельности АНО путем создания хозяйственных обществ или участия в них. Другими словами, ГК РФ в 2014 году закрепил специальные правила, касающиеся возможности осуществления АНО предпринимательской деятельности, в отличие от прежней нормы, устанавливающей общее правило, позволяющее такой организации непосредственно заниматься предпринимательской деятельностью. К тому же возникает вопрос, как будет разграничиваться предпринимательская деятельность, которую АНО может осуществлять только через хозяйственные общества, от приносящей доход деятельности, которую АНО вправе осуществлять самостоятельно.

Проблема заключается в том, что законодательство использует близкие по значению термины «предпринимательская деятельность», «деятельность, преследующая извлечение прибыли» и «деятельность, приносящая доход», не закрепляя различия их правового регулирования. В результате деятельность, приносящая доход, в зависимости от конкретной ситуации может признаваться предпринимательской, а может и не признаваться, так и оставаясь деятельностью, приносящей доход.

Верховный Суд РФ в своих разъяснениях по применению первой части ГК РФ, по сути, отождествил приносящую доход деятельность некоммерческих организаций с предпринимательской деятельностью, указав, что «на некоммерческую организацию в части осуществления приносящей доход деятельности распространяются положения зако-

pcypc]URL:https://zakon.ru/blog/2016/08/05/biznesagregatory_i_pravo_chast_che_tvyortaya_yuridicheskaya.

нодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность¹. Таким образом, отказ от использования термина «предпринимательская деятельность» обусловлен исключительно формальными признаками, при этом деятельность некоммерческих организаций и предпринимательская деятельность коммерческих юридических лиц по своей экономической природе и содержанию являются близкими до степени смешения.

Считаем уместным в данном случае обратить внимание на существующий правовой дисбаланс между нормами ФЗ №7-ФЗ и отдельными положениями Гражданского кодекса Российской Федерации. В частности, заметна расогласованность регулирования прав и обязанностей в ГК РФ с законными интересами участников АНО в силу новой редакции закона.

В аспекте действующего в российском праве запрета на распределение прибыли между учредителями АНО и отсутствия прав последних на имущество организации становится непонятно, в чем состоит «рыночная привлекательность» автономных некоммерческих организаций, и, судя по официальным данным, количество зарегистрированных НКО в организационно-правовой форме АНО с каждым годом возрастает. Можно лишь предположить, что она связана с возможностью косвенного распределения прибыли.

В качестве примера приведем следующие типовые ситуации.

1. $((\text{АНО} - \text{ИП}) - \text{Н}) = \text{П}$, где АНО – заказчик в лице автономной некоммерческой организации, ИП – исполнитель в лице индивидуального предпринимателя, Н – налоги, П – прибыль, подлежащая распределению между участниками. Согласно представленной формуле, заказчик с исполнителем заключили договор, в том числе, стороны надлежащим образом оформляют все передаточные акты. После этого заказчик перечисляет исполнителю доход в соответствии с условиями договора, и уже исполнитель после налогообложения переводит денежные суммы на счет физического лица.

В связи с применением исполнителем упрощенной системы налогообложения размер налогообложения полученного дохода составляет 6% от общей суммы, уменьшенный на обязательные страховые взносы (доходы). Применяемый предпринимателем вид налогообложения

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений разд. I ч. I Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015 (п. 21).

освобождает от уплаты ряда налогов, в частности, индивидуальные предприниматели не уплачивают НДФЛ в отношении доходов, полученных от предпринимательской деятельности (за исключением налога с дивидендов, а также с доходов, указанных в п. п. 2, 5 ст. 224 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ)). То есть, если заказчик выплатил исполнителю вознаграждение в общей сумме три миллиона рублей по договору в рамках предпринимательской деятельности исполнителя, сумма, подлежащая исчислению в бюджет, составит сто восемьдесят тысяч рублей (без учета уменьшения на суммы уплаченных в бюджет обязательных взносов).

Впрочем, если допустить возможность распределения прибыли между участниками АНО на законных основаниях, сумма, подлежащая уплате в бюджет, двукратно увеличится. Таким образом, логика законодателя остается для нас непонятной, так как НДФЛ и налог на прибыль организаций относятся к налогам, исчисляемым в федеральный бюджет.

Квалифицировать такие доходы в качестве необоснованной налоговой выгоды будет весьма сложно в связи с тем, что подтверждение формального документооборота и мнимость сделки необходимо будет еще и доказать. Обязанность доказывания таких обстоятельств возлагается на налоговые органы. А с учетом принципа состязательности сторон гражданско-правовых споров суд, в первую очередь, будет анализировать экономическую составляющую возникших формальных правоотношений, а не изучать признаки формальности сделки, оценит разумность и добросовестность действий сторон сделки.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 12.10.2006 №53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», налоговая выгода не может быть признана обоснованной, если получена налогоплательщиком вне связи с осуществлением реальной предпринимательской или иной экономической деятельности. Однако, если учесть многолетние договорные отношения сторон, надлежащим образом оформленные отчетные документы и предварительное планирование АНО указанных расходов, доказать необоснованность налоговой выгоды будет невозможно. Дополнительная сложность выявления необоснованной налоговой выгоды в отношении автономной некоммерческой организации заключается в том, что контролирующим органом для АНО является Министерство юстиции РФ и его территори-

альные органы, а затем уже налоговые и иные уполномоченные органы.

Отсюда следует, что правовые реалии на сегодняшний день таковы, что закрепленные нормы имеют и негативные последствия для государства в виде недополученных сумм налогов, исчисляемых в соответствии со статьей 13 Налогового кодекса РФ в федеральный бюджет.

Вторым и менее популярным способом косвенного распределения прибыли АНО является учет административных расходов, к примеру, увеличение заработной платы управленческому персоналу, которое прописывается в учетной политике АНО. При этом размер исчисляемого налоговым агентом НДФЛ с доходов работника-резидента нарастающим итогом с начала года составляет 13%, для нерезидентов применяется ставка 30 % от полученной суммы дохода. Примечательно, что именно из-за высокого размера налогообложения применение данного способа распределения прибыли является нежелательным.

Указанные примеры позволяют сделать вывод, что без уточнения позиции законодателя закрепленная в законодательстве норма, запрещающая распределять прибыль АНО, по своей сути, понуждает участников создавать механизмы косвенного распределения полученных доходов или прибыли. Приведенные ситуации возможных способов распределения прибыли не являются исчерпывающими, но на сегодняшний день они являются наиболее часто применяемыми.

Любопытно, что в ранее действовавшем законодательстве из рассматриваемого правила имелось одно исключение, которое касалось такой формы НКО как потребительский кооператив. Так, пунктом 5 статьи 116 части первой ГК РФ предусматривалось, что доходы, полученные потребительским кооперативом от предпринимательской деятельности, осуществляемой кооперативом в соответствии с законом и уставом, распределяются между его членами.

Резюмируя обозначенные несовершенства правового регулирования деятельности АНО, не совсем понятно, зачем законодатель стремиться отграничить некоммерческий сектор посредством применения непривычной нам терминологии. В связи с этим полагаем, что необходимо унифицировать два взаимосвязанных понятия «предпринимательская деятельность» и «приносящая доход деятельность». Применение различных понятий ведет к размытости и по итогу приводит к разночтениям, возникающим не только в процессе деятельности АНО,

но и в общей теории права, теории гражданского права и практике применения.

Касательно запрета распределения прибыли между участниками АНО, на наш взгляд, с учетом приведенного примера о реализации метода исключения в отношении потребительских кооперативов считаем возможным внедрение некоторых исключений из общего правила, допускающих распределение прибыли между участниками автономной некоммерческой организации. В противном случае бюджет продолжит терять существенные суммы налогов, при этом автономные некоммерческие организации продолжают применять способы косвенного распределения прибыли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тарасенко О.А. О предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Юрист. 2014. № 23. С. 15 – 18.
2. Звездина Т.М. К вопросу о соотношении понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2. С. 72 – 75.
3. Соيفер Т.В. Актуальные направления развития гражданского законодательства о некоммерческих организациях // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 8 - 10.
4. Сидорова Н. Г., Репина И. Б. Организационно-правовые формы некоммерческих организаций, организация управления, формы ответственности учредителей и участников // Вопросы экономики и права. 2016. №. 91. С. 26-28.
5. Гросул Ю.В. О праве некоммерческих организаций на занятие предпринимательской деятельностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 3. С. 18.
6. Дерюгина Т.В. Предпринимательская или приносящая доход деятельность некоммерческих организаций: проблемы гражданско-правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета, 2018. №3. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-ili-prinosyaschaya-dohod-deyatelnost-nekommercheskih-organizatsiy-problemy-grazhdansko-pravovogo](https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-ili-prinosyaschaya-dohod-deyatelnost-nekommercheskih-organizatsiy-problemy-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya)
7. Кольцова А. С. Восемь основных различий между коммерческими и некоммерческими организациями // Аллея науки. 2018. №. 1. С.292-294. URL: https://alleyscience.ru/domains_data/files/January111/VOSEM%2

00SNOVNYH% 20RAZLICHY% 20MEZH DU% 20KOMMERChESKIMI
% 20I% 20NEKOMMERChESKIMI% 20ORGANIZACIYaMI.pdf

8. Мухаметов Р.С. Некоммерческая организация как категория политической науки // Studia Humanitatis. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskaya-organizatsiya-kak-kategoriya-politicheskoy-nauki>

Максимов Дмитрий Геннадьевич,

студент магистратуры

Российского государственного

гуманитарного университета

Maximov D. G.

graduate student Russian state University for the Humanities

**ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ
ВНЕ РАМОК БАНКРОТСТВА**

**PROBLEMS OF ATTRACTION TO VICARIOUS LIABILITY
CONTROLLING PERSONS OUTSIDE THE SCOPE OF
BANKRUPTCY**

Аннотация. Статья посвящена возможности взыскания задолженности обществ с ограниченной ответственностью, исключенных из единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), с лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени, а также лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица.

Annotation. The article is devoted to the possibility of collecting the debt of limited liability companies excluded from the unified state register of legal entities (usr) from persons who by virtue of law, other legal act or constituent document of a legal entity are authorized to act on its behalf, as well as persons who have the actual ability to determine the actions of a legal entity.

Ключевые слова: должник, недействующее юридическое лицо, контролирующие должника лица, субсидиарная ответственность.

Key words: the debtor, inactive legal entity, controlling persons, vicarious liability.

Выбор темы настоящей статьи обусловлен актуальностью вопроса фактического взыскания задолженностей небольших компаний самой распространенной организационно-правовой формы – обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО). Минимальный размер уставного капитала ООО составляет всего 10 тысяч рублей, а стоимость чистых активов общества достаточно поддерживать всего лишь на этом же уровне (п. 1 ст. 14 и п. 4 ст. 30 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», далее – Закон об ООО)¹. Многие этим и ограничиваются, принимая, тем не менее, на себя обязательства стоимостью от нескольких тысяч до нескольких миллионов рублей. Конечно, можно говорить о необходимости более тщательного выбора и проверки контрагента перед заключением сделки или, по крайней мере, вступать в правоотношения с подобными ООО только на условиях полной предоплаты с их стороны. Однако жесткая конкуренция на рынке производства и реализации подавляющего большинства товаров вынуждает коммерсантов рисковать с целью во что бы то ни стало продать свой товар. После этого нередко фактическое взыскание денежных средств с прекративших деятельность и не имеющих ликвидного имущества ООО, так и не исполнивших своё встречное обязательство, становится долго и трудно выполнимой, а чаще всего нереальной задачей.

В акционерном обществе акционеры или другие лица, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по долгам общества в случае недостаточности его имущества, если несостоятельность (банкротство) общества вызвана действиями или бездействием данных лиц (п. 3 ст. 3 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»)².

¹ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» / Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 785.

² Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». / Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1.

В Законе об ООО имеется схожая норма о возможности привлечения к субсидиарной ответственности участников общества или других лиц (в случае недостаточности имущества общества), которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия при наступлении несостоятельности (банкротстве) общества (п. 3 ст. 3). Федеральным законом от 28.12.2016 № 488-ФЗ статья 3 Закона об ООО также была дополнена новой нормой (п. 3.1), позволившей кредиторам привлекать к субсидиарной ответственности лиц, указанных в пунктах 1 – 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ¹, по неисполненным обязательствам общества, вне рамок дела о банкротстве (когда возбуждение дела о банкротстве даже не инициировалось), при исключении ООО из ЕГРЮЛ как недействующего, если неисполнение обязательств ООО (в том числе, вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что привлекаемые к ответственности лица действовали недобросовестно или неразумно. Гражданский кодекс РФ (п. 3 ст. 64.2) также говорит об отсутствии препятствий для привлечения лиц, указанных в ст. 53.1 данного Кодекса, к ответственности при исключении недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ.

Для удобства единой терминологии определения лиц, перечисленных в пунктах 1 – 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ, п. 3 ст. 3 Федерального закона «Об акционерных обществах» и ст. 3 Закона об ООО, полагаю оптимальным использовать одно объединяющее понятие – контролирующие должника лица (далее – КДЛ), сформулированное законодателем в ст. 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)².

Статья 61.19 Закона о банкротстве предусматривает определенные основания и порядок привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве. Несмотря на формулировку «вне рамок дела о банкротстве», нахождение данной нормы именно в Законе о банкротстве и её содержание предполагают обязательное сначала прохождение хотя бы инициирования кредитором процедуры банкротства организации-должника. А именно, для перехода к при-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. / Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.

влечению КДЛ вне рамок дела о банкротстве (посредством искового производства) требуется наличие в отношении должника уже завершенного конкурсного производства или прекращенного производства по делу о банкротстве (при наличии оснований для привлечения по ст. 61.11 Закона о банкротстве – невозможность полного погашения требований кредиторов), или прекращение производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, или возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом (при наличии оснований для привлечения по ст. 61.12 Закона о банкротстве – неподача (несвоевременная подача) заявления должника).

Для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности по правилам Главы III.2 Закона о банкротстве законодатель установил презумпцию виновности КДЛ (п. 2 ст. 61.11). Вина КДЛ в неспособности должника погасить долг перед кредитором предполагается, обязанность доказать обратное лежит на КДЛ. Хотя в процедурах банкротства должника кредитор совместно с арбитражным управляющим имеет гораздо больше возможностей ознакомиться с документацией должника, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии вины КДЛ в неплатежеспособности должника (имеет доступ к доказательственной базе), особенно во внешнем управлении и в конкурсном производстве, когда полномочия руководителя должника и вся его документация переходят соответственно к внешнему и конкурсному управляющему.

В случае же привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО законодатель почему-то возложил на кредитора обязанность доказать недобросовестность или неразумность действий КДЛ (Определение Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № 306-ЭС18-22935 по делу № А65-9284/2018)¹, то есть в данном случае действует презумпция невиновности КДЛ. А как же кредитору получить доступ к этим доказательствам (договоры, первичные бухгалтерские документы должника), если к тому же сам должник уже исключен из ЕГРЮЛ? И суды преимущественно отказывают кредиторам в исках к КДЛ из-за недоказанности вины ответчика (Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2019 № 09АП-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 15.01.2019 N 306-ЭС18-22935 по делу № А65-9284/2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

67929/2018-ГК по делу № А40-204199/18¹; от 21.02.2019 № 09АП-71278/2018 по делу № А40-158888/18)².

Не будет ли разумней и справедливей возложить обязанность доказать свою невиновность в неплатежеспособности должника на КДЛ (руководителя и мажоритарных участников), принимая во внимание, что должник, приняв на себя обязательства перед кредиторами, не исполнил их, не провел процедуру добровольной ликвидации (по правилам ст. ст. 61 – 64 Гражданского кодекса РФ), не подал заявление о признании себя банкротом по правилам Закона о банкротстве, в течение двенадцати месяцев не представлял документы отчетности, предусмотренные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и, тем самым, довел себя до состояния недействующего юридического лица, подлежащего исключению из ЕГРЮЛ.

Второй вопрос касается компетентности (подведомственности) судов рассматривать иски юридических лиц к физическим лицам (бывшим руководителям и участникам организаций-должников) о привлечении последних к субсидиарной ответственности по долгам исключенной из ЕГРЮЛ организации.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. ст. 27, 28, 225.1)³ на данный момент не предусматривает компетенцию арбитражных судов по рассмотрению данных исков, однако на практике в одних случаях арбитражные суды их рассматривают (см. выше), в других (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2019 № 09АП-70481/2018-ГК по делу № А40-105020/18⁴) – производство по делу прекращается на основании того, что дело не подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

Суды общей юрисдикции также рассматривают данные дела (Апелляционные определения Московского городского суда от

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2019 № 09АП-67929/2018-ГК по делу № А40-204199/18. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.02.2019 № 09АП-71278/2018 по делу № А40-158888/18. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. / Собрание законодательства РФ /, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2019 № 09АП-70481/2018-ГК по делу № А40-105020/18. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

14.11.2018 по делу N 33-49974/2018¹; от 30.01.2019 по делу N 33-3258/2019²) и, кстати, в большинстве случаев, как и арбитражные суды, отказывают кредиторам в удовлетворении их требований о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности из-за недоказанности кредитором-истцом вины КДЛ.

Есть еще одна проблема с подачей исков к физлицам-КДЛ. В исковом заявлении необходимо указать адрес местожительства ответчика, направить ему по этому адресу копию искового заявления, суду нужно будет на этот адрес направить копию определения или повестку. Но кредитору этот адрес(а) не известен. В документах по сделке между кредитором и должником подобная информация не отражается, в ЕГРЮЛ и ЕГРИП сведения об адресах физических лиц в открытом доступе отсутствуют. Но это тема для отдельной статьи.

Считаю целесообразным предоставить именно арбитражным судам компетенцию по рассмотрению дел о привлечении лиц, указанных в пунктах 1 – 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ, к субсидиарной ответственности по долгам юридического лица, независимо от субъектного состава сторон. В п. 1 ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ уже есть подходящая формулировка: арбитражные суды рассматривают дела по спорам, связанным с управлением юридическим лицом или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией. А к субсидиарной ответственности бывшие руководители и участники ООО привлекаются как раз за ненадлежащее управление и участие.

Таким образом, обобщая вышесказанное, предлагаю внести следующие изменения и дополнения в действующее законодательство:

1. Пункт 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» изложить в следующей редакции:

«3.1. Исключение общества из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном Федеральным Законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Граждан-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 14.11.2018 по делу № 33-49974/2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

² Апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2019 по делу № 33-3258/2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

ским кодексом Российской Федерации для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, пока не доказано иное, предполагается, что неисполнение обязательств общества (в том числе, вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в пунктах 1 - 3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, действовали недобросовестно или неразумно, и по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества».

2. Пункт 1 статьи 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ дополнить подпунктом 3.1 следующего содержания:

«3.1. споры по искам кредиторов к лицам, указанным в пунктах 1 - 3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, о привлечении к ответственности по обязательствам недействующего юридического лица, исключенного из единого государственного реестра юридических лиц».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017). [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 23.04.2018) / Собрание законодательства РФ. 16.02.1998, № 7, ст. 785. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 27.12.2018) / Собрание законодательства РФ. 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3431. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 23.04.2018) / Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. ст. 4190. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/>

6. Алексеева Ю.С., Воскресенская Е.В. Особенности возложения субсидиарной ответственности на участника общества с ограниченной ответственностью в механизме восстановления нарушенных прав кредиторов // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 77 - 84.

7. Алиев Т.Т., Соловых С.Ж. Некоторые вопросы привлечения к субсидиарной ответственности лиц, виновных в несостоятельности юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 16 - 20.

Туркина Дарья Дмитриевна,
студентка магистратуры
Международного юридического института
Tourkina D.D.
graduate student International law Institute

ДЕВИАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

DEVIATIONS OF THE MINORS AS CRIME FACTOR: SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Аннотация. В статье анализируется влияние подростковых девиаций на формирование устойчивой преступности несовершеннолетних, рассматриваются основные причины социальных отклонений подростков и научные подходы к их изучению в зарубежной и в отечественной науке. В основу исследования положено изучение социально-психологических и криминологических факторов, способствующих «вызреванию» девиантных и делинквентных поведенческих особенностей преступной среды.

Abstract. The article is devoted to the scientific analysis of the influence of teenage deviations on the formation of sustainable juvenile delinquency. The main causes of social deviations of adolescents and the available scientific approaches to their study abroad and in domestic science are considered. The study is based on the study of socio-psychological and

criminological factors that contribute to the "maturing" of deviant and delinquent behavioral characteristics of the criminal environment.

Ключевые слова: личность, подросток, девиантное поведение, делинквент, преступность несовершеннолетних, профилактика.

Key words: personality, adolescent, deviant behavior, delinquent, juvenile delinquency, prevention.

Является неопровержимым фактом, что даже в самом передовом и развитом обществе невозможно добиться безукоризненного соответствия всех членов социума закрепленным нормам и правилам поведения. Проблема эта настолько исторически глубока, что ещё в период Античности мыслители пытались найти ей объяснение. Платон, например, объяснял разнообразие в поведении людей тем, что боги подмешивают в исходный материал либо глину, либо железо, либо золото и отводят человеку разные по своему качеству поведенческие мотивы и общественную миссию ¹. Однако первые попытки научного изучения причин отклоняющегося поведения и разработки направлений и методов по его преодолению были предприняты только в конце XIX столетия, во многом благодаря исследованиям Э. Дюркгейма, а впоследствии, уже в XX веке, Р. Мертона и А. Коэна. Результатом их плодотворной деятельности стало рождение принципиально новой области научного знания – социологии девиантного (отклоняющегося) поведения и социального контроля. В итоге был заложен новый подход к пониманию социальных отклонений, смысл которого заключался в стремлении установления их причин и детерминантов, а также в определении комплекса мер по предупреждению наиболее опасной общественной патологии.

Таким образом, раздел науки, направленный на изучение социальных девиаций, стал продуктом западной исследовательской мысли. На наш взгляд, это не случайно, поскольку именно западное общество капиталистической формации стало «родиной» многих из социальных бедствий, поразивших впоследствии и другие части света. Искаженное понимание человеческой свободы, мнимый индивидуализм, культ товарно-денежных отношений и многое другое, характерное для западной идеологии, породили социальный конформизм, сопряженный с удовлетворением личных потребностей, и безудержную вседозво-

¹ Античная литература. Древняя Греция: хрестоматия. М.: Изд-во МГУ. М., 1981. С. 382.

ленность. Дополнительную динамику этот поведенческий культ получил во второй половине XX века после окончания Второй Мировой войны, когда, как казалось, ничто более не препятствует Западу в построении свободной модели социально-государственного устройства. Её побочными характерными чертами стали алкоголизм и наркомания, проституция и бродяжничество, игромания и педофилия, неизменно ассоциирующиеся с проявлениями западной псевдокультуры.

В Советском Союзе, как справедливо отмечают отечественные исследователи, социология девиантного поведения не сложилась в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины. Данная проблема не была актуальной и требующей сколько-нибудь оперативного реагирования со стороны ученого сообщества. Причина тому, как представляется, коренится в специфике советского общественного строя. Воспитанное в духе коллективизма и взаимоконтроля, не избалованное материальными излишествами советское общество выступало гарантом социальной справедливости и равных возможностей, которые, впрочем, должны были неизменно служить общественным интересам. Соответственно, все фиксируемые отклонения от нормы воспринимались как нечто исключительное, действительно являлись феноменом, т.е. редким и нехарактерным явлением. Вряд ли в современных российских реалиях оправдано употребление данного понятия, поскольку в условиях масштабных социально-экономических проблем феноменальность социально-поведенческих отклонений полностью утратила прежний смысл.

Отказ от духовно-идеологических ценностей социализма и полный слом принципов советской формации погрузили российское общество в долговременный вакуум. В условиях высокого градуса социальной напряженности и политической нестабильности не только рушились духовные стереотипы мышления, но и утратили свой непререкаемый характер социальные эталоны поведения. Некогда запретные плоды «окультуренного свободного» Запада в начале 90-х г. г. XX века буквально ворвались в российский быт не только в виде моды на зарубежные брендовые товары, поп-музыку, «желтую» прессу и т.п., но и в виде социально опасных казино, порнографии, проституции, не считая бурно расцветшей деятельности преступно-мафиозных структур. Всё это естественным образом негативно отложилось на самочувствии российского общества, где и без того в сложной обстановке семья как исходное социальное начало и гарант стабильности переживала глубочайший кризис.

Разумеется, самой неподготовленной к общественно-опасным явлениям времени и потому уязвимой социальной группой оказались подростки и несовершеннолетняя молодежь. Именно эта часть общества оказалась наиболее болезненно подвержена побочным результатам демократизации России, таким как алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество и иные формы асоциального поведения. Созданию благоприятной для нарушения общепринятых моральных и правовых норм среды послужили глобальные мировые процессы.

В этих условиях возникла настоятельная необходимость в систематизации знаний относительно сущности социальных девиаций и их внутренних механизмов для выработки практических рекомендаций по борьбе с ними. Было бы несправедливо говорить об отсутствии какого-либо теоретического опыта, наработанного советской научной школой в рамках исследуемой проблемы. Однако отклоняющееся поведение по большей части изучалось в рамках отдельных научных направлений: криминологии, наркологии, суицидологии и др. Для осуществления комплексного анализа на рубеже XX и XXI в. в. не доставало социологических знаний. Результатом развития междисциплинарного подхода в этот период стало оформление социологии девиантного поведения, большую роль в становлении которой сыграли академик В.Н. Кудрявцев и профессор Я.И. Гишинский. Последний явился основоположником целого исследовательского направления под названием «девиантология»¹. Весомый вклад в разработку данной темы внесли О.С. Ситникова, М.Н. Добрунова, Е.В. Змановская, С.Т. Сулейманова, И.В. Севастьянова, Ю.А. Клейберг и др.

Известно, что девиантное поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческой деятельности установленным в обществе нормам, в том числе, правовым, а также ценностям, ожиданиям, сложившимся стереотипам. Следовательно, девиантность является естественной формой межличностных отношений, причём как в своих негативных, так и позитивных проявлениях. Не случайно, ещё Ю.А. Клейберг определил девиантное поведение как «поступок, действие человека и социальное явление»². Однако, разумеется, наиболее пристальное внимание исследователей и в целом общественности обра-

¹ Гишинский Я.И. Девиантология. Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

² Клейберг Ю.А. Социальные нормы и отклонения. М.: Вита-Пресс, 1997. С. 8.

щает на себя именно негативная девиация как наиболее агрессивная и деструктивная форма социальных отклонений.

Научным путём установлено, что девиации имеют место в любых социальных и возрастных группах. Тем не менее, девиантное поведение в подростковой среде занимает особую позицию в системе социальных отношений и, соответственно, исследовательской практике. Данное обстоятельство объясняется высоким уровнем лабильности юношеской психики, восприимчивостью к воздействию различного рода процессов, окружающих подростков. Их социализация несет в себе принципиально иные характеристики в отличие от тех, которые присущи социальным отношениям в возрастных группах. Подростковому периоду свойственны отсутствие достаточного социального опыта и шаткость психологической и нравственной позиций. Внутренний конфликт между желаемым и возможным приводит подростка к потребности в самовыражении и самоутверждении, причем, зачастую, с помощью негативного поведения. При этом явным заблуждением было бы недооценивать уровень психоэмоциональной зрелости. Как убедительно показала А.И. Шипицина, подростки в возрасте 14-16 лет достигают такой степени умственного и волевого развития, которая позволяет им критически осмысливать свои поступки¹.

Пожалуй, наиболее удачно источник девиации определен Я.И. Гилинским. По мнению исследователя, в качестве такового следует признать «наличие социального неравенства в обществе, а так же различие возможностей удовлетворения насущных потребностей для разных социальных групп»². Вслед за большинством авторов следует признать, что при всей значимости биологического (наследственного) и психологического факторов социальный фактор играет доминирующую роль в формировании девиантного поведения несовершеннолетних лиц. Под этим фактором следует понимать совокупность общественных институтов и связей между ними, в рамках которых осуществляется жизнедеятельность подростка. В первую очередь, конечно, имеется в виду социальная среда (семья, ближайшее окружение, друзья), а также его обучение, воспитание и сфера интересов. Следует подчеркнуть, что даже в случае негативной социальной атмосферы, сложившейся вокруг него, прямая связь между её негатив-

¹ Шипицина А.И. Биологические и социальные факторы нарушения поведения у детей и подростков. СПб., 2009. С. 95.

² Гилинский Я.И. Криминология. СПб., 2009. С. 335.

ным влиянием и отклоняющимся поведением подростка отсутствует¹. Катализатором девиантной динамики она с неизбежностью становится в случае наследственной аномалии и низкой психологической устойчивости индивида, когда единственно приемлемым выражением его защитной реакции становятся различные девиации и преступное поведение. Можно с уверенностью утверждать, что в подавляющем большинстве случаев подросток с девиантным поведением – это субъект с личностными деформациями, а так же с устойчивыми стереотипами антиобщественного поведения.

Конечно, подростковый возраст характеризуется в принципе эмоциональной неуравновешенностью, упрямством, неадекватными амбициями и максимализмом в рассуждениях и поступках. Однако, в случаях с девиантными проявлениями, речь следует вести не о возрастных особенностях несовершеннолетних, которые присущи основной массе подростков, а о криминогенных сдвигах, представляющих собой устойчивую асоциальную форму сознания. Для неё характерна постоянная демонстрация пренебрежения к нормам общепринятого поведения (сквернословие, появление в обществе в нетрезвом виде, приставание к гражданам, порча общественного имущества и т.д.), пристрастие к спиртным напиткам, наркотикам и азартным играм, систематические побеги из дома и бродяжничество, ранние половые связи и половая распущенность и т.д.

Чем же обусловлено более интенсивное возникновение и развитие психогенно обусловленных аномалий у части подростков? Исследователи единодушны во мнении, что в эту группу риска попадают несовершеннолетние с неблагоприятными условиями их семейного воспитания, выражающимися в наличии различных нервно-психических заболеваний у родителей, в их алкоголизме и пьянстве, противоправном и аморальном образе жизни, жестокости в семьях. По данным И.В. Упорова, прямое отрицательное влияние родителей и старших членов семьи имеет место в 30-35 % преступлений несовершеннолетних². Не подлежит сомнению, что именно недостаток нравственного

¹ Мишукова О.А., Гузенина С.В. Девиантное поведение подростков в современной России // Студенческий электрон. науч. журн. 2018. № 2(22). [Электронный ресурс] URL: <http://sibac.info/journal/student/22/95975>

² Упоров И.А. Девиантное поведение несовершеннолетних как предпосылка совершения ими преступных деяний // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 312-313.

развития личности в итоге и воплощается в различные формы девиантности подрастающего поколения. Лишенные должного родительского попечения такие подростки наиболее склонны к бродяжничеству и, тем самым, подвержены опасности стать жертвами насилия и преступлений. По данным статистики, ежегодно более 50 тыс. подростков уходят из семьи, более 20 тыс. покидают детские дома и школы-интернаты, а в крупных городах России (с населением от 500 тыс. до миллиона) насчитывается от 20 до 45 тыс. безнадзорных подростков¹.

Наиболее запущенные формы подростковых деформаций образуются в тех случаях, когда социальное неблагополучие отягощается дефектами психофизического и интеллектуального развития и состоянием. Указанные нарушения обусловлены, как правило, аномалиями внутриутробного развития или осложнениями, возникшими во время родов, а также в младенческом и раннем детском возрастах, которые опровергаются явлениями инфантилизма и отставанием в физическом развитии, включая дефекты внешнего вида, пониженный уровень интеллектуального развития. Всё это, разумеется, создаёт трудности в общении со сверстниками и отягощает процесс социализации таких подростков.

Такого рода факторы формируют криминогенную личность, для которой характерны утрата интересов к учебе, разрыв с учебным или трудовым социумом, полное равнодушие к проблемам общества, игнорирование правовых и нравственных оценок с его стороны. Интересы коллектива для таких субъектов полностью вытеснены досуговыми интересами. Именно здесь формируются гипертрофированные потребности, связанные с погоней за «красивой» жизнью, в достижении которой подростки действуют, как правило, противоправными способами. Сформированный криминогенный тип личности уже готов к совершению преступления, и в соответствующей ситуации такой человек, мало задумываясь, совершает его. Нередко для совершения несовершеннолетним преступления достаточно незначительного повода. Такой подросток, как правило, не сможет уже удержаться от соблазна присвоить то, что «плохо лежит», что можно безнаказанно отнять у слабого и т.д.

¹ Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества. М., 2009. С. 21.

Не случайно, согласно статистике, в структуре правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, наибольший удельный вес составляют различного рода хищения. Это особенно относится к 11-13-летним подросткам, но характерно для подростков и более старшего возраста. Так, по данным прокуратуры Ивановской области, в 2018 году в регионе судами рассмотрено 118 уголовных дел в отношении 151 несовершеннолетнего, и по 105 из них были вынесены обвинительные приговоры. Большинство несовершеннолетних (74 %) осуждено за совершение преступлений против собственности¹. В отчете ВРИО начальника УМВД по Ивановской области В.А. Пронина было указано, что в 2018 г. отмечен рост преступности несовершеннолетних на 10,2 %, причем он коснулся всех 15-ти муниципальных районов области. Как было подчеркнуто в докладе, в структуре подростковой преступности преобладают преступления против собственности: почти 60 процентов правонарушений – это кражи (59,8%; 193), в число которых входят квартирные кражи (13), кражи автотранспорта (15), велосипедов (12), а также цветных металлов (12) ².

Таким образом, проблема обусловленности подростковой преступности различного рода девиантными проявлениями носит сегодня весьма актуальный характер, поскольку взаимосвязь между ними не вызывает сомнения. Предупреждение преступности следует начинать с профилактики социальных отклонений, поскольку только общественно-адаптированные дети могут выступать залогом здорового будущего всей нации. При этом следует помнить, что лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте, позже, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности. В этой связи особая роль отводится подростковой коррекции как способу преодоления девиаций и недопущения их трансформации в преступные деяния. В отношении же тех несовершеннолетних, кто уже преступил закон, коррекционная работа должна выстраиваться ещё более грамотно и скрупулёзно, чтобы не допустить рецидива. Вряд ли в данной ситуации можно возложить эту миссию на семью несовершен-

¹ Официальный сайт Прокуратуры Ивановской области [Электронный ресурс] URL: <https://prokuratura/ivanovo.ru>.

² Отчет ВРИО начальника УМВД России по Ивановской области полковника полиции В.А. Пронина перед депутатами Ивановской областной Думы 28 марта 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <https://37.мвд.рф/>.

нолетнего делинкента. Как точно по этому поводу отметил Д.А. Столяров, в большинстве случаев подростковая преступность является продолжением семейной нездоровой среды, поэтому коррекцией детей там заниматься некому и нечем¹.

Следовательно, большая доля нагрузки и ответственности в данном вопросе ложится на государственные и гражданские институты общества (спецшколы, колонии, центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, различные волонтерские объединения, психологические центры). Хочется надеяться, что применяемые ими методики, в основе которых лежат передовые технологии (тесты, тренинги, социометрия, референтометрия, реабилитационные программы и др.), способны повлиять на решение проблемы подростковых поведенческих отклонений. К сожалению, следует констатировать, что полностью искоренить девиантное поведение подростков не представляется возможным. Однако на современном этапе гораздо более реалистичная задача этой деятельности состоит в том, чтобы четко обозначить государственные приоритеты в этом вопросе и избежать кампанейщины и формализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Античная литература. Древняя Греция: хрестоматия. М.: Изд-во МГУ. М., 1981.
2. Гишинский Я.И. Криминология. СПб., 2009.
3. Гишинский Я.И. Девиантология. Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004.
4. Клейберг Ю.А. Социальные нормы и отклонения. М.: Вита-Пресс, 1997.

¹ Столяров Д.А. Правовая коррекция в подростковой преступной среде: основные направления и проблемы реализации / Философские и социально-экономические аспекты формирования правового сознания граждан». Материалы научно-практической конференции. Ответственный редактор – И.И. Грунтовский. М., 2016. С. 140.

5. Мишукова О.А., Гузенина С.В. Девиантное поведение подростков в современной России // Студенческий электрон. науч. журн. 2018. № 2(22). URL: <http://sibac.info/journal/student/22/95975>
6. Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества. М., 2009.
7. Отчет ВРИО начальника УМВД России по Ивановской области полковника полиции В.А. Пронина перед депутатами Ивановской областной Думы 28 марта 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <https://37.мвд.рф/>.
8. Столяров Д.А. Правовая коррекция в подростковой преступной среде: основные направления и проблемы реализации / Философские и социально-экономические аспекты формирования правового сознания граждан. Материалы научно-практической конференции. Ответственный редактор – И.И. Грунтовский. М., 2016.
9. Упоров И.А. Девиантное поведение несовершеннолетних как предпосылка совершения ими преступных деяний // Общество и право. 2012. № 4 (41).
10. Шипицина А.И. Биологические и социальные факторы нарушения поведения у детей и подростков. СПб., 2009.

Язева Ирина Владимировна,
студентка магистратуры
Международного юридического института
Yazeva I.V.
magistrate student International Law Institute

**ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
МЕТОДОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНОГО
ОБРАЩЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ПЕРИОД
1990-2000 ГОДОВ**

**LEGAL ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF
THE METHODS OF REGULATION OF MONETARY
CIRCULATION USED IN THE PERIOD 1990-2000**

Аннотация. Применение методов регулирования денежного обращения в современном обществе основывается на опыте прошлых лет.

В статье рассмотрена денежная реформа, проведенная в Российской Федерации в 90-е годы XX века. В процессе исследования произведен анализ методов, применяемых при осуществлении реформы, изменении законодательства. В статье дана оценка событий с точки зрения права и их последствий после проведения денежной реформы, произведена оценка эффективности методов регулирования денежного обращения.

Abstract. The use of methods of regulation of monetary circulation in modern society is based on the experience of the past years. The article considers the monetary reform carried out in the Russian Federation in the 90s of the XX century. The article analyzes the methods used in the implementation of the reform, changes in legislation. The article assesses the events from the point of view of law and their consequences after the monetary reform, assesses the effectiveness of methods of regulation of monetary circulation.

Ключевые слова: денежная реформа, эмиссия денежного обращения, темп роста денежной массы, двухуровневая банковская система, методы регулирования денежного обращения.

Key words: monetary reform, issue of monetary circulation, growth rate of money supply, two-level banking system, methods of regulation of monetary circulation.

В середине 80-х годов страна начала совершать переход от плановой экономики к рыночной. В истории СССР начались серьезные преобразования. Первоначально руководством были сформированы задачи по ускорению социально-экономического развития страны, где упор был сделан на вложение капитала в отрасли, развивающий технический процесс. Однако отсутствие гибкости действующей системы сформировало дефицит, а монополизация производителя не позволила создать широкий выбор качественного товара или услуг. Следующим шагом по развитию социально-экономического состояния страны были переход государственных предприятий в частные руки, увеличение самостоятельной деятельности предприятий, установление зависимости доходов сотрудников от эффективной деятельности предприятий. Планы предприятий устанавливались в зависимости от заключенных договоров с другими предприятиями, формировались резервные фонды для выплаты переменных затрат предприятий. Промышленность и сельское хозяйство в те годы не смогли адаптироваться к рыночным

условиям, что привело к росту цен, профициту дорогостоящей продукции.

В это время государство применяет эмиссию денежных знаков. А между тем инфляционные риски возрастали: большинство предприятий вкладывало денежные средства в любые ресурсы, что повлекло рост запасов сверх нормы. Все чаще стали применяться бартерные сделки, возросли отказы от государственных заказов, импорт стал преобладать над внутренним рынком. Данный кризис четко дал понять, что необходимо переходить к рыночным отношениям и создавать текущий рынок. Так, в январе 1992 года на V Съезде народных депутатов было принято решение о проведении реформирования экономики в целом, в т. ч. об ужесточении денежно-кредитной политики государства. Между тем, положение в стране ухудшилось: инфляция превысила допустимые пределы в 36 раз, стремительно ухудшалось материальное положение ученых, преподавателей, врачей, шахтеров и др.; предприятия, не обладающие нужным резервом, а также не сумевшие приспособиться к рыночным реалиям, не выплачивали заработную плату¹. Темпы инфляции представлены в таблице №1.

Таб. №1. **Уровень инфляции в % за период 1991-2001 г. г.**
(знаком «минус» отражена дефляция,
цифры округлены до одного десятичного знака)².

¹ Юров А.В. Наличное денежное обращение в период спада и подъема экономики//Деньги и кредит.2011. №1, С. 45-47

²Таблица уровня инфляции. [Электронный ресурс]URL: <http://уровень-инфляции.рф/>.

	Янв	Фев	Мар	Апр	Май	Июн	Июл	Авг	Сен	Окт	Ноя	Дек	Год
2001	2,8	2,3	1,9	1,8	1,8	1,6	0,5	0	0,6	1,1	1,4	1,6	18,8
2000	2,3	1	0,6	0,9	1,8	2,6	1,8	1	1,3	2,1	1,5	1,6	20,1
1999	8,4	4,1	2,8	3	2,2	1,9	2,8	1	1,5	1,4	1,2	1,3	36,6
1998	1,5	0,9	0,6	0,4	0,5	0,1	0,2	3	38	4,5	5,7	11	84,5
1997	2,3	1,5	1,4	1	0,9	1,1	0,9	-	-0,3	0,2	0,6	1	11
1996	4,1	2,8	2,8	2,2	1,6	1,2	0,7	-	0,3	1,2	1,9	1,4	21,8
1995	17,8	11	8,9	8,5	7,9	6,7	5,4	4	4,5	4,7	4,6	3,2	131,6
1994	17,9	10	7,4	8,5	6,9	6	5,3	4	8	15	14	16	214,8
1993	25,8	24	20,1	18	18,1	19,9	22,4	26	23	19	16	12	840
1992	245,3	38	29,9	21	11,9	10,1	10,6	8	11	22	26	25	2508,8
1991	6,2	4,8	6,3	6,1	3	1,2	0,6	0	1,1	3,5	8,9	12	160,4

Для нейтрализации тяжелой экономической ситуации руководство страны радикально производило реформы, не обладающие соответствующей законодательной базой. В этой ситуации были применены методы денежного регулирования – бесконтрольное увеличение эмиссии денежных средств, предприятиям выдавались льготные кредиты, производились взаимозачеты задолженностей. Активно использовался в это время Указ президента РФ от 29.01.1992 №65 «О свободе торговли»¹, который дал открытую дорогу населению на занятие посреднической и торговой деятельностью. Безработица, торговоспекулятивная деятельность, простой промышленных предприятий, отток перспективных кадров из страны – все это усилило тяжелую обстановку в стране.

В первую очередь, денежная реформа несет в себе качественное преобразование денежной системы, изменяющее в корне денежное обращение в целом. Кроме того, экономические процессы оказывают влияние на правосознание населения, порождая определенные модели поведения людей. Это особенно четко исследовано в литературе². Де-

¹ Указ Президента РФ от 29.01.1992 N 65 (ред. от 16.05.1997) «О свободе торговли»/ СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288/

² Певцова Е.А., Клишина А.В. О некоторых аспектах правосознания адвокатов: историко-правовое исследование // Право и образование. 2014. № 2. С.144-156; Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи:

нежная реформа в 90-е годы XX века осуществлялась поэтапно. Первоначальные изменения произошли в банковской системе. Согласно закону «О денежной системе Российской Федерации» №3537-1 от 25.09.1992 г.¹, денежная система России включает в себя официальную денежную единицу, порядок эмиссии наличных средств, организацию и регулирование денежного обращения, которые осуществляются исключительно Банком России. Правительство ожидало, что, выпуская дополнительную денежную массу, таким образом сможет повлиять на ценообразование. Денежная масса не обеспечивалась в той мере, в которой она выпускалась. Все эти мероприятия и привели к колоссальному увеличению инфляции и финансовому кризису. Денежное обращение в стране — это, в свою очередь, равновесие между экономическим и политическим положением государства. Здесь важны не только экономические факторы, но и правовые. Правильное соотношение между доходами населения и стоимостью товаров или услуг на внутреннем рынке в денежном эквиваленте является приоритетной целью правового регулирования денежного обращения.

Переломный момент в денежной реформе возник, когда была принята новая Конституция РФ, которая позволила снять все ограничения с деятельности Банка России и установила основную функцию – защиты и обеспечения устойчивости рубля. В эти годы задачей денежной реформы стало также обеспечить защиту банкнот от подделки.

теоретико-правовые аспекты// Гражданин и право. 2007.№ 3. С.9; Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства // Юстиция. 2007.№ 3. С. 9; Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних // Народное образование. 2006. № 9. С. 186; Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития. Москва. 2019; Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Профессиональное поведение юристов в электронном государстве в случаях несовершенства законодательства // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 40-49; Певцова Е.А. Правовое регулирование «цифровизации» образовательных отношений // Народное образование. 2018. № 10 (1471). С.15-20; Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Профессиональное суждение юристов о проблемах правоприменения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С.19-32.

¹ Федеральный закон «О денежной системе Российской Федерации» №3537-1 от 25.09.1992 года (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1011/

Центральный банк в своих документах в 1994 году отметил успешный опыт зарубежных коллег. Ведущая задача центрального банка страны – это обеспечение стабильности цен. Таким образом, с 01.05.1995 года перестает действовать закон «О денежной системе» и вступает в силу новая редакция закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» №394-1¹. В этот период темпы инфляции замедлялись быстрее, чем шел прирост денежной массы, что способствовало установлению стабильного положения в условиях роста денежной массы. В этот период Центральный банк приобретает право монополии на эмиссию наличных денежных средств, осуществление валютного контроля и регулирования, право координации деятельности банков является последней кредитующей инстанцией. Следует отметить, что фактически денежная масса выросла на 20,9%, что соответствует принятой денежной программе на 1996 год. Объемы роста денежной массы в наличном выражении обусловлены выплатами денежных средств населению. Темпы роста безналичной денежной массы были обусловлены привлечением иностранного капитала, а также развитием рынка ценных бумаг. В конце 1997 году Правительство РФ объявило о деноминации, целью которой является приведение в порядок денежной массы. В этот период был произведен обмен денежных знаков по курсу 1:1000, пересчитаны остатки на счетах и балансовые документы предприятий. В 1999 году курс рубля стабилизировался по отношению к доллару, в 2000 году скорость обращения денежной массы существенно снижалась.

После проведения денежной реформы, влияние которой растянулось на десять лет, основными задачами Банка России было закрепление и развитие устойчивого состояния экономики. Стоит заметить, что этот период позволил выявить недостатки существующего порядка, а также показал, что применяемые методы регулирования денежного обращения не работали эффективно. Используя эмиссию денежного обращения, а также бесконтрольный и ничем не подтвержденный выпуск денежной массы, государство только усугубило тяжелое социально-экономическое положение. Отсутствие нормативно-законодательной базы привело к тому, что осуществление реформы производилось бесконтрольно и хаотично. Предприятия, юридические

¹ Федеральный закон "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" от 02.12.1990 N 394-1 (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32/

лица, население не были готовы перейти централизованно к выполнению целей, установленных руководством страны. Учитывая принятый порядок, руководству было необходимо предусмотреть отсутствие нормативной базы и предварительно заняться ее разработкой. На формирование денежного обращения в стране влияют не только экономические, но и правовые факторы. В случае проведения экономической реформы в 90-е годы данный принцип не был принят к утверждению, осуществлялись вливания капитала в те отрасли, которые не были востребованы или разработаны с целью производства высококачественного продукта, на который отсутствовал спрос в виду отсутствия развитых рыночных отношений в стране.

Последствия проведения денежной реформы оказали существенное влияние на будущее развитие Российской Федерации:

1) в результате проведения реформы была создана полноценная рыночная экономика, сформировался рынок труда, появилась безработица;

2) изменилось действующее законодательство относительно полномочий Банка России, денежно-кредитной системы, организации и регулирования денежного обращения;

3) в связи с проведенными изменениями существенно изменились отношения между предприятиями, банками, партнерами, что потребовало внесения изменений в действующее законодательство, а также разработки новых нормативных документов в трудовом, гражданско-правовом, уголовном праве;

4) возрос уровень преступности, ухудшение материального положения населения, ослабление милиции и судебной системы в виду отсутствия финансирования. Переход от прежней экономической системы, передача государственной собственности в частные руки и другие реформы спровоцировали необходимость защиты частных прав. Отсутствие необходимых законодательных норм, отсутствие финансирования, отток квалифицированных кадров способствовали деформации деятельности правоохранительных органов.

Все эти изменения вызвали ухудшение социально-экономического развития страны, которое замедлило, а в какие-то годы и остановило возможный рост и стабильность страны. Глазьев С.Ю. и Батчиков С.А. пишут, что «за годы реформы страна по уровню социально-экономического развития оказалась отброшенной на десятилетия назад, а по некоторым показателям – в дореволюционный период. Никогда за обозримый период, даже после разрушений от гитлеровского

нашествия, не наблюдалось столь продолжительного и глубокого снижения уровня производства почти во всех отраслях отечественной экономики»¹. Данный опыт предполагает грамотный симбиоз использования правовых и экономических факторов для применения методов регулирования денежного обращения в стране. Создание двухуровневой банковской системы позволило обеспечить устойчивость денежно-кредитной системы и стабильное функционирование коммерческих банков путем четкого законодательного разделения функций Центрального Банка и коммерческих финансовых организаций.

Правовой анализ оценки эффективности методов денежного регулирования 1990-2000 годов позволяет сделать следующие выводы. Денежная реформа – это сложное преобразование денежной системы страны, которое должно происходить поэтапно, согласно разработанному комплексному плану, который соответствует действующему законодательству и нормам права. Важнейшим этапом является подготовка к денежной реформе, которая должна учесть несколько сценариев развития событий, а также предвидеть наступление определенных событий в сферах, которые денежная реформа затронет. При выявлении слабых мест и при планировании наступления пассивного сценария необходимо обратиться к действующему законодательству, которое будет регулировать финансовую, экономическую, социальную сферы жизни. При отсутствии необходимых законодательных норм необходимо разработать те законопроекты, которые позволят урегулировать спорные вопросы и минимизировать риски, не допустить кризиса. При проведении денежной реформы рекомендуется учесть как действующие, так и будущие факторы, а именно комплексный план действий, зону ответственности каждого участника реформы, риски и потери в натуральном выражении, необходимые ресурсы и технологии, нормативную базу и законопроекты, регламентирующие денежную систему, а также разработанные дополнительные законопроекты, необходимые для эффективного функционирования реформы.

¹ Касевич Е.В., Станкевич Г.В. О государственном регулировании денежного обращения//Теория и история права и государства. 2010. №4(31), С.26-29

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 02.12.1990 N 394-1 (последняя редакция) СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32/
2. Федеральный закон «О денежной системе Российской Федерации» №3537-1 от 25.09.1992 года (последняя редакция) СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1011/
3. Указ Президента РФ от 29.01.1992 N 65 (ред. от 16.05.1997) «О свободе торговли» СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288/
4. Касевич Е.В., Станкевич Г.В. О государственном регулировании денежного обращения//Теория и история права и государства – 2010. №4(31), С.26-29.
5. Певцова Е.А., Клишина А.В. О некоторых аспектах правосознания адвокатов: историко-правовое исследование // Право и образование. 2014.№ 2. С.144-156.
6. Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты// Гражданин и право. 2007.№ 3. С.9.
7. Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства // Юстиция. 2007.№ 3. С. 9.
8. Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних ,// Народное образование. 2006. № 9. С. 186.
9. Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития. Москва. 2019.
10. Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Профессиональное поведение юристов в электронном государстве в случаях несовершеннолетия законодательства // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 40-49.
11. Певцова Е.А. Правовое регулирование «цифровизации» образовательных отношений // Народное образование. 2018. № 10 (1471). С.15-20.
12. Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Профессиональное суждение юристов о проблемах правоприменения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С.19-32.

13. Юров А.В. Наличное денежное обращение в период спада и подъема экономики//Деньги и кредит. 2011. №1Ю С. 45-47

14. Таблица уровня инфляции. [Электронный ресурс]URL: <http://уровень-инфляции.рф/>.

Научно-информационный журнал «Вестник Международного юридического института»

- публикуется на сайте Международного юридического института: <http://lawacademy.ru/plan/nauchno-informatsionnyy-zhurnal-vestnik-myui>;
- размещается на портале научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, который является крупнейшим российским информационно-аналитическим порталом в области науки, технологии, медицины и образования;
- поставляется в Российскую книжную палату экземпляр на государственную регистрацию в информационной системе "Государственная библиография".

